М. И. ИВАНОВ

ЯПОНИЯ В ГОДЫ ВОЙНЫ

ЗАПИСКИ ОЧЕВИДЦА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Автор с 1941 по 1946 г. работал в консульском отделе советского посольства в Токио. Неоднократно в годы войны выезжал по консульским делам в оккупированные японской армией районы Китая, в Корею н Маньчжурию. М. И. Иванову довелось посетить города Хиросима и Нагасаки вскоре после атомных бомбардировок, быть свидетелем многих драматических событий в Японии военных лет, о которых он рассказывает в книге на основе личных впечатлений.

- Иванов М. И.
  - ОТ АВТОРА
  - ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА С ЯПОНИЕЙ
  - ТОКИО – ЦЕНТР МИЛИТАРИСТСКОЙ ЯПОНИИ
  - ЗАТИШЬЕ ПЕРЕД БУРЕЙ
  - ЗАГОВОР АГРЕССОРОВ
  - СОВЕТСКАЯ РОДИНА В ОГНЕ ВОЙНЫ
  - «НЕ ОПОЗДАТЬ К ПОСЛЕДНЕМУ АВТОБУСУ!»
  - НАПАДЕНИЕ НА ПЁРЛ-ХАРБОР – НАЧАЛО «БОЛЬШОЙ ВОЙНЫ»
  - ПЕРВЫЙ ГОД ВОЙНЫ
  - ЖИЗНЬ В ОБСТАНОВКЕ ВРАЖДЕБНОСТИ
  - В ОККУПИРОВАННОМ КИТАЕ
  - СНОВА В ЦАРСТВЕ ЯПОНСКОГО ДРАКОНА»
  - ПРОВАЛ ПЛАНОВ «МОЛНИЕНОСНОЙ ВОЙНЫ»
  - В ТИСКАХ ДУХОВНОГО РАБСТВА
  - НЕОБЪЯВЛЕННАЯ ВОЙНА
  - ПЕРЕЛОМ В ВОЙНЕ НА ТИХОМ ОКЕАНЕ
  - В ГОРЯЩЕМ ТОКИО
  - В ПОИСКАХ ВЫХОДА ИЗ ВОЙНЫ
  - ПРЕДДВЕРИЕ КРАХА
  - ВСТУПЛЕНИЕ В ВОЙНУ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
  - БЕЗОГОВОРОЧНАЯ КАПИТУЛЯЦИЯ ЯПОНИИ
  - ПОЕЗДКИ, ВСТРЕЧИ, ВПЕЧАТЛЕНИЯ
  - ПЕРВЫЕ МЕСЯЦЫ ОККУПАЦИИ ЯПОНИИ»
  - В БОРЬБЕ ЗА НОВУЮ ЯПОНИЮ
  - ПРОЩАЙ, ЯПОНИЯ!
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4

- ○ 5
- ○ 6
- ○ 7
- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17

Иванов М. И.
Япония в годы войны (записки очевидца)

ОТ АВТОРА

2 сентября 1945 г. в Токийском заливе на борту американского линкора «Миссури» состоялась церемония подписания акта о безоговорочной капитуляции Японии. Вместе с представителями других держав-победительниц свою подпись под документом по праву поставил и представитель Советского Союза генерал-лейтенант К. Н. Деревянко. Это был неизбежный финал второй мировой войны, развязанной фашистской Германией и милитаристской Японией, унесшей более 50 миллионов человеческих жизней и завершившейся убедительной победой миролюбивых народов. Советский Союз, который внес решающий вклад в дело разгрома империалистических агрессоров, заплатил за победу самую высокую цену.

С тех памятных дней прошло более 30 лет. Срок немалый, и, казалось бы, события войны должны были безвозвратно уйти в прошлое, стать достоянием истории. Однако они и сегодня будоражат сердца поколения, грудью отстоявшего мир и счастье на земле, волнуют нашу молодежь, склоняющую головы перед беспримерными подвигами отцов и дедов. Сегодня еще шире, чем когда-либо, раскрывается панорама минувших сражений, ярче видится мера героизма и страданий советских людей, принявших на себя основную тяжесть титанической борьбы с наиболее агрессивными силами мирового империализма, глубже осознается непреходящее значение одержанной тогда победы для судеб всего человечества. Не приходится сомневаться в том, что тема второй мировой войны еще долго будет волновать всех честных людей мира, и прежде всего советских людей, для которых, массовый героизм воинов на фронтах, самоотверженная работа тружеников тыла навсегда останутся Источником гордости и вдохновения.

Как известно, решающие битвы второй мировой воины происходили в Европе. Именно здесь Советская Армия во взаимодействии с войсками союзников и при поддержке освободительного движения народов оккупированных стран сломала хребет главному участнику империалистического агрессивного блока – фашистской Германии. Война в Азии и на Тихом океане, которую англо-американские союзники вели против другого члена этого блока – милитаристской Японии, не имела столь определяющего значения, хотя агрессия со стороны Японии представляла огромную опасность для свободы и независимости многих народов. Водруженное советскими воинами Знамя Победы над рейхстагом возвестило неизбежное

торжество справедливости и мира и на Дальнем Востоке. Выступление Советского Союза против Японии значительно ускорило ее полное поражение, позволило миролюбивым народам поставить последнюю, победную точку в истории второй мировой войны.

Вторая мировая война завершилась сокрушительным разгромом сил империализма и реакции. В наши дни Советский Союз и другие социалистические страны, народы молодых государств, освободившихся от колониального гнета, успешно борются за мир и лучшее будущее человечества, за то, чтобы никогда не повторились ужасы войны. Однако в мире еще достаточно людей, не способных или не желающих извлечь уроки из прошлого, готовых ради своих корыстных интересов поставить человечество на грань военной катастрофы. «Противники разрядки и разоружения, – говорил на XXV съезде КПСС Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, – обладают еще немалыми ресурсами. Они действуют активно, в разных формах ,и с разных направлений. Хотя возможности агрессивных действий империализма теперь значительно урезаны, его природа остается прежней. Поэтому миролюбивым силам необходимо проявлять высокую бдительность. Нужны энергичные действия и единство всех сил мира и доброй воли»[1]

Вместе с другими народами активно борются за мир и социальный прогресс трудящиеся Японии. Разгром милитаристской клики, развязавшей войну в Азии и на Тихом океане, великий пример Советского Союза и других социалистических стран способствовали пробуждению политической энергии масс, росту демократического движения. Сегодня трудящиеся Японии, в авангарде которых Коммунистическая и Социалистическая партии, успешно выступают за свои жизненные права, за демократическое обновление страны. Но и в Японии имеются силы, не желающие положительных перемен. Вновь поднимают головы те, кто повинен в неисчислимых бедствиях минувшей войны, кто своими претензиями на мировое господство принес столько горя и страданий народам, в том числе и японскому. Все чаще в последнее время раздаются призывы к пересмотру итогов второй мировой войны, к перевооружению и милитаризации. Это осложняет и ухудшает советско-японские отношения. В своем докладе на XXV съезде Л. И. Брежнев указывал, что «кое-кто в Японии, подчас при прямом подстрекательстве извне, пытается предъявлять к СССР необоснованные и незаконные претензии. Это, конечно, не путь к поддержанию добрососедских отношений»[2].

Чтобы обеспечить проводимый ими курс в политическом и моральном отношениях, реакционные круги широко используют такое испытанное средство идеологической обработки масс, как фальсификация истории второй мировой войны. Они пытаются исказить правду о событиях того периода на Дальнем Востоке, оправдать военно-фашистскую клику, втянувшую Японию в войну, и одновременно изобразить политику Советского Союза в кривом зеркале. Фальсификаторы истории стараются представить японскую агрессию в Азии чуть ли не как «величайшее благодеяние» для азиатских народов.

В связи с 30-летием разгрома японского милитаризма на книжных рынках Японии и Запада появилось много подобной продукции, утверждающей «миролюбие» Японии и «агрессивность» СССР в годы второй мировой войны, приписывающей заслуги в военном разгроме японских империалистов лишь англо-американским союзникам. Один из японских журналов в августе 1975 г. договорился до того, что утверждал, будто И. В. Сталин в июле 1945 г. в Потсдаме санкционировал использование против японских городов атомной бомбы[3].

Разоблачение буржуазных фальсификаторов, восстановление подлинной правды о второй мировой войне является важной задачей всех честных людей на земле. Большая ответственность в этом отношении ложится на современников – участников и очевидцев исторических событий времен прошедшей войны. Их воспоминания, написанные объективно и беспристрастно, призваны стать ценными свидетельствами времени.

Автор данной книги в 1941-1946 гг. находился в Японии в качестве сотрудника сначала советского посольства, а в послевоенное время – советской части Союзного совета для Японии. Ему довелось быть очевидцем того, как милитаристские круги провоцировали войну в Азии и на Тихом океане, как они готовили разбойничье нападение на Советский Союз. Вместе с другими советскими людьми он испытал все тяготы жизни в стране, где господствовала оголтелая реакция, насаждалась атмосфера шовинизма и антисоветизма. На его глазах созданная в результате временных военных успехов японская империя разрослась до гигантских размеров, а затем развалилась под ударами армий союзников и национально-освободительного движения порабощенных народов. Решающий удар по ней нанесла Советская Армия в августе 1945 г. В период после капитуляции автор был свидетелем бурного подъема борьбы демократических сил против реакции, за глубокие социально-экономические преобразования в стране. Обо всем виденном и

пережитом автор попытался рассказать на страницах этой книги.

Разумеется, напряженная обстановка военных лет не позволяла вести подробные дневники. Однако время от времени удавалось делать отдельные записи о стране, поездках, встречах и впечатлениях, которые теперь помогли в работе над книгой. Огромным подспорьем оказались последующие поездки в Японию, встречи с товарищами по работе военных лет. Естественно, что неумолимое время делает свое дело, и далеко не все имена, названия, конкретные факты сохранились в памяти, забылись некоторые детали. Но основное, что составляло суть истории Японии времен второй мировой войны, навсегда врезалось в память, живо волнует и сегодня, заставив автора взяться за перо. Предлагая эту книгу читателю, автор надеется, что она пополнит его представления о событиях той грозной поры, позволит лучше понять не только недавнее прошлое, но и сегодняшний день Японии.

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА С ЯПОНИЕЙ

Ранним февральским утром 1941 г. группа дипломатов и сотрудников советских учреждений в Токио с семьями прибывала на борту японского грузопассажирского парохода «Кэйхи-мару» в японский порт Цуруга. Позади остались несколько суток пути по Японскому морю, особенно неспокойному в эти зимние месяцы года. Уставшие от длительной поездки по железной дороге от Москвы до Владивостока и изнурительной морской качки на пути из Владивостока, мы с трудом поднимались на верхнюю палубу, чтобы освежиться на морском ветру, а главное – не упустить момента встречи с Японией. По суете на палубе и радостным возгласам матросов команды, спешивших закончить уборку корабля, мы догадывались, что морское путешествие от Владивостока до Цуруги близится к концу.

Еще по-настоящему не рассвело, в воздухе висела сырая предутренняя мгла. Мы тщетно пытались рассмотреть в тумане какие-либо признаки приближавшегося берега. Каждый из нас в нетерпении ждал первых впечатлений о стране, где предстояло жить и работать. Всех стоявших на палубе волновал один и тот же вопрос: «Какая ты, Страна восходящего солнца, какими сюрпризами встретишь нас, советских посланцев?»

Известно, что японцы по своей природе отличные моряки. Выросшие у моря и связавшие с ним свою судьбу, они любят море, знают его капризный нрав. Вот и сейчас «Кэйхи-мару» смело двигался в лабиринте береговых скал, капитан и штурман, несмотря на плохую видимость, безошибочно вели свой корабль к причалу.

Вежливые и всегда улыбавшиеся нам во Владивостоке и во время рейса члены команды по мере приближения к берегам Японии становились неузнаваемыми. Куда что девалось? Матросы смотрели на нас неприветливо, с холодными, злыми лицами суетились они вокруг нас. Мешая японские, английские и русские слова, бой-японец настойчиво требовал покинуть палубу и оставаться в каютах. Пришлось возвращаться в душную каюту. Что поделаешь, таков, видимо, порядок.

Долгожданный японский берег появился совершенно неожиданно в удалении не более полумили от парохода. Продолжая маневрировать между береговыми выступами, стенкой-волнорезом, двигавшимися навстречу судами и суденышками, которые встречались все в большем количестве, «Кэйхи-мару» заметно сбавлял скорость двигателей, пока не остановился совсем. С подчеркнутой важностью на борт

поднялись портовые власти, чтобы заблаговременно, еще до того, как пароход встанет к причальной стенке, произвести необходимые въездные формальности. Прибывшие чиновники приступили с серьезными лицами к проверке документов и опросу пассажиров, точно разыскивая крупного преступника, контрабандиста или международного шпиона.

Все пассажиры попритихли. Мы – официальные представители Советского государства, нам бояться нечего. Но кроме нас на этом пароходе прибыли несколько еврейских переселенцев из фашистской Германии, направлявшихся через Японию не то в Австралию, не то в Южную Америку в поисках нового пристанища. Вот им от прибывших властей пришлось туго. Нас, советских пассажиров, чиновники принимали в салоне, соблюдая какой-то минимум официальных приличий, тогда как переселенцев буквально трясли. Им запретили покидать трюм, где они размещались от Владивостока до Цуруги. Чиновники грубили, угрожали тюрьмой, выворачивали карманы, заставляли вспарывать подкладку одежды и обуви. Нервозность усиливалась еще больше оттого, что японские портовые власти не пользовались немецким языком, а переселенцы не знали английского и японского.

Проверка и сдача паспортов проводились в салоне, все другие процедуры – в каюте. Без стука в каюту ворвался бой-японец, прикрепленный к нам на весь путь следования от Владивостока. Он небрежно бросил на койку бланки анкет и деклараций, сам же глазами впился в открытый чемодан и книгу на столе. Мы были предупреждены еще во Владивостоке, что японские портовые власти особенно внимательно следят за провозом советских книг и газет, запрещают ввоз фотоаппаратов и биноклей. По словам нашего дипагента, за обнаруженную у 15-летнего сына советского дипломата книгу А. Фадеева «Разгром» всю семью дипломата продержали в порту Цуруга более шести часов. Поэтому появление портовых чиновников и подозрительная суета боя-японца, успевшего сунуть свой нос всюду, еще больше создавали обстановку нервной напряженности, от которой становилось не по себе даже бывалому путешественнику, не говоря уже о таких новичках, как мы.

Первые впечатления о заграничных путешествиях обычно бывают самыми сильными и сохраняются в памяти на долгие годы. Так и у меня навсегда остались в памяти день первого приезда в Японию и разговор с паспортным чиновником.

Повертев в руках мой краснокожий советский паспорт, чиновник с деланной улыбкой спросил мою фамилию. Отвечаю: Иванов.

Чиновник расплылся в самодовольной улыбке, показывая неровный ряд собственных и вставных зубов: «Очень приятно, все вы Ивановы… Ха, ха, ха! Россия, – продолжал он, деланно улыбаясь, – есть страна Иванов и Ивановых… Ха, ха, ха!»

Это уже наглость. Понимай чиновника как хочешь: то ли в СССР много Ивановых, то ли все приезжающие русские подделываются под Ивановых. Стараюсь не подать вида, что возмущен этой грубой шуткой. А чиновник между тем продолжал беседу. Небрежно откинув в сторону мой паспорт, он приступил к беглому опросу по заполненной мною анкете. Умышленно путая порядок и смысл моих ответов на поставленные в ней вопросы, он, например, поинтересовался:

«Скажите, пожалуйста, господин Иванов, где вы учились, жили и работали в Москве: на улице Горького, на Арбате или на Лубянке?» И глаза чиновника, точно буравчики, впились в меня, стремясь обнаружить признаки замешательства. Дело в том, что на Арбате находился Генеральный штаб РККА, на Лубянке – НКВД.

Стараюсь отвечать в самом общем виде, без подробностей: «Я работал в Министерстве иностранных дел на Кузнецком мосту».

Ответ явно не устраивал чиновника. Взгляд его сразу погас, и он снова обратился к анкете, выискивая, чем бы еще сбить меня с толку. Наконец, изрядно измотав своими уловками и нелепостями, все с той же фальшивой улыбкой на лице чиновник задал последний вопрос: «Скажите, пожалуйста, господин Иванов, а как здоровье господ Неверова, Спальвина, Холодовича, Конрада? Это очень знаменитые профессора японского языка, ведь вы у них учились?»

И опять трудно догадаться сразу, чего больше в вопросе чиновника: неосведомленности или хитрости. Дело в том, что известные профессора японского языка Спальвин и Неверов в прошлом действительно работали во Владивостоке и Харбине, но они давно уже умерли. Академик Н. И. Конрад, видный советский ученый и автор многих трудов о Японии, в то время не преподавал язык, а профессор А. А. Холодович вообще тогда в Москве не работал. Поэтому, не придавая значения двусмысленности вопроса, я ответил, что изучал японский язык у известного в Японии преподавателя К. А. Попова, дав к тому же понять чиновнику, что не намерен больше отвечать на подобные вопросы. И снова тот рассыпался неприятным, ехидным хохотом: «В России одни только Ивановы, Поповы (видимо, хотел сказать Петровы) да Сидоровы… ха, ха, ха!»

Так шаг за шагом опытный паспортный чиновник пытался по поведению, по ответам на самые неожиданные вопросы выявить

политические взгляды, языковую и общую подготовку прибывшего в Японию советского человека.

После такого рода бесед началась изнурительная обработка нас чиновниками таможенной, пограничной, валютной, санитарной и других служб. Каждый из них старался выяснить интересующие его вопросы, а все вместе, что называется, выворачивали душу. Они выискивали улики и не останавливались перед провокациями.

Но и после выхода на берег, в течение всего пребывания в стране советский человек подвергался длительной и настойчивой обработке со стороны органов японской полиции, преследовавшей весьма неблаговидные цели. Одна из таких целей – путем угроз и давления запугать нашего человека, парализовать его деятельность, свести на нет полезность командировки в Японию Приведу такой пример.

До 1941 г. в порту Цуруга находилось советское консульство с минимальным штатом (один-два сотрудника). Япония, в свою очередь, имела такое же консульство в Чите. При советском консульстве в Цуруге работал переводчиком японец Номура, хорошо знавший русский язык По многим признакам можно было догадаться, что Номура тесно связан с местной полицией и подробно информирует ее обо всех проезжающих через Цуругу советских гражданах. В 1941 г., в связи с ухудшением отношений между нашими странами, консульства в Цуругу и Чите были закрыты. Однако Номура продолжал выдавать себя за сотрудника советского консульства, регулярно встречал прибывавших из СССР пассажиров, помогал им в приобретении билетов и отправке багажа до Токио.

Когда портовые власти разрешали советскому пассажиру сойти с парохода на берег, к нему обычно подходил Номура. Представившись исполняющим обязанности советского консула, он старался вызвать на откровенный разговор, обычно задавая стандартный вопрос: «Как дела у нас на Родине?» Прямо так и говорил: «у нас на Родине». Большинство наших людей знали об этих «чудачествах» Номура и вели себя соответственно, но некоторые все же попадались на его удочку. Надо сказать, что Номура хорошо знал обстановку в СССР: он регулярно слушал советское радио, обрабатывал прессу на русском языке, допрашивал советских рыбаков, если случалось, что они терпели бедствие на море и их прибивало к берегам Японии.

Иногда Номура совершал действия и поступки, трудно объяснимые для всех нас. Он охотно делился с приезжими из СССР последними новостями о событиях в мире и Японии, давал полезные советы, помогал своим знанием языка. Перед тем как

посадить дипломата или другого нашего сотрудника в поезд, он покупал японскую газету и, передавая ее, обращал внимание на ту или иную статью и добавлял: почитайте, для вас это будет интересно. Но нередко Номура делал такие заявления, которые могли привести в замешательство кого угодно.

Например, в сентябре 1941 г., когда группа советских работников возвращалась в Токио, Номура, вручая ей железнодорожные билеты, сказал, что до Токио можно ехать только северным маршрутом, так как японское командование готовится-де к войне в Южных морях и усиленно ведет переброску войск и боевой техники по южной дороге. Естественно, что это сообщение могло быть и умной дезинформацией, но и одновременно походило на правду. В словах и действиях Номура зачастую очень трудно было уловить, говорит ли он правду или провоцирует наших людей. Несомненно было одно, что, как опытному полицейскому, Номура, несмотря на строгий режим в стране, было разрешено общаться с иностранцами. Благодаря этому он точно знал, что за иностранец прибыл в Японию, в какой степени знает язык. И все же это был необычный японец и странный полицейский. Еще об одном случае поведения Номура уже в дни войны я расскажу ниже.

Мой первый приезд в Японию совпал с рядом событий, оставшихся надолго в памяти. Япония продолжала войну в Китае и расширяла вооруженную экспансию в Азии. Одновременно она вела ожесточенную торговую и финансовую войну с империалистами США и Англии, готовую перерасти в вооруженное столкновение. В то же самое время блок фашистских государств, окончательно сложившийся после заключения в Берлине в сентябре 1940 г. «Тройственного пакта», лихорадочно готовился к нападению на Советский Союз.

Одним из памятных событий тех дней была встреча в конце апреля 1941 г. министра иностранных дел Японии И. Мацуока, возвратившегося из поездки в Германию, где он вел переговоры с Гитлером и Риббентропом о согласованных действиях Германии и Японии на случай войны с Советским Союзом. По пути из Берлина в Токио Мацуока остановился в Москве, где 13 апреля состоялось подписание пакта о нейтралитете.

На аэродроме в Токио Мацуока и сопровождающим его лицам была устроена пышная встреча. За 30 минут до прибытия его самолета в аэропорту Ханэда собрались члены японского правительства, высокопоставленные военные чины, иностранные дипломаты, журналистский корпус. Германские дипломаты торжествовали, считая, что поездка Мацуока в Берлин – их победа. Как только самолет приземлился и подрулил к зданию

аэропорта, немцы первыми устремились к нему. Впереди гордо, при всех орденах и регалиях, вышагивал немецкий посол генерал Отт.

Выйдя из самолета, Мацуока низко раскланялся со встречающими его представителями японской знати и генералами. Торжественная улыбка не сходила с лица главы японской дипломатии, выигравшего, как ему казалось, ответственный раунд переговоров. Армия журналистов и фоторепортеров дружно встретила появление Мацуока треском съемочных камер, вспышками магния. Советский посол К. А. Сметанин, другие советские дипломаты, корреспондент ТАСС держались на дистанции официального приличия, не выказывая особого ликования по поводу приезда Мацуока.

Среди встречавших иностранных дипломатов и журналистов можно было увидеть и немецкого журналиста Рихарда Зорге, всегда в окружении иностранцев и японцев. Он выделялся своим деловым видом и приветливым взглядом, статной фигурой. Зорге немного прихрамывал. Как мы теперь знаем, это был обычный трудовой день советского разведчика. Вскоре после возвращения Мацуока в Токио Советскому правительству и командованию РККА из донесения Р. Зорге стало известно, что основной целью визита Мацуока в Берлин был сговор о военном разделе Советского Союза.

Читателю этих записок, наверное, небезынтересно знать, как японское общественное мнение встретило весной 1941 г. известие о поездке Мацуока в Берлин, о подписании в Москве пакта о нейтралитете. Однозначно ответить на этот вопрос даже теперь, по истечении многих лет после описываемых событий, не так-то легко. В условиях существовавшего тогда в милитаристской Японии тоталитарного режима единого общественного мнения и не могло быть. Действительная политика делалась втайне от народа, все события преподносились ему в том виде, в каком это было выгодно правящей верхушке и военщине. Печать и правительственные источники выражали, как правило, сугубо официальную точку зрения. Различные слои японского народа или должны были высказывать одобрение официальной точки зрения, или, если они имели другое мнение, вынуждены были его скрывать.

Японская пресса в те дни всячески подчеркивала огромное значение завершившихся переговоров Мацуока в Берлине. В частности, рупор политических и деловых кругов газета «Асахи» писала, что теперь будет положен конец несогласованным действиям Германии и Японии в международных вопросах. Газета, говоря о несогласованных действиях, имела в виду то

обстоятельство, что в августе 1939 г., когда японские войска терпели сокрушительные поражения на Халхин-Голе, немцы подписали в Берлине договор о ненападении с СССР.

О заключенном 13 апреля 1941 г. в Москве пакте о нейтралитете японская печать писала более сдержанно, не скрывая, однако, что он открывает возможности улучшения отношений между Японией и СССР. Большое значение придавалось тому факту, что лично И. В. Сталин участвовал в переговорах с Мацуока и присутствовал при подписании пакта. Например, на обложке иллюстрированного журнала «Асахи гурафу» была помещена цветная фотография проводов Мацуока на вокзале в Москв«. При этом японскому фотографу удалось сделать снимок так, что получилось, будто Сталин держит Мацуока в своих объятиях.

Рядовые японцы склонны были верить тому, что наступает новая полоса в отношениях между Японией и Советской Россией – период добрососедства и экономического сотрудничества. Под различными предлогами японцы чаще посещали советское посольство и консульство, стали улучшаться контакты советских представителей с учреждениями и частными лицами. Вспоминается, как однажды, в мае 1941 г., консульский отдел посетил сотрудник рыболовной компании и доверительно рассказал о желании японских рыбаков заниматься промыслом без крупных рыбопромышленников. Он же утверждал, что рядовые японцы в своей массе искренне приветствуют подписание пакта и все другие меры по улучшению японо-советских отношений.

Конечно, наивно было думать, что правящая верхушка Японии так просто откажется от антисоветского курса. В то время мало кто из японцев мог предполагать, что переговоры Мацуока с руководителями нацистской Германии велись прежде всего о военном и политическом сотрудничестве двух агрессоров на случай войны с Советским Союзом. Дипломаты Токио вели двойную игру: хотя был подписан пакт о нейтралитете, враждебность к Советскому Союзу не ослабевала. Вдоль всей японо-советской границы, от Камчатки до Забайкалья, сохранялась напряженная обстановка, пресса задыхалась в неистовой злобе к нам. Были закрыты советские консульства в Кобэ и Цуруге, ни на один день не снималась полицейская осада советских учреждений в Токио и Хакодатэ, посольский квартал был обложен десятками постов, слежка за советскими представителями носила тотальный характер.

На впервые прибывшего в страну советского человека Япония весной 1941 г. производила крайне двойственное впечатление.

Глубокая, вековая старина всюду была рядом, как бы спорила с современным укладом жизни. Культурная отсталость народных масс, особенно заметная в сельской местности, соседствовала с цивилизацией крупных городов. Японию справедливо называют страной контрастов: такой она была в начале века, такой я ее увидел накануне войны, такой она остается и поныне. Развитие капитализма в Японии не только не устранило классовых противоречий, не ликвидировало разницы между культурой буржуазной и культурой трудящихся, различий между городом и деревней, а, скорее наоборот, довело эти противоречия до крайнего обострения, еще резче обозначило поляризацию культур и положения города и деревни.

Когда-то В. И. Ленин писал об Англии богачей и бедного люда, о наличии в одной нации двух наций – эксплуататоров и угнетенных. Эта ленинская оценка в полной мере применима и к Японии. Социальные контрасты здесь настолько разительны, что при первом знакомстве со страной не сразу веришь своим ощущениям. На фоне беспросветной бедности подавляющего большинства населения в глаза бросаются сказочные феодальные замки императорского дома, богатство храмов Киото, Нара, Никко, роскошь правящей знати. Уже в те годы рядом с многочисленным двухколесным транспортом на широких улицах столицы Японии можно было видеть многоместные лимузины богатых домов Мицуи, Кухара и Мацудайра, уже мчались экспрессы из Токио в Осака, а из окна вагона можно было наблюдать, как японский крестьянин с повязанной на голове тряпкой, стоя по колено в жиже рисового поля, вручную обрабатывает землю, как японские женщины, точно навьюченные животные, огромными корзинами переносят землю, камни, прошлогоднюю стерню. И так во всем.

Самое большое впечатление на всех нас тогда в Японии производило чрезвычайное скопление людей на крошечных территориях городов. Казалось, что огромная масса людей куда-то бесцельно спешит, разливаясь, подобно вырвавшемуся из берегов потоку, по площадям и улицам и снова скапливаясь в горловинах вокзалов, проходных будках заводов, переходах подземки, на рынках, пляжах и в парках.

При этом обращало на себя внимание скрупулезное соблюдение правил общественного поведения. Значительно позднее, в том числе в годы войны, когда довелось ближе познакомиться с бытом и нравами японцев, у меня сложилось твердое и поныне сохраняющееся мнение о том, что японцы в своей массе народ исключительно организованный и дисциплинированный, умеет терпеливо переносить тяготы и

лишения и очень трудолюбив. Трудно сказать, что лежит в основе таких черт: национальные традиции, страх перед законами или (религиозные каноны о повиновении. Скорее всего, и то, и другое, и третье.

В то время официальная японская пропаганда всеми силами поддерживала в сознании народа пресловутую легенду о том, что войны всегда были благом для нации. Отправляясь в Японию, каждый из нас предполагал увидеть ее на исходе четвертого года войны с Китаем в состоянии хозяйственного и духовного упадка, с карточной системой, ночными затемнениями и прочими ограничениями, обычными для воюющей страны. Однако ничего подобного поначалу никто не заметил. Внешне ничто не говорило о том, что Япония истекает кровью и находится на грани хозяйственной катастрофы. Все было скрыто мишурой показного благополучия. Города Японии, начиная с Токио, светились морем огней, вечерние базары на Синдзюку и в Асакуса изобиловали широким выбором бытовых и продовольственных товаров. Толпы праздношатающейся публики собирались на базарах, у кинотеатров, в районах увеселительных заведений.

Но первые впечатления о кажущемся благополучии народа недолго могли обманывать вдумчивого наблюдателя. Скоро всякому становилось ясно, что война в Китае не была прогулкой для японской армии и нации. Около одного миллиона человек убитыми и ранеными – таков печальный итог трех лет войны. Но были еще и огромные материальные затраты на войну.

Официальная пропаганда на все лады твердила, что война в Китае якобы не только не ослабила экономику Японии, но даже укрепила ее, улучшила сырьевой и продовольственный баланс страны, повысила занятость населения. Конечно, спору нет, ограбление оккупированных территорий и повышение степени эксплуатации трудящихся самой Японии не могли не сказаться на экономической конъюнктуре. Однако, в то время, как война приносила баснословные выгоды японским концернам, усиливала позиции правящей знати и военщины, она же вела и к обнищанию народа Японии. Хотя по-прежнему бросалось в глаза обилие всякого рода товаров и удивляли довольно низкие цены, было заметно, что покупательная способность населения очень низка. Трудящиеся, не будучи в состоянии купить даже дешевые товары, бедствовали и голодали.

Первые месяцы после приезда в Токио моей семье пришлось жить на частной квартире у японцев Судзуки. Мы платили хозяевам за пользование двумя комнатами, размером с татами[4] каждая, ежемесячно 18100 иен (японский рабочий получал 30-40 иен в месяц). На эти деньги они жили, поддерживали хозяйство,

платили налог и еще умудрялись ежемесячно откладывать на «черный день». Старик Судзуки прожил тяжелую трудовую жизнь транспортного рикши. В возрасте 53 лет он умер от чахотки – одной из самых распространенных болезней в Японии. Все хозяйство вела его жена, маленькая и подвижная женщина. Вставала она обычно в 5 утра и за час успевала на велосипеде объехать весь район Адзабу, чтобы купить самые дешевые продукты, которые она покупала микроскопическими дозами. Время от времени хозяйка старалась убедить нас, что много кушать страшно вредно для здоровья. К завтраку, например, она подавала яйцо и маленькую чашечку кофе. После такой скудной трапезы моя семья обычно отправлялась в посольство и там дополняла японский завтрак чем-нибудь существенным. От обеда и ужина нашей хозяйки мы, как правило, отказывались. А она не переставала жаловаться на то, что цены на продукты дорожают, а господин Иванов любит много кушать.

ТОКИО – ЦЕНТР МИЛИТАРИСТСКОЙ ЯПОНИИ

Япония – древняя восточная страна, ее история насчитывает несколько тысячелетий. В разные периоды прошлого столицами – были Киото, Нара, Камакура, а в последние столетия – Токио. Во время феодальных междоусобиц, каждый из предводителей кланов, оспаривавших право на верховную власть, учреждал свою столицу. Иногда в стране одновременно существовали две столицы, каждая со своими традициями и законами. В 1603 г. военный диктатор – первый сёгун Иэясу Токугава сделал столицей восточных провинций Японии город Эдо, расположенный в устьях рек Эдогава и Томогава, впадающих в Токийский залив. В середине XIX в. в ходе революции Мэйдзи Эдо был переименован в Токио.

К началу XX столетия Токио стал одной из крупнейших столиц мира с населением – более 4,5 млн, человек. В течение первой половины века Токио дважды подвергался массовым разрушениям: первый раз в результате землетрясения и пожара 1923 г., второй раз – в 1945 г., когда вследствие американских бомбардировок было разрушено не менее двух третей всей его площади.

После 1923 г. Токио заново отстроился, сохранив старые названия улиц и площадей. И поныне в центре столицы расположен старинный феодальный замок с крепостными стенами и обводным каналом, ставший со времени императора Мэйдзи постоянной резиденцией японских императоров.

В начале 40-х годов в архитектуре и планировке Токио, в обычаях и одежде его жителей многие чисто японские черты были смешаны с европейскими. Токио резко отличается от других городов Востока, где мне впоследствии доводилось бывать и работать. Взять хотя бы города Арабского Востока. Там старая часть города с мусульманскими мечетями, базарами обычно резко контрастирует с новой, европейской частью, имеющей современную архитектуру и смешанное население. В Токио же старое, японское, неотделимо от нового, европейского, постоянно чередуется с ним, составляя единое целое. К примеру, рядом с резиденцией главы правительства, построенной в старинном японском стиле, можно видеть современное здание японского парламента. На дворцовой площади по соседству расположены феодальный замок императора и деловой квартал Маруноути (токийское Сити) с многоэтажными зданиями и прямолинейными

авеню.

Европейская культура также прочно входила в быт и сознание токийца, чему способствовали усиливавшиеся торговые и культурные связи Японии с Западом. В частности, уже в те годы английский язык заметно соперничал с японской) иероглифической письменностью: на английском языке шла вся официальная переписка с дипкорпусом, говорили знать и люди делового мира, издавались газеты, книги. В Токио имелись чисто японские кварталы, такие, как Асакуса, Мэгуро, где жизнь текла на старинный японский лад, а внешний облик напоминал старую феодальную Японию. Большой популярностью пользовались национальные театры ноо и кабуки. Многие японцы носили традиционную национальную одежду, регулярно справляли национальные праздники, в том числе Новый год, праздники девочек (3 марта) и мальчиков (5 мая), «День основания империи» («Кигэнсэцу»), «День памяти предков» («Обон»). Однако традиционное японское не было тем изжившим себя архаическим прошлым, отгороженным какой-то «китайской стеной» от всего нового, от которого старались бы избавиться.

К началу второй мировой войны Токио уже был вполне сложившимся единым административно-политическим и экономическим центром страны, средоточием военно-бюрократических учреждений, мозговым центром милитаристской Японии: В Токио находились императорский двор со всеми его атрибутами, правительство и парламент, главные конторы крупнейших банков и концернов («Мицуи», «Мицубиси», «Ясуда» и др.), военные штабы, руководящие органы политических партий, газетные тресты «Асахи», «Майнити», знаменитые буддийские и синтоистские храмы, университеты. Словом, там имелось все, что присуще столицам современного капиталистического государства.

Каждый прибывший в Японию иностранец без труда убеждался в том, что Токио – это большая кухня, готовились планы японской внешней политики, разрабатывалась стратегий разбойничьих захватов, куда стекались колоссальные прибыли от финансовых операций за пределами метрополии. Главной пружиной всей государственной машины был монополистический капитал, приводивший в движение разветвленный правительственный аппарат, банковские, промышленные и транспортные корпорации, акционерные и частные компании, налоговые и страховые конторы. Эта машина опиралась на могущественный аппарат насилия – армию, жандармерию, полицию, прокуратуру, суды, тюрьмы, а также на реакционную идеологию, религию, пропаганду.

Армия дипломатических, торговых и газетных представителей находилась в японских колониях и во всех странах мира. Всем им из Токио шли приказы и инструкции, а в Токио от них стекались потоки информации.

С началом второй мировой войны официальный Токио особенно зорко следил за положением в мире и сам лихорадочно готовился к роковым событиям.

В воздухе японской столицы все больше пахло военной грозой.

Хочется сказать несколько слов о ритме деловой и политической жизни Токио. Еще в начале века В. И. Ленин относил Японию к числу молодых, быстро развивающихся империалистических хищников. Развитие японской промышленности в довоенное время шло под знаком безудержной милитаризации страны, спешного создания материальной базы агрессии. Особенно быстро развивался центральный экономический район – Канто, производивший в 40-е годы около одной трети всей промышленной продукции Японии.

В годы пребывания в Японии мне не раз довелось посещать некоторые токийские предприятия, бывать в иокогамском и токийском портах. Токио был сердцем военного производства Японии. Знаменитый Токийский военный арсенал, авиазаводы в Татикава считались индустриальной гордостью столицы. Воображение всякого иностранца поражало то, что Япония за столь короткое время успела создать мощные предприятия, обеспечить широкий размах деятельности морских портов, развитие сухопутного транспорта. Огромное впечатление на меня произвел промышленный район Кэйхин.

Кэйхин образовался в результате слияния предприятий Токио и Иокогамы, связанных уже в ту пору между собой десятками железнодорожных путей. От Токио до Иокогамы в те годы поезд шел более часа, и все это время перед глазами пассажиров стоял сплошной лес заводских труб, окутанных тучами дыма. В районе Кэйхин производилось все необходимое для войны: от гигантского линкора на верфях Кавасаки до винтовочной пули на заводах Накадзима. Там работали около полутора миллионов японских рабочих, в том числе женщин и детей, создававших военный потенциал страны и огромный прибыли монополиям. Часто можно было видеть, как эти труженики после 12-14-часового рабочего дня отправлялись в набитых до отказа поездах к своим жалким лачугам, чтобы отдохнуть немного, а завтра снова приняться за бесчеловечный труд. И так из месяца в месяц, из года в год. Даже довоенная японская статистика, склонная

приукрашивать действительность, свидетельствовала о том, что средняя продолжительность жизни японского рабочего колебалась в пределах 40 лет. Две трети промышленных рабочих страдали от туберкулеза. Господствующие классы Японии несказанно обогащались в условиях военной конъюнктуры за счет беспощадной эксплуатации трудящихся, расплачивавшихся за это своей жизнью.

От военной промышленности не отставал и транспорт. В связи с сильной зависимостью Японии от привозного сырья и внешних рынков ее морской и железнодорожный транспорт в годы войны работал с большим напряжением. Железные дороги центральной части Японии широко разветвлены, и движение по ним было всегда крайне интенсивным. Каждый час десятки поездов с большой скоростью мчались в сторону Токио или на всех парах неслись от него во все концы страны. С замиранием сердца я всегда наблюдал за этой бешеной гонкой. Не раз приходилось видеть гигантские катастрофы на железной дороге, когда летели под откос десятки вагонов и тысячи тонн грузов. Большинство катастроф сопровождалось многочисленными человеческими жертвами.

В таком же напряженном ритме шла жизнь и в морских портах Японии. Непрерывно гудели пароходы, с грохотом и скрежетом работали портовые краны и лебедки.

Иокогама – порт мирового значения. Еще до войны его грузооборот был выше, чем в таких крупнейших портах мира, как лондонский и гамбургский. Ежесуточно сотни пароходов бросали якорь на рейде; становились под разгрузку или погрузку у причалов, ремонтировались в доках. В порту можно было увидеть корабли многих стран мира, включая гигантские лайнеры, прибывшие из Америки, Европы, Африки.

Чем же жила столица Японии весной 1941 г.?

, Политическая жизнь Токио всегда была динамичной, крайне насыщенной событиями, а в те месяцы она просто бурлила. С началом войны в Китае правительственные кабинеты менялись так часто, что порой было трудно разобраться, к какому политическому курсу склоняется правящая клика Японии. Первое правительство принца Коноэ сменил кабинет барона Хиранума, затем приходили к власти генерал Абэ, адмирал Ионаи, снова дважды Коноэ и, наконец, правительство генерала Тодзио.

Еще чаще, чем премьеры, менялись министры. Так, с 1937 по 1942 г. сменилось 12 министров иностранных дел, 10 военных министров, 9 министров морского флота, бесчисленное множество других министров. Часто при смене кабинетов премьеры брали на себя руководство рядом министерств, ведя

дело к установлению личной диктатуры. Например, генерал Тодзио помимо поста премьер-министра имел не менее пяти министерских портфелей. Было похоже, что совет при императоре пытается найти какой-то оптимальный вариант правительства, способного проводить наиболее активную внешнюю и внутреннюю политику. Во все правительства входили военные руководители, придававшие политике военную окраску. В армии и флоте в тот период также шли непрерывные перемещения, особенно часто это происходило в командованиях в Китае, Маньчжурии, Корее.

Подписав в 1940 г. «Тройственный пакт», в котором были строго оговорены сферы влияния Германии и Японии, правящие круги Токио стремились упрочить свои позиции в Азии и подготовиться к агрессии против СССР на севере, а также против США и Англии на юге. Уже к тому времени Япония направила свои вооруженные силы в Индокитай и готовилась к его полному захвату. Одновременно японское правительство вело переговоры в Берлине, Москве и Вашингтоне.

Весной 1941 г. важнейшими внешнеполитическими задачами Японии стали завершение войны в Китае и подготовка к «большой войне». В этих целях кабинет Коноэ пытался добиться окончательного раскола и развязывания гражданской войны в Китае между тремя группировками сил: гоминьдановским режимом Чан Кай-ши в Чунцине, марионеточным правительством Ван Цзин-вэя в оккупированных Японией районах Китая с центром в Нанкине и народно-революционными силами во главе с КПК в Яньани.

Никогда еще дипломатическая служба Токио не была столь активной, как в последние месяцы перед войной на Тихом океане. Резиденция министра иностранных дел Мацуока на Касумигасэки, по существу, являлась главным штабом, который планировал и осуществлял внешнеполитические операции в Азии, Европе и Америке. Под знамена японского министерства иностранных дел были собраны лучшие кадры специалистов, опытные дипломаты и разведчики. Они опутали мир явными и тайными договорами, вносили раскол в лагерь миролюбивых государств, готовили заговоры, интриги, направленные на подрыв дела мира. Японская дипломатия задолго до выступления армии и флота расчищала им путь к агрессии, а когда последняя совершалась, делала все для ее оправдания и узаконения. В ведении японской дипломатии находились десятки тайных разведывательных организаций, послами Японии являлись опытные дипломаты, чаще всего из числа военных. Например, генерал Осима – в Берлине, генерал Сиратори – в Риме, Сигэмицу

и генерал Татэкава – в Москве, адмирал Номура – в Вашингтоне, Есида – в Лондоне. Они-то знали, в каком направлении развиваются события, чего добивается Токио.

Любой рассказ о столице Японии будет неполным, если обойти молчанием военное значение Токио – центра японского милитаризма. На протяжении многих десятилетий внешняя и внутренняя политика правящих кругов Японии диктовалась подготовкой к войне, вооруженным захватам. Эта политика прямо связана с Токио, ибо там она разрабатывалась, получала одобрение императора и по приказам оттуда осуществлялась. Накануне-второй мировой войны Токио стал главным центром военной опасности в Азии.

Многовековая эпоха японского феодализма связана с беспрерывными внутренними и внешними войнами. Это обстоятельство оказало огромное влияние на всю историю японского народа, породив некоторые особенности его культуры и языка, соответствующие традиции. Все видные государственные деятели и императоры Японии в прошлом были людьми военными. Привилегированное положение военачальников, господство военно-феодального сословия дворян-самураев, кастовый характер офицерства способствовали традиционному засилью в японском обществе военщины с ее реакционной идеологией, рассматривавшей войну и насилие как высшее проявление государственной политики. Редко можно встретить столицу, где бы так тщательно хранили и оберегали военные традиции, памятники войны, оказывали почести военным, как в Токио.

Потребовалось совсем немного времени, чтобы убедиться, что Токио – необычная столица. Все говорило, что это центр военного государства, сделавшего войну главным средством политики, а милитаризацию страны – нормальным состоянием общества. Сосредоточение здесь большого количества штабов и учреждений военного ведомства, военных академий и училищ, наличие огромного гарнизона – все это и многое другое подчеркивало военное значение столицы. Ритм жизни и облик населения, среди которого каждый второй был военным, придавали Токио характер скорее прифронтового города, нежели столицы государства, находящейся в глубоком тылу.

Гражданское население Токио старалось во всем подражать военным. Многие жители с подчеркнутым уважением носили одежду военного покроя с прикрепленными к лацканам куртки знаками фашистских и националистических организаций, по-военному приветствовали друг друга, разговаривали на армейском жаргоне.

Военная пропаганда, идеологическая обработка населения Токио в духе милитаризма носили чудовищные размеры. Печать, радио, кино всячески рекламировали войну как средство спасения нации, как панацею от всех бед. Тогда я впервые услышал навязчивую мелодию националистического гимна «Кими га ё!» («Япония всегда впереди!»). Вперемежку с военными маршами гимн можно было слышать по нескольку раз в день: его исполняли по радио, пели в марширующих колоннах, на сцене театра «Такарадзука», на проводах солдат на фронт. Школы и университеты превратились в рассадники воинствующего национализма, а их учебные программы все больше напоминали расписание по военной подготовке армейской части, чем учебного заведения. Религиозный праздник «День памяти предков» («Обон») превратился в демонстрацию военно-патриотических чувств по отношению к императору, в обряд клятвы живых перед прахом погибших в войнах. В этот день многие храмы, кладбища, музеи не вмещали всех желающих. В парках устраивались митинги, на которых активисты Ассоциации помощи трону выступали с призывами к войне, требовали разгромить международный коммунизм.

Токио переживал бурные дни, жил в предчувствии надвигающихся новых событий. Влиятельные силы искусственно разжигали в столице и во всей стране военный угар. Не оставалось никаких сомнений в том, что Япония стоит на пороге новой войны. Как-то один из советских писателей, побывавших вскоре после окончания войны в Японии, назвал Токио «царством японского дракона». Вряд ли можно найти лучшее определение для довоенного Токио.

ЗАТИШЬЕ ПЕРЕД БУРЕЙ

Несмотря на напряженное положение в стране и незавершенность войны с Китаем, весной 1941 г. создавалось впечатление, что японское правительство готово искать путь к оздоровлению военно-политической обстановки в Азии и на Дальнем Востоке: оно заключило пакт о нейтралитете с Советским Союзом, вело переговоры с Китаем о прекращении военных действий, весной 1941 г. начало переговоры с США. Казалось бы, ничто пока не предвещало непосредственной военной опасности.

Но это внешнее благополучие служило прикрытием для тайных планов японских милитаристов, вводя в заблуждение относительно истинного смысла всех дипломатических шагов Японии. Широко рекламируемые миролюбивые акции скрывали напряженную подготовку Японии к агрессии. Это было затишье перед бурей.

Как и везде, весна – лучшее время года в Японии. После слякотной, пробирающей до костей зимы наступают погожие солнечные дни. В цветах утопают парки Уэно, Аояма, Сиба, свежей зеленью покрываются городские газоны. На рисовых полях и огородах горячая пора; с первыми теплыми днями крестьяне спешат обработать землю, чтобы каждый клочок принес добрый урожай.

Японцы любят весну. Весеннее пробуждение природы они встречают с любовью и радостью. Общее для всех людей преклонение перед величием и красотой природы усиливается здесь сохранившимися с древности обычаями. Одиночками и семьями японцы отправляются на всех видах транспорта за город любоваться цветением сакуры[5], посещают кладбища и храмы, чтобы помянуть усопших предков. Торжественно встречают они любимые в народе весенние праздники, особенно праздники детей. Это традиция, и ее в равной мере строго придерживаются имущие и бедные классы Японии. Ей не изменяют даже в периоды стихийных бедствий и в годы войны.

Весна 1941 г. стояла на редкость теплая и солнечная, японцы радовались окончанию тяжелой зимы. Они связывали наступление весны с надеждами на потепление международной обстановки. Моя хозяйка Судзуки-сан[6] каждое утро встречала меня и членов моей семьи словами: «С хорошей вас погодой». Для японского народа это была весна надежд. Страна только что торжественно отметила 2600-летие образования империи: праздновался день, когда, по японской мифологии, Дзимму-

тэнно, сын богини Аматэрасу, якобы вступил на престол и положил начало непрерывной династии японских императоров. Это считалось хорошим предзнаменованием года.

Сказанное отнюдь не означало, что трудовые люди Японии в ту весну не знали забот и трудностей. Я уже говорил о последствиях войны с Китаем и милитаризации экономики: продолжала расти армия безработных; людей изматывал непосильный труд на заводах, в портах и рудниках; усиливалось разорение безземельного крестьянства, пополнявшего город дешевой рабочей силой. Организованная борьба трудящихся против политики гнета и войны беспощадно подавлялась военно-полицейскими мерами. Законы военного времени запрещали деятельность профсоюзов, различных демократических организаций.

Мне по делам консульской службы с первых же дней пребывания в Японии часто приходилось бывать в портах Токио и Иокогама. Особенно меня интересовала жизнь портовых рабочих – представителей одной из самых тяжелых в довоенные годы профессий в Японии. Однажды весной 1941 г. мы с представителем «Интуриста» прибыли в порт Иокогама для встречи советских граждан, возвращавшихся не то из Сан-Франциско, не то из Лос-Анджелеса через Японию в СССР. Пароход задерживался в пути на несколько часов, и мы, чтобы скоротать время, отправились в ближайшую к порту закусочную. Это была типичная японская закусочная (рёрия), дешевая и грязная, пристанище портовых рабочих. Грузчики и рабочие портового рефрижератора сидели группами по нескольку человек за плохо прибранными столиками и на местном жаргоне, с многочисленными восклицаниями говорили о своих невеселых делах. Мы удачно пришли без сопровождавших нас всюду полицейских «друзей» и скоро были втянуты в общий разговор.

Большинство из наших собеседников были завербованы в префектуре Канагава в середине 30-х годов – в период послекризисного подъема экономики. Представитель управления порта ходил по деревням и рыбацким поселкам и вербовал здоровых мужчин не старше 30 лет. При заключении контракта вербовщик выдавал под расписку аванс в 300 иен, который нужно было погасить в течение первого года работы в порту. Это привязывало завербованного на много лет и позволяло беспощадно эксплуатировать его.

Работа грузчиков практически не была нормирована по времени или по количеству труда; приходилось работать по 18 часов и более, пока не закончится разгрузка стоящего на рейде или у причала судна. Заработная плата колебалась от 30 до 40

иен в месяц, в зависимости от условий погрузки. Если грузчик заболевал или получал увечье, управление порта увольняло ненужного рабочего, нанимая новых людей с биржи или по набору. При увольнении выдавалось разовое пособие. Обычно вместо этого списывали задолженность.

Рабочие порта задавали нам вопросы, а мы рассказывали о работе в советских портах, об охране труда, о профсоюзах. Рабочие говорили, что до войны в Китае в порту был профсоюз, но в связи с войной его закрыли, забастовки запрещены законом. Трудовые конфликты должны разрешаться путем переговоров самих рабочих или их уполномоченных с администрацией порта. Один из грузчиков объяснил, что большинство из них пришли сюда из-за того, что в деревне нет работы; помещик продал землю для застройки, а морской промысел стал скудным. Портовые рабочие рассказали нам, что живут они в каторжных условиях. Большую часть дня они проводят в порту, а остальное время спят на циновках в припортовых лачугах, где зимой невыносимо холодно, а летом – жарко и душно. Питаются в дешевых «обжорках», так как здесь нет возможности жить с семьей. «Живем хуже скота», – сказал пожилой грузчик.

О многом поведали нам в тот день грузчики иокогамского порта, всего пересказать невозможно. Говорили об огромной армии безработных, пополняемой местными корейцами и китайцами, о том, как обманывают и обсчитывают рабочих подрядчики и контора порта, об антинародных законах военного времени и о самой войне. В течение всей беседы молодой официант-уборщик постоянно следил за улицей и время от времени подавал сигналы опасности. Тогда разговор быстро обрывался.

Покидая закусочную, мы с коллегой из «Интуриста» вежливо попрощались с портовыми рабочими и пожелали им здоровья и удачи. Они же приглашали нас снова заходить к ним. «Мата ирассяй!» – повторяли они вдогонку. Это была одна из первых моих встреч с представителями рабочего класса Японии. Мы были рады тому, что нашли с ними общий язык, а они – первой встрече с советскими людьми. Подобные условия тяжелого труда, методы эксплуатации японских трудящихся имели место и в других отраслях промышленности и транспорта. И это происходило в стране, где существовали конституция и политические партии. Если такое творилось в крупном портовом городе, то положение на периферии было еще хуже.

Меня не раз спрашивали те из моих товарищей, кому довелось после войны работать в Японии, как в обстановке жесткого военно-полицейского режима довоенной Японии, в

условиях гонений на все прогрессивное и демократическое нашим людям удавалось общаться с различными кругами японского населения, обмениваться мнениями и даже поддерживать доверительные отношения. Конечно, общий курс японских правящих кругов в отношении СССР был неблагоприятным и враждебным, однако в японском народе всегда были лояльные к нашей стране слои населения: они были среди прогрессивной интеллигенции, промышленных рабочих, рыбаков.

Во взаимоотношениях с отдельными японцами или группами японцев многое зависело от того, насколько правильно мы, советские люди, сами умели вести себя в стране, принимавшей нас в качестве официальных гостей. В этом отношении выделялся мой коллега по работе в Японии в годы войны Н. Б. Адырхаев. Он отличался незаурядным знанием японского языка, и у него было настолько хорошо и тонко развито интонационное подражание, что сами японцы восхищались его японской речью. Но главное было в другом. Николай Борисович великолепно чувствовал характер своего японского собеседника, умел его слушать, не горячился и не пасовал после первой неудачи или отказа. Его умение держать себя с японцами можно было поставить в пример любому из нас. Он всегда был благожелателен и вместе с тем принципиален. Будучи большим знатоком языка, он вел перевод во время многих ответственных встреч, в частности принимал участие в 1956 г. в переговорах в Лондоне и Москве о восстановлении дипломатических и консульских отношений с Японией.

К сожалению, далеко не всем нам, молодым тогда японистам, удавалось достигнуть того уровня владения языком и умения вести беседу, каким обладал Н. Б. Адырхаев. Японцы обычно охотно поддерживали с ним контакты, а нередко были случаи, когда у кого-либо из нас переговоры заходили в тупик, и тогда японские чиновники просили прислать для переговоров Адырхаева.

В связи со сказанным мне хочется коснуться подготовки и практической деятельности в Японии молодых дипломатических и консульских работников.

Примерно до 1940 г. отбор на дипломатическую, да и вообще на заграничную, работу проводился совсем иначе, чем это делается в настоящее время. Специальная комиссия наркомата иностранных дел СССР в конце каждого учебного года знакомилась с составом выпускников языковых, правовых и исторических вузов, советских партийных школ, рабфаков и отбирала наиболее подходящих кандидатов для работы в этом

наркомате. По окончании вуза выпускники получали предписание и направлялись в отдел) кадров наркомата. Большинству из них сразу говорили о предполагаемом назначении (называли страну, должность и т. д.). Главное внимание при отборе обращалось на социальное происхождение, партийность и политическую подготовку. Предпочтение отдавалось тем, кто имел опыт руководящей профсоюзной и партийной работы, стахановцам производства и передовикам полей. Знание языка имело второстепенное значение, а о дипломатической подготовке и вопрос, как правило, не возникал. Молодых выпускников с хорошей языковой подготовкой назначали на должности переводчиков, иногда личных секретарей послов, с опытом профсоюзной и партийной работы направляли на более высокие, в том числе дипломатические, должности.

Дипломатическую и консульскую подготовку обычно получали в наркомате иностранных дел перед выездом в страну в порядке стажировки в течение нескольких месяцев при соответствующих отделах. Для консульских работников при наркомате существовали шести- и девятимесячные курсы, на которых в весьма сжатом виде преподавали международное право, протокол и историю международных отношений. Подготовка в наркомате заканчивалась общим инструктажем и напутствием перед дорогой.

Мне хорошо запомнился разговор в кабинете у тогдашнего заместителя наркома иностранных дел перед выездом в Японию. На последний инструктаж собрали более 10 человек, впервые ехавших на работу в Токио, Харбин, Сеул, Дальний, Хакодатэ. Разговор шел весьма общий, но в высшей степени полезный. Вначале замнаркома говорил об общей ситуации в мире, коснулся войны в Европе и на Востоке. Главную задачу советской внешней политики он видел в использовании всех дипломатических средств для недопущения дальнейшего расширения войны. Речь его была образной, аргументированной. Время от времени замнаркома подходил к своему бюро, доставал какой-либо документ и демонстрировал, каким «образцам» дипломатической переписки не следует подражать.

«Главное в вашей работе на первых порах, – учил он нас, – это не допускать грубых ошибок и промахов. Багаж дипломатических знаний у вас ничтожный, а опыта и того меньше. Поэтому набирайтесь ума на работе в стране, больше учитесь, больше читайте!» Тут же замнаркома перечислил, что обязательно надо прочитать каждому из нас: произведения В. И. Ленина, посвященные внешней политике Советского государства, переписку Г. В. Чичерина, работу М. М. Литвинова «Внешняя

политика СССР».

Неожиданно он обращался к кому-либо и спрашивал: «А скажите, товарищ… как вы понимаете в свете решений XVIII партсъезда задачи нашей внешней политики относительно Японии?» Следовал невнятный лепет, общие фразы. «Вот видите, плохо еще изучили решения съезда. Прочитайте еще раз внимательно документы съезда, а перед отъездом зайдите ко мне», – требовал замнаркома.

Понимая, что в Японии молодые дипломаты будут испытывать особенно большие трудности в установлении контактов, он коснулся также умения вести беседы с иностранцами. «Смелее учитесь мастерству бесед, – учил нас опытный дипломат. – Вы все люди политически зрелые, Правительство и советский народ верят вам, а вот японцы и китайцы не поверят, потому что вы все из другого мира прибыли, из социалистической страны. К тому же дипломатическое дело знаете неважно, в экономике и коммерции не разбираетесь, местным языком владеете слабо. Это серьезный недостаток. Надо уметь говорить б представителями всех слоев общества. Но все же больше слушайте да наматывайте себе на ус».

Говорил он также об одежде, этике поведения советского человека в капиталистической стране, советовал не раболепствовать перед знатными господами и официальными властями, понимать суть отношений с ними, проверять их обещания. Расставаясь с нами и пожимая каждому руку, замнаркома говорил: «Буду сам наводить справки через посла, как выполняете мой наказ.» Такая беседа старшего товарища запоминалась надолго, если не на всю жизнь.

По приезде в Японию все мы, молодые сотрудники посольства, много внимания уделяли изучению страны, ее политики и экономики, знакомились с бытом и нравами простых японцев, не жалели времени на овладение японским языком. Навыки в дипломатической службе приобретали под руководством тех товарищей, кто уже находился в Японии несколько лет или был в командировке вторично. Но наиболее слабым местом все же оставался язык. Специфический язык иероглифов большинству давался с трудом. После четырех лет обучения в Московском институте востоковедения мы неплохо знали письменный перевод и грамматику, однако слабо владели живым разговорным языком, совсем не знали диалекты и местные жаргоны. Все это мешало в работе. Странно было слышать, когда нас, молодых людей, называли японоведами или, еще того хуже, ориенталистами. Нам больше импонировало название «стажеры», хотя мы делали все возможное, чтобы по-настоящему хорошо

узнать и понять страну, где довелось нам работать. Мы старались получше познакомиться с Токио и ближайшими к столице местами туризма, посещали кино и театры, слушали радио, часто бывали на книжном рынке, занимались в школе японского языка профессора Мацумия, где за плату учили иностранцев. Все это оказало неоценимую помощь в работе в Японии и тогда, и значительно позднее.

ЗАГОВОР АГРЕССОРОВ

Под дымовой завесой политического и военного затишья в Токио и Берлине шел тайный сговор агрессоров о расширении мировой войны, о вовлечении в ее водоворот крупнейших держав мира – Советского Союза, Соединенных Штатов Америки и др. Короче говоря, в Токио и Берлине шла последняя подготовка к новому переделу мира. Игнорируя существовавшие договоры с Советским Союзом, фашистская Германия и милитаристская Япония вели тайные переговоры на самом высоком уровне о военном разделе территории СССР. Маскируясь пактом о нейтралитете, японское правительство задолго до нападения Германии строило свою внешнюю политику с учетом этого нападения и в интересах его успешного осуществления. Однако, прежде чем освещать переговоры Токио с Берлином, мне хочется вкратце коснуться взаимоотношений Японии с Советским Союзом накануне нападения гитлеровцев на СССР.

Как известно, в стремившейся к захватам милитаристской Японии многие годы царил климат враждебного отношения к нашей стране. В 1925 г. после разгрома Красной Армией японских интервентов между СССР и Японией были восстановлены дипломатические отношения, однако это не положило конец территориальным притязаниям Японии.

После поучительных уроков на озере Хасан (1938 г.) и реке Халхин-Гол (1939 г.) японские руководители как будто бы взяли курс на нормализацию отношений с нами, тем более что союзник Японии по «Тройственному пакту» – Германия имела с СССР договор о ненападении. Что касается Советского Союза, то его стремление к миру и добрососедству с Японией, так же как и с другими капиталистическими странами, было неизменным. 13 апреля 1941 г. был подписан пакт о нейтралитете, был также назначен новый японский посол в Москве, генерал Татэкава, который придерживался более умеренных взглядов на взаимоотношения с СССР, чем его предшественник, ярый националист Мамору Сигэмицу.

Однако лед враждебного отношения к нашей стране и после подписания пакта о нейтралитете таял более чем медленно. Японские реакционные круги всячески препятствовали налаживанию отношений. Их бесило, что Советский Союз – государство рабочих и крестьян – выстоял перед натиском всего капиталистического мира и успешно строит социализм.

Слабые торговые и культурные связи между Японией и СССР отражали уровень и характер тогдашних отношений. Культурного

обмена, как такового, не было, взаимных встреч деятелей культуры, образования и спорта также не проводилось. Объем советско-японской торговли был ничтожно мал – где-то в пределах 1-2 млн. рублей в год. Экономическое сотрудничество ограничивалось тем, что по ранее достигнутым соглашениям японские акционерные компании вели разработку нефти и угля на Северном Сахалине, занимались морским промыслом в советских водах. Поворотным событием в советско-японских отношениях стало вероломное нападение фашистской Германии на Советский Союз летом 1941 г.

Говоря откровенно, предупреждений о надвигающейся военной угрозе из Японии поступало больше, чем из какой-либо другой страны мира. Вспомните серию донесений советского разведчика Р. Зорге. Много материала информационного характера направлялось также из посольства, отделения ТАСС в Токио. К сожалению, сообщения из Японии, так же как из самой Германии, Швейцарии и других стран, не смогли убедить руководство в крайней серьезности положения. Эти предупреждения не стали тем набатом, который поднял бы, точно по тревоге, всю страну на борьбу с опасностью. Уж очень хотелось всем советским людям верить, что благоразумие возьмет верх над безрассудством фашистских главарей и война отступит, как она уже не раз отступала.

Советско-германские отношения накануне войны были предметом особого внимания дипломатического корпуса в Токио. Начиная с января 1941 г. упорно циркулировали слухи об ухудшении отношений между Германией и СССР. Особенно старательно распространяли их западные дипломаты и журналисты, втайне рассчитывавшие на обострение не только германо-советских, но и советско-японских отношений. Больше других в этом неблаговидном деле усердствовал пресс-атташе британского посольства в Токио Рэдман, возглавивший после предумышленного убийства японцами резидента Кокса английскую разведку в Японии. Но были и вполне добросовестные сообщения о тревожных слухах.

Как-то в середине мая я посетил частную клинику доктора Плейсснера, чтобы показать ему своего сына, постоянно страдавшего в Японии воспалением среднего уха. Самого доктора в клинике не было, он где-то задерживался на выезде. Его жена, Габриэлла Плейс-снер, узнав о том, что мы из советского посольства, любезно просила нас подождать. Мы разговорились. Оказалось, что они с мужем покинули Западную Украину незадолго до ее освобождения советскими войсками. Габриэлла была рада нашей встрече и в течение часа оживленно беседовала

с нами. Сын в это время усердно листал иллюстрированные журналы и, кажется, даже забыл про болезнь. Габриэлла доверительно рассказала о том, что среди немецких дипломатов и иностранных журналистов ходят слухи о готовящемся вторжении Гитлера в Западную Украину и Западную Белоруссию как первом шаге войны с СССР. Она пояснила, что представляет в Японии какую-то югославскую газету и часто бывает в пресс-клубе. Скоро прибыл доктор Плейсснер, и интересный разговор на этом был прерван.

О слухах как источнике информации следует сказать, что в условиях военно-полицейского режима в Японии они нередко были первыми признаками надвигавшихся крупных событий. Обычно слухи возникали в корреспондентских кулуарах и среди иностранцев, прибывших в Токио из Германии и других стран Европы и Америки. Затем они перекочевывали в дипкорпус и очень скоро становились достоянием общественного мнения и даже прессы. Японское правительство боролось со слухами, если они противоречили японской официальной версии, усилило контроль за прессой, ввело строгие цензурные законы. В частности, в январе 1941 г. был принят закон «Об ограничении газетных публикаций». Позднее была учреждена Японская газетная лига, в которой посты советников и членов правления заняли представители Управления информации и министерства внутренних дел Японии. Были приняты законы, сурово карающие всех подозреваемых в разглашении военной и государственной тайны. В марте 1941 г. парламент утвердил Закон об обеспечении национальной обороны (Кокубо хоанхо), согласно которому лица, «наносящие вред общественному спокойствию и порядку», наказывались каторжными работами. Но, несмотря на всю строгость контроля и цензуры, слухи продолжали циркулировать. Иногда их специально распространяли официальные лица и органы печати.

После подписания в сентябре 1940 г. «Тройственного пакта» мы были свидетелями чрезмерного разбухания немецких представительств в Токио. Усилился наплыв в Японию немецких групп и различных делегаций, обычно возглавляемых видными дипломатами и представителями деловых кругов Германии. Уже несколько месяцев в Токио находился нацистский дипломат Макс Штаммер. Посол Отт то и дело вылетал в Берлин для встреч с руководителями рейха, а японский посол генерал Осима циркулировал между Берлином и Токио. Повышенная активность немецких и японских дипломатов, без сомнения, свидетельствовала о назревании чрезвычайных событий.

Были и другие признаки приближавшейся германо-советской

войны. Например, с конца 1940 г. через Токио из США, Канады и Южной Америки беспрерывным потоком возвращались тысячи немецких резидентов и деловых людей. Все они посещали советское посольство и представительство «Интуриста», чтобы получить транзитные визы и билеты на проезд по территории СССР. В посольство они приходили или приезжали на автобусах большими партиями по 30-40 человек, но в кабинет консула для беседы их приглашали по одному. Один из немецких посетителей, проживший в Мексике большую часть своей жизни, доверительно пояснил, что приказ о возвращении немцев в Германию объясняется обстоятельствами, связанными с дальнейшим расширением войны. Видимо, руководители рейха старались собрать в Германии все немецкое население, главным образом чтобы увеличить людские ресурсы для войны. У немцев стало очень много врагов во всем мире, в будущем их может оказаться еще больше, сказал с озабоченностью один немецкий посетитель.

Советское консульство в то время располагало данными о том, что все транзитные немцы в обязательном порядке посещали немецкое посольство в Токио, где получали задания разведывательного характера на период следования по советской территории. Это была одна из форм легального шпионажа нацистов в нашей стране. Примерно за 10-12 дней до нападения Германии на СССР поток транзитных немцев сократился, а через несколько дней прекратился вовсе.

За несколько дней до начала Великой Отечественной войны слухи о вооруженных стычках на границе Германии и СССР приняли массовый характер. К нашим дипломатам на приемах, в учреждениях и просто на улицах подходили знакомые и даже незнакомые иностранцы, в том числе и японцы, и спрашивали, насколько правдоподобны эти слухи. Японская пресса, контролируемая правительством и военной цензурой, вела в то время плохо скрываемую игру в пользу фашистских государств. Обозреватели центральных газет, отражая официальное мнение, широко комментировали «Тройственный пакт», делая акцент на том, что Германия и Италия признают и уважают руководство Японии в создании «нового порядка» в Восточной Азии. Не оставалось никаких сомнений в том, что официальный Токио хотел расставить все точки над «и» в своих отношениях с Германией накануне ее нападения на СССР. Японские руководители старались обеспечить себе полную свободу действий в решении азиатских проблем.

Не случайно, что именно в этот период японские войска устремились на юг с целью окончательного овладения

Французским Индокитаем. Перед японской армией и флотом была поставлена задача: захватить силой Индокитай и перерезать линии коммуникаций США с Китаем, лишив его экономической и военной помощи, создать плацдарм для наступательных операций против Филиппин, Индонезии, Сингапура. Япония действовала в этом случае в согласии с Германией. Франция после разгрома летом 1940 г. была не в силах противостоять нажиму двух агрессоров и отстоять свою колонию в Азии – Индокитай. Это была первая крупная добыча, доставшаяся Японии за участие в «Тройственном пакте». Правительство США как-то пыталось противодействовать вводу японских войск в Сайгон, однако проводимая прежде политика соглашательства и «умиротворения» агрессоров подорвала силу дипломатического давления и экономических мер в отношении Японии.

Вспоминается случай, проливающий некоторый свет на действия японских империалистов в Юго-Восточной Азии в 1940-1941 гг. В середине июня 1941 г. консульский отдел нашего посольства посетил секретарь французской миссии в Индокитае с просьбой выдать членам миссии транзитные визы для возвращения во Францию. Поскольку у нас не было дипломатических отношений с правительством Виши, решение вопроса о визах затягивалось. В один из своих визитов секретарь миссии, владевший несколькими языками, включая русский, рассказал, что в связи с поражением Франции японцы по согласованию с немцами усилили нажим на правительство генерала Петена с целью прибрать к рукам Французский Индокитай. Вести переговоры с ними крайне трудно, говорил секретарь французской миссии, поскольку японское правительство заняло непримиримую позицию, опираясь на успешные действия своей армии и флота. Новое требование Японии сводилось к безоговорочному признанию ее права на размещение войск и создание баз не только в северной, но и в южной части Индокитайского полуострова. Франция также должна была принять обязательство снабжать японские войска всем необходимым для боевых действий, кроме оружия.

По словам секретаря, японский МИД предупредил французскую миссию, что если эти требования не будут удовлетворены, то Япония применит вооруженные средства и введет войска на юг Индокитая. «Миссия не обладает полномочиями решать такие вопросы и намерена выехать во Францию», – завершил свой рассказ секретарь миссии.

Необычное зрелище представляла столица Японии в последние дни перед вторжением гитлеровцев в нашу страну. Летняя духота с проливными дождями пришла раньше обычного.

Казалось бы, самое время японским буржуа оставить шумный город и либо отправиться на побережье океана, куда-нибудь в Атами, Камакура, либо к горным озерам Хаконэ и Цудзэндзи, или, что еще лучше, удалиться в японские Альпы – Каруйдзава. Но никто не хотел покидать столицу в эти дни. Внешне в городе все как будто оставалось спокойным. Однако в правительственных и военных ведомствах царила подозрительно повышенная активность. Учреждения и штабы работали без перерыва, чиновники и штабные офицеры сутками не покидали своих помещений. По ночам в окнах горел свет, каждые пять-десять минут у подъездов останавливались черные лимузины с генералами и высокопоставленными чинами. В парламенте шли многочасовые дебаты по поводу новых 4 законов. Всё говорило, что в столице дальневосточном агрессора готовятся к событиям большой важности.

Газеты и радио 15-16 июня выступили с широкими комментариями по поводу заявления ТАСС от 14 июня, в котором советское правительство изложило свою точку зрения на положение в Европе в связи со слухами о нарастании военного конфликта между Германией и СССР. Японская пропаганда на свой лад интерпретировала эти слухи, обвинив Советский Союз, который якобы сосредоточил огромные войска на границах с Германией и тем нарушил спокойствие в мире. Где-где, а в Токио отлично знали об агрессивных планах Гитлера и не теряли ни одной минуты, готовясь извлечь из новой военно-политической конъюнктуры наибольшую для себя выгоду.

И сейчас еще иногда появляются утверждения, что Япония в 1941 г. не знала-де о планах гитлеровской Германии и действовала, сообразуясь лишь со своими национальными интересами. В этой связи хочется напомнить несколько общеизвестных фактов.

Неоднократно возглавлявший японское правительство принц Коноэ в своем дневнике, вышедшем в свет после войны, записал: «Подписывая 13 апреля 1941 г. в Москве пакт о нейтралитете, министр иностранных дел Мацуока уже знал о готовящемся нападении Германии на СССР»[7]. Более того, японский военный историк Такусиро Хаттори утверждает, что 15 мая 1941 г. в Токио состоялось совещание руководящего состава японского Генерального штаба по вопросу о мероприятиях в связи с германо-советской войной.

19 мая 1941 г. советский разведчик Рихард Зорге сообщал: «Берлин информировал своего посла в Японии генерала Отта, что немецкое наступление против СССР начнется во второй половине июня. Технический отдел германских воздушных сил в Токио

получил указание возвратиться в Германию. Рамзай»[8].

Во время суда над главными японскими преступниками в Токио бывший японский посол в Берлине генерал-лейтенант Хироси Осима дал показания о том, что правительство и военные круги Японии были предупреждены им о готовящемся вторжении Германии в СССР. В частности, он рассказал, что после встречи 3 июня 1941 г. с Гитлером, а 4 июня – с Риббентропом он направил в Токио сообщение, в котором говорилось, что «война между Германией и СССР, по всей вероятности, начнется в ближайшее время, т. е. в течение одного месяца»[9]

Таковы неопровержимые факты, говорящие о том, что оба агрессора – Германия и Япония – действовали накануне войны заодно, своевременно информируя друг друга о своих планах и подталкивая друг друга к нападению на Советский Союз.

СОВЕТСКАЯ РОДИНА В ОГНЕ ВОЙНЫ

22 июня 1941 года. Нападение фашистской Германии на Советский Союз, вызывавшее недавно столько пересудов, стало действительностью, печальным фактом истории. Началась Великая Отечественная война, проложившая огненный рубеж в жизни каждого советского человека.

В тот день центральные токийские газеты вышли, как обычно, с многочисленной информацией о вооруженных столкновениях на германо-советской границе. Сообщений о начавшейся войне из-за разницы поясного времени в них не было. И только во второй половине дня, после выступления по радио главы Советского правительства и официального заявления фашистской Германии, вышел экстренный выпуск с сообщением о войне. Все вечерние газеты – «Асахи», «Майнити» и другие – на первых полосах извещали о войне. На видных местах они поместили четыре огромных иероглифа: германо-советская война.

Помнится еще одно обстоятельство первого дня войны: появившиеся тогда газетные сообщения были настолько запутанными, что вряд ли не очень сведущий японский читатель сразу уяснил, кто на кого напал. Возбужденным голосом диктор токийского радио каждые пять минут вперемежку с маршевой музыкой сообщал о наступлении немецких войск, о налетах их авиации на советские города и понесенном ими уроне. Официальный Токио ликовал. Группы проходивших по улице Мамиана японцев останавливались перед воротами советского посольства, о чем-то между собой оживленно спорили. Усиленный наряд полицейских охранял посольство.

Сообщение о войне поражало сознание каждого чудовищностью совершенного гитлеровцами вероломства. Для нас, советских людей, находившихся за рубежом, сообщение о войне было вдвойне тревожным и тяжелым. Вдали от Родины, в стане неприятеля мы были лишены возможности отчетливо представить себе действительное развитие событий на фронтах. Но и в этой обстановке мы жили единым дыханием со своим народом. Война зажгла во всех нас ненависть к агрессорам, призывала бороться с врагами советской Отчизны всюду и любыми возможными методами. Каждому предстояло найти свое место в боевом строю или, как говорят снайперы, занять «огневую позицию», чтобы, защищая Родину, без промаха поражать врага.

Многие из нас в день объявления войны обратились в Наркомат иностранных дел с просьбой об откомандировании из Японии и отправке на фронт, чтобы с оружием в руках биться

против гитлеризма. Но нам, основной группе дипломатов и сотрудников советских учреждений в Токио, было предписано оставаться на своих постах, считать нашу работу главным заданием на период войны. Это был приказ партии и правительства.

С первых же дней германо-советской войны правящие круги Японии вели себя как верный союзник фашистской Германии. Сбросив маску лицемерия, они в полный голос заговорили о возможных вариантах войны с СССР. Японскую военщину при этом мало смущала моральная сторона ее действий. Ведь с давних пор вероломство считалось в порядке вещей и даже чуть ли не нормой всякой войны. Коварное нападение гитлеровцев на СССР породило у японской военщины надежду захватить часть советского Дальнего Востока.

С началом германо-советской войны обстановка для работы и жизни советских представителей в Токио резко ухудшилась. Мы сразу почувствовали заметное охлаждение отношения к нам. Японцы все чаще давали понять, что не считают советских представителей равными с другими иностранными дипломатами. Должностные лица или вообще отказывались встречаться с работниками советского посольства и консульства, или, что бывало чаще всего, молча выслушивали наши просьбы и откладывали их решение на неопределенное время. Враждебный тон в отношении советских учреждений задавали руководящие работники японского МИДа. Еще вчера весьма любезные к нам, сегодня они сбросили с себя маску любезности и демонстрировали откровенное недружелюбие. На память приходит вызывающее поведение министра иностранных дел Мацуока. Вскоре после начала войны советский посол К. А. Сметанин посетил его, чтобы выяснить позицию японского правительства в связи с нападением Германии на СССР. Во время приема Мацуока держал себя в высшей степени нагло: развалясь на диване, он с вызовом говорил, что императорская Япония в этой новой обстановке будет действовать исходя из своих собственных интересов, не считаясь с японо-советским пактом о нейтралитете. Поведение и заявление японского министра красноречиво говорили сами за себя.

Официальная печать в те дни усилила злобные нападки на Советский Союз, изображая агрессором не гитлеровскую Германию, а СССР. Каждая военная сводка берлинского агентства ДНБ подавалась в торжественных тонах, точно войну с Советским Союзом вела сама Япония. Нередко приводились вымышленные сведения о советских потерях, оставленных нашими войсками городах и населенных пунктах. Проводившаяся японской

пропагандой враждебная кампания должна была укрепить антисоветские настроения в стране, вызвать злобное чувство к советскому народу. Это была идеологическая подготовка к войне против СССР.

Стремясь оказать помощь своему фашистскому союзнику, правительство Японии искусственно осложняло японо-советские отношения. Оно выступило с надуманным заявлением об угрозе плаванию в Японском море из-за якобы появившихся там советских мин.

Вновь был поднят вопрос о рыболовстве в советских водах, выдвигались требования увеличить квоты Японии, разрешить беспрепятственный въезд на советский Сахалин и Камчатку рабочих и служащих японских компаний. Полицейские власти ужесточили и без того тяжелый режим пребывания в Японии советских представителей. Наружная слежка за сотрудниками посольства в Токио и консульства в Хакодатэ приобрела навязчивый характер. Участились акты насилия в отношении советских представителей: секретаря посольства М. А. Привалова на станции Сэндай выдворили из вагона и оставили на платформе, военного атташе И. В. Гущенко не выпускали из машины в течение нескольких часов. Было много и других подобных случаев.

В этой обстановке Советское правительство приняло решение сократить персонал всех советских учреждений в Токио и эвакуировать членов семей сотрудников и дипломатов в Советский Союз.

Возвращались на Родину сотрудники и члены их семей на японских судах через порт Цуруга во Владивосток. Портовые власти и судовое начальство держали себя вызывающе, запугивали наших людей скорым военным поражением, предлагали остаться в Японии. В пути следования якобы из-за плавающих советских мин женщин и маленьких детей среди ночи поднимали по тревоге, выводили для погрузки на спасательные шлюпки. Переезд морем вместо двух суток по расписанию растягивался на 8-10 суток. Естественно, что все это время женщины нервничали, дети с трудом переносили морскую качку, люди голодали, из-за плохой судовой пищи болели. Жаловаться было бесполезно. Ответом были откровенно злорадные улыбки.

С началом войны иностранные дипломаты в Токио разделились на две группы: к одной принадлежали ближайшие союзники Японии – немцы, итальянцы, финны, испанцы, венгры и румыны, представители марионеточного государства Маньчжоу-го, нанкинского правительства Ван Цзин-вэя; к другой – те, кто считался потенциальными врагами Японии, – советские,

американские, английские, голландские и другие дипломаты.

Особенно грубо и нагло вели себя немецкие и итальянские представители. Всем своим видом они демонстрировали враждебное отношение к советским людям, свое расовое превосходство. Немцы и итальянцы не желали останавливаться в одной гостинице с советскими дипломатами, отказывались ехать в общем с ними транспорте, посещать приемы, на которых те бывали. Недавние знакомые отворачивались от нас и выкрикивали ругательства. Представители стран – немецких сателлитов во всем подражали своим новым хозяевам. Японские власти чаще всего потакали неумеренным капризам нацистов – их союзников по военному блоку.

Что касается дипломатов США, Англии и других западных стран, то они в отношении нас были скорее сдержанными, нежели дружественными. Пример в этом подавали американский посол Грю и посол Англии Крейги, избегавшие встреч с советским послом К. А. Сметаниным. Западные дипломаты не хотели отказаться от дружбы с Японией и идти на сближение с нами, хотя международная обстановка заметно менялась и уже складывалась антигитлеровская коалиция держав. Большинство этих дипломатов были уверены, что Гитлер очень скоро расправится с СССР, а Япония неминуемо откроет фронт против него на Дальнем Востоке.

Приходилось удивляться политической слепоте дипломатов США и Англии. Они надеялись что фашистские государства обескровят себя в борьбе с коммунизмом, а заодно обессилят и Советский Союз. Им и в голову не приходила мысль о возможности выступления Японии против англо-американского союза. За эту беспечность и самоуверенность руководители и дипломаты западных стран впоследствии сурово поплатились.

Когда началась германо-советская война, в правящей верхушке Японии заметно усилилась грызня в связи с поиском нового курса во внешней политике страны.

Все японские руководители сходились на том, что единственным средством утверждения японского господства в Азии является война. Фактически противников нападения на Советский Союз среди них не было. Разница во взглядах сводилась лишь к вопросу времени: выступать ли против СССР немедленно или подождать, пока Германия одержит решающие победы. Особое мнение имел лишь премьер Коноэ, который считал важнейшей задачей японской политики – завершение войны с Китаем.

Так сложились две противоположные группировки в японском руководстве: к первой принадлежали маршалы Сугияма

и Хата, генералы Умэдзу, Итагаки, Анами, Доихара, бывший премьер Хирота, дипломаты Мацуока и Сигэмицу, посол в Германии Осима и посол в Италии Сиратори; ко второй – принц Коноэ, барон Хиранума, маркиз Кидо, адмиралы Ионаи и Ямамото.

За каждой из групп стояли могущественные промышленно-финансовые объединения, финансировавшие агрессивную политику правящей верхушки и военщины. Первую группу, добивавшуюся немедленного выступления против Советского Союза, поддерживали старые концерны «Мицуи», «Кухара», «Мангё», нажившиеся на грабеже Северо-Восточного Китая, вторую группу – концерны «Мицубиси» и «Сумитомо» рассчитывавшие до выступления против СССР на получение огромных прибылей в ходе успешных операций в Китае и оккупации стран Южных морей.

На второй день после нападения Германии на СССР Тайный совет во главе с императором утвердил документ, именовавшийся «Программа государственной политики империи в связи с изменением обстановки», который определял действия Японии в ближайшие месяцы. Он также указывал на необходимость интенсивной подготовки к «большой войне». Совет ориентировал правительство и нацию на урегулирование военного конфликта с Китаем, на расширение сферы господства в Азии, не останавливаясь перед войной с США и Англией, на решение, в зависимости от обстановки, «северной проблемы». В частности, о «северной проблеме» говорилось следующее: «Наше отношение к германо-советской войне основывается на принципах укрепления мощи держав оси, однако в настоящее время мы не будем вмешиваться в войну и сохраним независимую политику, в то же время скрытно завершая военную подготовку против Советского Союза. Если германо-советская война будет развиваться в направлении, благоприятном для японской империи, то, прибегнув к военной силе, империя разрешит „северную проблему“ и обеспечит стабильность положения на севере…»[10].

Итак, жребий «большой войны» был брошен, решение в верхах принято. Оно означало: расширять сферу «Великой Восточной Азии», не останавливаясь войной с США и Англией, быть готовым к войне с СССР в благоприятный для Японии момент. Хотя и после этого борьба мнений в руководстве не прекращалась, началась лихорадочная подготовка.

Конечно, в те далекие и тревожные дни далеко не всё из закулисной деятельности японской военщины доходило до нас. Но, как известно, война в наше время имеет одну специфическую особенность – она втягивает в свою орбиту большие массы людей,

затрагивает коренные интересы всех классов, становится всеобщим народным бедствием. До принятия решения о надвигающейся войне знают единицы, после принятия – тысячи. Появляется много прямых и косвенных признаков подготовки к войне (мобилизация войск резко возросшее напряжение на транспорте, строгий военно-полицейский режим и т. д.).

Примерно то же самое происходило и в Токио после 22 июня. Многие секретные планы вышли за пределы служебных кабинетов, стали не только достоянием тех, кто имел прямое отношение к подготовь к войне. По отрывочным сведениям вполне можно было догадываться, в каком направлении развиваютс события.

«НЕ ОПОЗДАТЬ К ПОСЛЕДНЕМУ АВТОБУСУ!»

Выражение «Не опоздать к последнему автобусу» распространилось в японских официальных кругах летом 1941 г., когда руководство страны после нападе ния фашистской Германии на СССР вдруг испугалось что Япония может упустить инициативу. В то время как ее партнер по агрессии уже прибрал к рукам большую часть Европы и развивал наступление своих армий на Москву, Ленинград и Киев, Япония бесперспективных действиях в Китае, хотя захватить у французов Индокитай, богатый каучуком и представлявший собой удобную дальнейшей войны на Юге. По мнению японских правящих кругов, обстановка требовала безотлагательных действий, и государственная и военная машина заработала на полных оборотах. Поскольку общий курс в войне определился, надо было быстрее реализовать его, говоря языком того времени, не дать уйти «последнему автобусу». Японское высшее политическое руководство и Генеральный штаб требовали одновременно готовиться к войне на Севере и на Юге, чтобы начать ее там, где обстоятельства будут благоприятнее для империи. Подготовка к войне носила лихорадочный характер, казалось, что абсолютно все подчинено этой задаче.

Стояло необычайно жаркое лето 1941 г. В июле и августе токийцы изнемогали от тропической жары. При высокой влажности, какая бывает во время тропических ливней «нюбай», температура не падала ниже 30°. Люди страдали от мучительных болей в голове и суставах. Свободное от работы население окраин выходило из провонявших рыбой и гнилыми овощами лачуг на мостовые и в переулки, где сквозняки еще позволяли дышать, и, устроившись в тени, коротало жаркое время дня. Воды в колонках не хватало для питья, иссякали даже запасы на случай пожара. Время от времени по раскаленному асфальту улочки проносился на велосипеде подросток из ближайшей харчевни, чтобы забрать у клиентов подносы и чашки из-под обеденной похлебки. На ходу он объявлял какую-нибудь сногсшибательную новость, вроде: «Советское правительство бежало из Москвы, бросив на произвол столицу» или: «Японский пароход „Кэйхи-мару“ утонул в Японском море, наскочив на советскую плавающую мину» и т. п. Утомленные жарой японцы едва обращали внимание на распространителя очередных газетных сенсаций. Да и не очень-то верили этим басням. Жителей столицы больше интересовали

вести о новых приготовлениях к войне в самой Японии. Свидетельств этих приготовлений было более чем достаточно, они непосредственно касались каждой семьи; шла мобилизация мужчин в возрасте от 20 до 40 лет и отправка новобранцев в Маньчжурию, Корею или просто на север. То и дело куда-то мчались военные грузовики с солдатами или покрытыми брезентами грузами. В парке Хибия на митингах членов националистических организаций, в синтоистских храмах японцев призывали служить «божественному тэнно» (императору) и готовиться отдать свою жизнь за него.

Летом 1941 г. военные власти в соответствии с решениями правительства проводили большой комплекс военных мероприятий. Видимо, их главной заботой было усиление стратегических группировок на Севере и создание ударных сил на Юге. Работники военного аппарата нашего посольства отмечали в то время особенно интенсивную деятельность штабов и частей, дислоцированных в Токио, а также гарнизонов и кораблей ближайших военно-морских баз, направленную на подготовку к войне. Одна за другой проходили мобилизации мужского населения, комплектовались новые части, отправлявшиеся на Хоккайдо, Сахалин, в Корею и Маньчжурию, срочно предоставлялись массовые отпуска военным морякам. Казалось странным, что японские газеты открыто пишут обо всем этом. Создавалось впечатление, что японские органы печати, официальная пропаганда намеренно не делают секрета из того, что их армия и флот готовятся к войне против СССР.

Дело не обходилось и без курьезов. В середине июля, в период повышенного военного психоза, советскому послу К. А. Сметанину позвонил из Цуруги уже известный читателю полицейский Номура и задал такой вопрос: «В связи с германо-советской войной в местных газетах появилось много различных военных сообщений. Нужно ли мне как переводчику наряду с политической, экономической и консульской информацией переводить и военную?» Вопрос был настолько неожиданным и откровенно провокационным, что советскому послу не оставалось ничего другого, как ответить, что никакого переводчика Номура он не знает и его информацией не интересуется.

Обострившаяся обстановка, естественно, в немалой степени нервировала всех нас, в том числе и членов наших семей. Проживавшие в городе сотрудники настаивали на том, чтобы им разрешили поселиться на территории посольства. Работники консульского отдела, занятые эвакуацией советских людей на Родину, старались не допустить возникновения панических настроений среди тех, кто оставался в Токио. Следует сказать, что

оснований для тревог и волнений в те дни было более чем достаточно. Нередкими были сцены, производившие тягостное впечатление на советских людей. Как-то консульский отдел посетила жена покойного профессора Сильвина[11] и не без волнения рассказала следующее. На военном плацу первой гвардейской дивизии в районе Роппонги с рассвета и дотемна проходят подготовку новобранцы перед отправкой на Север. Уже в пять часов утра можно слышать истошные вопли солдат, занимающихся штыковым боем. Из комнатки на втором этаже, где она живет, хорошо видно, как одетые в военную форму новобранцы японской армии поочередно выходят на огневой рубеж и гранатами поражают соломенные чучела, на головах которых надеты красноармейские шлемы, рабочие кепки и сибирские шапки-ушанки. На груди чучел прикреплены красные звезды в качестве мишени для штыкового укола. Новобранцы после броска гранаты с примкнутыми штыками и с ревом бегут к чучелам, стараясь штыком поразить мнимого красноармейца. Если новобранец не выполняет упражнения или действует недостаточно энергично, то тут же получает от унтер-офицера зуботычину. Можно было понять переживания и чувства советской гражданки, повидавшей за свою жизнь немало примеров вражды к СССР в Японии.

Японская военщина всячески подчеркивала враждебное к нам отношение. Когда по токийским улицам проезжала советская дипломатическая машина с красным флажком на радиаторе, японские солдаты как по команде демонстративно от нее отворачивались. То же самое они делали, проходя мимо советского посольства. Солдатам и унтер-офицерам категорически запрещалось посещать лавочки и закусочные вблизи посольства, отвечать на вопросы советских сотрудников, заговаривать с советскими людьми, включая детей.

Так провожали в армию в июле 1941 г.

Надо отметить, что в труднейших условиях лета 1941 г., как и в последующий период, советские люди, жившие и работавшие в Токио, сохраняли выдержку и спокойствие, не поддавались на угрозы и провокации, с достоинством и уверенностью в правоте нашего общего дела отстаивали интересы Родины, не щадили себя и не жалели сил во имя ее победы.

Токио в то время все больше напоминал военный город. Все виды городского транспорта были переполнены солдатами, уходившие на север поезда были битком набиты ими. Проводы на фронт стали чуть ли не главным событием тех дней. Им обычно предшествовала традиционная церемония прощания. Получивший назначение солдат или унтер-офицер должен был предстать перед жителями своего квартала в присутствии старшего десятидворки (тонари гумитё) и местного буддийского бонзы. Одетый в военную форму и коротко подстриженный солдат давал перед ними клятву верности императору, предусмотренную в кодексе самурайской чести. Старшие и соседи напутствовали его «добрыми» советами. За час до отхода поезда собирались друзья новобранца и его товарищи по работе. На вокзальной площади или прямо на перроне они образовывали круг и, размахивая национальными флажками, с пением патриотического гимна: «Кими га ё!» призывали стоявшего в центре новобранца верно и честно служить «знамени Ямато», не бояться смерти, беспощадно бить врагов. Новобранец снова

клялся «драться до победы или смерти». После этого под возгласы «банзай» его на руках несли к вагону. Никаких слез и объятий при проводах не допускалось. Матери со скорбными лицами провожали сыновей глубоким поклоном, подавляя усилием воли все свои горестные переживания. Что касается офицеров, то накануне отправки на фронт или на границу они обычно устраивали в чайных домиках шумные проводы с песнями и распитием японской водки – сакэ.

Существовал и соответствующий ритуал встречи похоронных урн, который, конечно, проходил по-иному, менее торжественно. Однако в дни военного угара лета 1941 г. о смерти и похоронных церемониях мало кто задумывался. Это пришло значительно позднее.

Летом 1941 г. армия и флот Японии были в зените славы. На них смотрели как на силу, способную положить конец страданиям нации от всех бед. Штабы и воинские части жили напряженной жизнью. Генеральный штаб совместно со штабом Квантунской армии завершил разработку плана войны против Советского Союза под кодовым названием «Кантокуэн» («Особые маневры Квантунской армии»), который являлся как бы аналогом известного плана «Барбаросса». За короткое время, с июля по сентябрь, Квантунская армия выросла более чем в два раза по личному составу и в три-четыре раза по боевой технике. Командование флота Японии спешно закончило развертывание на Севере нового, 5-го оперативного флота. Все говорило о том, что у границ Советского Союза создается мощная стратегическая группировка японских войск, готовая по первому приказу из Токио обрушиться на советские рубежи.

Между тем наши западные коллеги все усиленнее распространяли среди дипломатов слухи о том, что японское командование надеется склонить императора и правительство к войне против Советского Союза еще до наступления зимних морозов. Они по-прежнему недооценивали смысл японских военных приготовлений на Юге.

Однако последующие события показали, что окончательное решение вопроса о войне против СССР было не таким простым делом. Как уже говорилось, японское политическое руководство и военное командование разрабатывали планы агрессии на Севере и на Юге в зависимости от успехов фашистских войск на германо-советском фронте. Ориентировочно начало войны против СССР намечалось на сентябрь 1941 г., когда, как ожидали в Японии, падут советские города Ленинград, Смоленск и Киев, когда гитлеровская армия подойдет к стенам Москвы и выйдет на берега Волги. Именно по этой причине японское военное

командование так торопилось с развертыванием стратегических группировок на Севере. Однако реальная действительность опрокинула все расчеты генеральных штабов. Советские войска мужественно противостояли немецкому наступлению, перемалывая в жестоких боях живую силу и технику гитлеровцев. Уже под Смоленском и Ленинградом был развеян миф о «молниеносной войне» Гитлера в России. Японская разведка очень скоро поняла, может быть, даже раньше, чем ее партнеры в Германии, что вместо блицкрига Германии предстоит длительная и изнурительная война с Советским Союзом, который не только не собирается капитулировать, но день ото дня наращивает силы для отпора.

В Японии существует характерная национальная традиция – решать самые сложные, в том числе государственные и сугубо секретные, дела на личных встречах, сидя где-нибудь на соломенных циновках (татами) в гостинице или чайном домике. Так было и в описываемую мной пору. Наверное, так делается и сейчас. Вспомните книгу В. Овчинникова «Ветка сакуры», записки И. Латышева, статьи Б. Чехонина и др.

Неизбежная при крутом историческом повороте внутренняя борьба шла не столько в тиши кабинетов правительственного квартала, в министерствах на Касумигасэки и штабах на Итигая, сколько в фешенебельных особняках на Акасака, в аристократических гостиницах Мияносита, Хаконэ, Атами и Каруйдзава, а то и просто на татами в чайных домиках на Аояма и старой Гинзе. Так, премьер Коноэ собирал своих доверенных лиц на завтраки («Асамэси кай»), председатель Тайного совета барон Хиранума проводил так называемые пятницы («Киньё кай»), генералы встречались на Сибуя. На этих встречах знатоков японской кухни за чашечкой сакэ, как бы между прочим, решались самые важные вопросы государственной политики Японии.

Главным предметом споров и обсуждений оставался все тот же не терпящий отлагательства вопрос: где нанести новый сокрушительный удар японской армии и флота? В конце концов жребий был брошен. 6 сентября 1941 г. было принято предварительное решение о политике японской империи в случае войны с Англией, США и Голландией, а 5 ноября, когда во главе правительства встал генерал Тодзио, император утвердил окончательное решение о войне на Юге. Военные действия на Севере из-за явно обнаружившихся неудач немцев на восточном фронте откладывались до весны 1942 г.

Возросшая угроза японской агрессии резко изменила быт и сознание всех, кто в те тревожные месяцы лета и осени 1941 г.

жил и работал на советском Дальнем Востоке, кто охранял советские рубежи. Советские люди стали еще бдительнее и зорче, решительно отказавшись от настроений мирного времени. После нападения гитлеровской Германии на СССР с японской стороны участились нарушения сухопутной и морской границ, активизировалась подрывная деятельность японской разведки. Японские военные и пограничные власти то и дело устраивали провокации, пограничные инциденты. Граница с «независимым» государством Маньчжоу-го, где хозяйничали японцы, и раньше не была спокойной, а в те месяцы она стала походить на не потухший вулкан, готовый каждую минуту извергнуть огонь и смерть на советскую землю.

В середине сентября 1941 г., доставив из Токио очередную партию эвакуированных семей во Владивосток, я в течение нескольких дней наблюдал жизнь в этом близком к границе городе. Сводки Совинформбюро ежедневно приносили плохие вести с фронта Красная Армия с упорными боями отходила на восток оставляя врагу один город за другим. 22 сентября наши войска оставили Киев. Хотя военные действия развертывались за тысячи километров отсюда, во Владивостоке было введено затемнение, улицы усиленно патрулировались, на въезд и выезд были необходимы пропуска. Каждую ночь, а иногда и дважды за ночь слышались сигналы воздушной тревоги. Вдоль всего побережья патрулировали военные корабли. Население под руководством армейских и флотских специалистов возводило оборонительные рубежи на подступах к Владивостоку, строило убежища. Короче говоря, Владивосток жил напряженной жизнью прифронтового города. Такое же положение было вдоль всей советской дальневосточной границы.

Советские люди хорошо знали повадки своего восточного соседа. Во Владивостоке и других городах еще живы были те, кому довелось воевать с японцами в 1904 г. на полях Маньчжурии, защищать Порт-Артур. Еще больше было участников гражданской войны, помнивших кровавые годы японской интервенции. Совсем свежими были воспоминания о недавних вооруженных провокациях у озера Хасан и на реке Халхин-Гол. Поэтому внимание к политике империалистической Японии в те месяцы 1941 г. повсеместно было неослабным. Где бы я ни появлялся, как только узнавали, что я прибыл из Японии, мне задавали один и тот же вопрос: когда Япония собирается напасть на Советский Союз? И тут же обычно добавляли: передайте японским самураям, что, если они на нас нападут, дальневосточники устроят им большой Хасан. В словах говоривших слышалась тревога в связи с возможным

осложнением и без того тяжелой обстановки, но не было и тени страха.

Быстро пробежали дни моего пребывания во Владивостоке. Предстояло снова возвращаться в Токио – логово японской агрессии. Признаюсь, что нелегко было расставаться с родной землей, с друзьями-дальневосточниками в тревожное время первой военной осени. Но о том, чтобы остаться в СССР, не могло быть и речи. Как сотрудник посольства СССР в Японии, я должен был находиться в Японии до конца командировки или по крайней мере до того дня, пока я не буду отозван наркоматом в Советский Союз.

Вместе со мной на японском пароходе обратным рейсом возвращался в Токио секретарь американского посольства в Японии, проводивший свой двухнедельный отпуск во Владивостоке. Как он объяснил мне, в скором времени заканчивается двухлетний срок его службы в Японии, поэтому посол США разрешил ему «для расширения знаний» о Дальнем Востоке провести отпуск в Шанхае или во Владивостоке. Он избрал Владивосток, поскольку находившийся там генеральный консул США был его давним патроном по госдепартаменту. Большую часть пути мы находились на палубе или в салоне, обсуждая проблемы войны, события на Дальнем Востоке. Мне показалось странным, что американский дипломат совершал развлекательное путешествие в столь неподходящее время. Возможно, что он приезжал во Владивосток с какой-то специальной миссией, но, естественно, спросить об этом я не мог.

Сейчас я уже не помню в подробностях, о чем мы говорили по пути от Владивостока до Цуруги, но одно из его высказываний запомнилось мне хорошо. Американский дипломат, проживший в Японии около двух лет, прилично знавший японский язык и страну, заявил: «Америка так много сделала для Японии и ее народа, что, если переговоры японских послов Номура и Курусу с государственным секретарем Хэллом не завершатся успехом, Япония будет обречена на изоляцию». В этих его словах сквозила общая для американской дипломатии недооценка военной опасности США со стороны Японии, надежда на то, что ее агрессивные планы нацелены на Советский Союз. Что это действительно так, было видно из его представлений о перспективах расширения войны на Дальнем Востоке.

«Обстановка продолжает оставаться взрывоопасной, – говорил секретарь посольства, – в Токио идет борьба между правительством Коноэ и военными по вопросу о сроках войны с Россией». Это говорилось в то время, когда главные силы японского флота уже выдвигались на исходные рубежи для

нападения на Пёрл-Харбор. Расставаясь с американским дипломатом, мы договорились продолжать наши встречи в Токио.

Итак, Япония спешила вовремя начать «большую войну» – не «опоздать к последнему автобусу», как сказал принц Коноэ при создании Ассоциации помощи трону. В последних числах июня газета «Асахи» привела следующие его слова: «Чтобы победить в священной войне, Японии нужна новая политическая структура, то есть вместо нескольких политических партий нужна единая партия служения императору. Стомиллионный народ должен жить единым сердцем. Это надо делать срочно, чтобы не „опоздать к последнему автобусу!“»

18 октября 1941 г. ушел в отставку третий кабинет Коноэ. Он уступил место военному кабинету генерала Тодзио – кабинету войны на Тихом океане и в Азии. После этого и до самой смерти принц Коноэ не занимал официальных постов в японском руководстве, являясь только членом верхней палаты парламента. Для того чтобы читатель лучше представил себе правящую верхушку Японии, втянувшую страну на путь кровавых авантюр, следует несколько подробнее сказать о наиболее яркой ее фигуре – Коноэ.

Принц Фумимаро Коноэ родился в 1890 г. в аристократической семье, близкой к дому Фудзивара, находившемуся в родовой связи с императорской фамилией. По линии жены он был связан с крупнейшим концерном «Сумитомо», являясь зятем главы концерна. Коноэ получил высшее светское образование в Японии и во Франции. Начиная с 1937 г. он занимал самые высокие посты в государстве: трижды пост премьер-министра, председателя Тайного совета, главы группы старейших политических деятелей – «дзюси нов». Как представитель дворцовой знати, Коноэ верно служил интересам империи, добиваясь возвышения Японии в Азии и в мире. Он был известен как один из идеологов милитаризма. Много сил Коноэ отдавал укреплению идеологических позиций Японии в «большой войне» и сплочению нации на основе монархо-фашистской политической организации. Именно при его активном участии была создана известная Ассоциация помощи трону. Будучи ярым антикоммунистом, Коноэ считал Советский Союз – первую страну социализма – главным препятствием на пути осуществления Японией ее империалистических планов.

Вместе с тем нельзя не признать, что принц Коноэ был умным, хитрым политиком, меньше других деятелей подверженным военному и политическому авантюризму. Особенно эти его качества проявились в критический период военного краха Японии. Выдвинутая им линия на раскол союзной

коалиции в немалой степени способствовала сохранению императорского строя и нашла позднее свое продолжение в годы «холодной войны».

Связанный с императорским домом и крупным капиталом Коноэ был свободнее других в выборе самостоятельного направления в политике. Образованный и тонкий дипломат Коноэ отличался от военных деятелей типа генерала Танака, – автора печально знаменитого «меморандума» 1927 г., расистских генералов Араки и Мадзаки, генерала Тодзио прежде всего умением придать грубой силе милитаризма и реакции «благопристойный» вид.

Внешне принц Коноэ оставлял довольно приятное впечатление. Это был человек чуть выше среднего роста, с благообразным лицом и выразительными глазами. Весь его облик, умение держать себя и одеваться говорили о полученном им прекрасном воспитании. В общественных местах и на дипломатических приемах Коноэ неизменно появлялся в строго официальной одежде, с напомаженными волосами. На его даче в Каруйдзава, где нам довелось жить несколько месяцев с эвакуированными семьями, он вел скромный, почти спартанский образ жизни: рано вставал, совершал прогулки по Каруйдзава, работал в саду и на огороде. Его часто можно было видеть также на теннисном корте, во время прогулки верхом или играющим в гольф. В годы войны, когда проживание в Токио из-за воздушных налетов стало небезопасным, он предпочитал отсиживаться на своей даче в Каруйдзава, принимал там время от времени знатных посетителей. По этим визитам обладателей роскошных лимузинов можно было судить о неослабевающей политической активности Коноэ. Иногда у его дома останавливался английский «роллс-ройс» с императорской эмблемой.

Близкий советник принца Коноэ по китайским проблемам Х. Одзаки, входивший, как известно в организацию Рихарда Зорге, в узком кругу говорили об умении Коноэ окружать себя нужными людьми и оказывать на них сильное влияние.

Публичные выступления Коноэ даже в парламенте были редкими. Его речь была спокойной, убедительной. К открытым и грубым выпадам против нашей страны и своих противников он старался не прибегать. Перед войной и в начале войны Коноэ являлся сторонником сближения Японии со странами Запада, тесного союза с Германией и Италией. В 1940 г. он пытался втянуть СССР в союз против Англии и США, однако тайные цели его шагов были прямо противоположными официальным заявлениям. В конце 1941 г. Коноэ выступил с возражениями против немедленной войны как с США и Англией, до

урегулирования китайской «проблемы», так и с СССР, до наступления более благоприятного момента. В конце войны Коноэ был решительным сторонником скорейшего выхода Японии из войны с наименьшими для нее потерями. Не раз он пытался вступить в контакты с государственными деятелями союзных держав; в 1941 г. – с президентом США Ф. Рузвельтом, в 1945 г. – с И. В. Сталиным. В 1945 г. после капитуляции Японии Коноэ покончил жизнь самоубийством, приняв смертельную дозу яда.

Таким был один из столпов правящей верхушки Японии – принц Фумимаро Коноэ, сыгравший далеко не последнюю роль в развязывании японской агрессии в Азии.

НАПАДЕНИЕ НА ПЁРЛ-ХАРБОР – НАЧАЛО «БОЛЬШОЙ ВОЙНЫ»

7 декабря 1941 г. в 3 часа 20 минут (по гавайскому времени) японские морские и воздушные силы без объявления войны напали на корабли американского флота в Пёрл-Харборе – военно-морской базе США, расположенной на Гавайских островах, и одновременно развернули операции в зоне Южных морей. Началась ожесточенная схватка двух сильных противников подготовленная всем ходом событий с конца XIX в.

Даже теперь, по прошествии многих лет со времени сражений на Тихом океане, когда на основе изучения подлинных документов история второй мировой войны обрела достаточную полноту и достоверность, видимо, небезынтересно взглянуть на события того времени в самой Японии глазами очевидца. Как известно, Япония начала войну на сутки раньше утвержденного срока – вместо 8 декабря утром 7 декабря. Соответствующий приказ войскам был обнародован в Японии только 9 декабря 1941 г. Все это преследовало цель ввести в заблуждение и противника, и общественное мнение.

Утром, в воскресенье, 8 декабря, жители японской столицы проснулись под звуки военного марша, передававшегося на полную мощность всеми радиостанциями Японии. Утренние газеты сообщали о том, что государственный департамент США отклонил все предложения Японии и тем самым сделал-де переговоры невозможными. Тут же, как бы между прочим, приводилось еще одно настораживающее сообщение: вчера, 7 декабря, послы императорской Японии Номура и Курусу посетили государственного секретаря США Хэлла и вручили ему ответ на ноту правительства США от 26 ноября. В ответе говорилось, что японское правительство считает невозможным соглашение с США путем переговоров, так как американские требования якобы угрожают самому существованию Японии и унижают ее достоинство.

Многое для японских читателей, да и для нас, оставалось неясным. Что же дальше? Неужели дипломаты умолкли для того, чтобы предоставить слово пушкам? Может быть, это очередной дипломатический маневр, чтобы запугать противника языком ультиматумов? Японо-американские переговоры тянулись уже много месяцев, почему именно сегодня японские газеты так решительно заговорили о бессмысленности их продолжения? Как связать внезапное прекращение переговоров с раскатами

бравурного военного марша, наполнявшими столицу в эти утренние часы?

Прибыв в посольство, мы из сообщений московского радио узнали наконец о случившемся: Япония без объявления войны утром 7 декабря напала на главные силы флота США на Гавайях и развернула наступательные операции на Юге. Война. Вот единственное объяснение всему, что происходит сейчас вокруг нас. Но тогда почему молчит официальный Токио, ничего не сообщает японская печать?

После оперативного совещания у посла мы пытались поймать сообщения по радио из Вашингтона, Сан-Франциско, на худой конец – с Филиппин или из Гонконга. Из-за мощных грозовых разрядов понять что-либо из американских передач было невозможно. Короткие сообщения дикторов все время перемежались с мелодиями джаза. Какая-то из американских радиостанций едва слышно передавала комментарии политического обозревателя Уолтера Липпмана, рассуждавшего о влиянии войн на развитие капитализма в Европе и Америке, ничего не говоря о событиях на Тихом океане. Американские и английские станции в Маниле и Гонконге передавали биржевые и коммерческие новости, чередуя их с музыкальными программами. Воистину приходилось поражаться безумному миру бизнеса и дешевой рекламы, его преступному легкомыслию даже в минуту грозной опасности.

Не ожидая особых указаний, некоторые из нас отправились в город, чтобы рассеять сомнения. Оказалось, что наряды японской полиции с утра перекрыли улицы, прилегавшие к американскому и английскому посольствам. Ворота их закрыты и надежно охраняются жандармерией, телефонная связь с посольствами прервана. Лишь в полдень на улицах Токио появились экстренные выпуски с правительственным сообщением о войне. Написано оно было тем высокопарным языком, каким, вероятно, составлялись императорские указы со времени легендарного императора Дзимму. С трудом удалось уловить главный смысл сообщения: движимый «любовью и заботой» о японской нации и народах «Великой Восточной Азии», его величество император Японии призвал народ к войне, чтобы «разорвать блокаду» Японии странами АБСД (АБСД – сокращенное обозначение Америки, Британии, Китая и Голландии).

К вечеру того же дня на центральных площадях и улицах Токио, перед дворцом императора, на перекрестке Тораномон, в парке Хибия, в районе книжных базаров Канда, возле университетов начали скапливаться толпы жителей столицы, много молодежи. Все возбуждены, в руках национальные

флажки, слышатся звуки гимна и бесконечные возгласы «банзай!». Появились первые карикатуры на Рузвельта, Черчилля и Чан Кайши. С импровизированных трибун ораторы грозились «разбить до конца» англосаксов. В националистическом угаре некоторые крикуны призывали уничтожить всех врагов Японии, упомянув среди них и Советский Союз.

Пропагандистская машина была запущена на полный ход, чтобы создать впечатление всенародной поддержки развязанной войне. В отчетах газет мелькали сообщения о выступлениях лидера националистической организации «Общество черного дракона» Мицуры Тояма, председателя Тайного совета и руководителя реакционной организации Общество государственных основ Киитиро Хиранума, премьера и лидера военной группировки генерала Хидэки Тодзио, председателя Ассоциации помощи трону генерала Нобуюки Абэ, министра Мацуока, главы концерна «Кухара» и многих других.

В демонстрациях и разного рода сборищах участвовали главным образом резервисты, студенты, лавочники, ремесленники, чиновники, муниципальные служащие. Сейчас, да и тогда тоже было известно, что японская военщина долго и тщательно готовилась к «большой войне». Тысячи коммунистов и социалистов были брошены в тюрьмы и лагеря, распущены и запрещены профсоюзы, жестоким репрессиям подверглись представители прогрессивной интеллигенции. С помощью чрезвычайных законов и террора военщина запугала неустойчивую часть населения. Тем не менее боевой дух передовых отрядов японского пролетариата не был сломлен. В большинстве своем рабочие Токио и других промышленных городов, портовые грузчики, железнодорожники не вышли на митинги и демонстрации в поддержку войны. Сдержанно встретила весть о войне интеллигенция.

Столица точно на военном положении: в городе большое скопление войск, правительственный район и императорский дворец тщательно охраняются, улицы, ведущие в рабочие районы, мосты через реку Сумида перекрыты полицией. Власти явно опасались выступлений рабочих против войны. Хотя все последние месяцы в стране нагнетался военный психоз, трудящиеся Японии не хотели дальнейшего расширения войны в Азии, тем более войны против Советского Союза.

Каждому из нас, естественно, хотелось не упустить ничего важного в развернувшихся событиях. Поэтому и дипломаты, и рядовые сотрудники старались не засиживаться в кабинетах, а как можно больше бывать в городе, чтобы видеть своими глазами происходящее. Хотелось знать отношение местного населения к

войне и к нам, советским представителям. Перед теми, кто проживал в городе на частных квартирах, остро встал вопрос о том, насколько безопасно оставаться там, не пора ли всем перебираться в посольство.

Мой сосед по городской квартире, прекрасный японовед Костя Иванов пригласил меня в тот день проехаться по окружной дороге, чтобы, как он любил выражаться, «послушать пульс» жизни простых людей Японии. Мы сели на ближайшей станции Симбаси на электричку и ездили до тех пор, пока не кончился срок годности оплаченных билетов. Было интересно наблюдать из окна вагона жизнь огромного города в первый день войны. На каждой станции часть пассажиров менялась, заполняя вагон взволнованным разноголосьем.

Публика, как никогда, возбуждена, на лицах вся гамма переживаний: от крайнего восторга до паники. У многих приподнятое настроение, они не скрывают своего ликования. Шутка ли, их маленькая страна объявила «священную войну» мировым колониальным державам – Америке и Великобритании. Неискушенных в большой политике людей поражала грандиозность замыслов военных руководителей Японии. Рядовому японцу упорно внушали, что до сих пор Япония всегда выигрывала войны. Если войну эту благословил сам император, то она непременно должна быть победной, а они, его подданные, ничего для этого не пожалеют, даже жизни. Примерно так рассуждали сидевшие по соседству пожилые японцы, видимо принявший нас за немцев – их союзников.

На станции Юракутё в вагон ввалилась новая толпа возбужденных пассажиров. Декабрьские сумерки рано наступают в Токио, и в полуосвещенном вагоне трудно сразу рассмотреть вошедших. Но все они тут же разом заговорили, и мы поняли что это дневная смена рабочих и служащих редакции газеты «Асахи», чиновники многочисленных контор, расположенных в деловом квартале Токио – Маруноут. Всех их волновало, что принесет война служащим государственных и частных учреждений, живущих на оклад в 30 иен, будут ли увольнения в торговых фирмах, связанных со странами Южных морей. Мелкий чиновный люд интересовало также введут ли карточную систему на продукты и промышленные товары, повысятся ли тарифы на проезд, будут ли брать в армию тех, у кого есть отсрочка по болезни, и из семей, в которых единственный кормилец. Мнения высказывались самые противоположные. Но все сходились на том, что экономическая блокада Японии будет прорвана и она выйдет на рынки материковых и островных стран, где много пригодной к обработке земли, где рис родится два-три раза в году, а морские

продукты добываются у самых берегов.

На станции Отяно мидзу в вагоне оказалась новая большая группа пассажиров. Судя по всем признакам, это рабочие токийского арсенала. После 12-часового трудового дня они выглядят усталыми, высказываются сдержанно. Их мысли также заняты начавшейся войной. Мы пытаемся осторожно с ними заговорить. Спрашиваем, какие первые новости с фронтов, как долго продлится война, принесет ли она дополнительные тяготы рабочим. Японцы не прочь удовлетворить нашу любознательность, им нравится хорошее знание японского языка моего коллеги. Отвечают с достоинством, не торопясь. И вдруг, как бы невзначай, встречный вопрос: «А вы кто, немцы?» Проклятый вопрос. Он всегда повергал нас в те годы в смятение, вызывая натянутость в беседе, а то и просто прерывал разговор. Я молчу, а мой коллега со свойственной ему находчивостью отвечает: нет, не немцы, скорее наоборот. Японские рабочие не сразу понимают, что значит «наоборот», что это за «антинемцы». Рабочие оживленно переговариваются, принимая нас то за французов, то за скандинавов. В конце концов мы говорим, что являемся сотрудниками советского посольства. Ни радости, ни злобы на их лицах, скорее удивление. В ответ раздается привычное: «Аа содэс ка?» («Ах, вот как») – Но атмосфера дружеского расположения уже нарушена, все умолкают. Затем один из рабочих спрашивает, как относится Советский Союз к войне Японии со странами АБСД. Вопрос даже для дипломатов не легкий. Необходимо соблюдать осторожность, иначе могут обвинить во враждебно пропаганде со всеми вытекающими последствиями. Отвечаем словами популярной тогда песни: «Нас не трогай, мы не тронем. Если тронешь, спуску не дадим: Видимо, наш ответ японцам по душе, они дружно смеются. Один из них спрашивает: а как будет дел обстоять с советским нейтралитетом в отношении Японии? Говорим, что все будет зависеть от Японии. «И от России тоже», – добавляет японец. Остальные с ним согласны. Наша короткая беседа весьма интересна. Чувствуется, что простые японцы, в том числ< и эти рабочие арсенала, против войны с Советским Союзом, даже побаиваются выступления СССР против Японии.

Домой в тот день мы вернулись поздно вечером Наша ама – японская служанка вышла с заспанным лицом и спросила, будем ли мы ужинать или успел где-либо на ходу перекусить. Ама чем-то серьезна встревожена, и мой коллега старается шутками ее расшевелить. Заодно пытаемся выяснить настроения друзей и родственников в связи с войной. Ама говорит, что японцы еще не знают: война – это хорошо для Японии или плохо. Сообщила, что

ее подруг, работавших в услужении у других иностранцев, уже вызывали в продовольственный отдел муниципалитету района Акасака и предупредили о введении карточек на рис. Сама она подумывает вернуться в деревню, где с продуктами во время войны будет легче, чем в Токио. Почувствовав, что слишком много наговорила советским «господам», ама поспешила сгладить впечатление. Она принялась уверять нас, что, если уедет в деревню, обязательно найдет нам другую, самую хорошую служанку. Нам и без нее известно, что полиция не оставит нас без «внимания».

Японские газеты вышли 9 декабря с первыми по бедными аншлагами. Центральное место занимало сообщение о разгроме главных сил американского флота на Гавайях. Японская версия о том, как началась война, более чем смехотворна. Как следовало из сообщений газет, не японский флот первым напал на американскую базу Пёрл-Харбор, а, оказывается, сами американцы спровоцировали боевые действия. Японский флот якобы проводил всего лишь маневры вблизи Гавайских островов, у американцев в это время сдали нервы, они объявили на своей базе Пёрл-Харбор боевую тревогу, чем и вынудили командующего японским Объединенным флотом адмирала Ямамото начать боевые действия, переросшие в войну. По этой-де причине война началась на сутки раньше намеченного срока, до окончания переговоров послов Номура и Курусу с государственным секретарем США Хэллом.

Японцы, приученные верить официальным сообщениям правительства и печати, поверили и этой версии. Выдумка о случайном возникновении войны на Тихом океане довольно долго передавалась из уст в уста, пока, после поражения Японии, главные военные преступники на Токийском процессе, прижатые неопровержимыми фактами, не признали своей вины в преднамеренном развязывании агрессии.

Война на Тихом океане готовилась заблаговременно, втайне от японского народа. Окончательное решение выступить против США и Англии было утверждено 5 ноября 1941 г. Задолго до нападения на Пёрл-Харбор в Токио были разработаны планы операций начального периода войны, в том числе нападение на Пёрл-Харбор, взятие Сингапура, захват Филиппин и операции КвантунсКой армии, подготавливались меры для дезинформации противника о действительных намерениях Японии. Можно сказать, что эти меры сработали безотказно и ожидаемый эффект внезапности был достигнут. Войска и штабы, предназначенные для участия в первом нападении, прежде всего ударные соединения флота, несколько месяцев вели целеустремленную

подготовку: отрабатывались планы тайного выхода главных сил в исходные для атаки районы, были созданы специальные штурмовые отряды малых подводных лодок, подготовлены смертники. В октябре подразделения Объединенного флота покинули свои постоянные базы в Йокосуке, Курэ, Сасэбо и сосредоточились севернее острова Хоккайдо, одновременно угрожая базам советского Тихоокеанского флота и находясь в готовности идти на Гавайи, где находились главные силы флота США. В конце ноября маневренное соединение Объединенного флота Японии в составе нескольких линкоров, крейсеров, океанских подводных лодок и авианосцев, на палубах которых располагалось до 400 самолетов, проследовало между южными островами Курильской гряды Кунашир и Итуруп и сосредоточилось в заливе Хитокаппу. Отсюда 26 ноября соединение направилось в район севернее Гавайских островов для атаки на главные силы флота США в Пёрл-Харборе.

Как уже говорилось, японское правительство и военное командование предусмотрели большой объем мероприятий по дезинформации своих противников Например, накануне нападения на США всемерно усиливалось напряжение на границах с СССР, через печать и подставных лиц распространялись заявления и слухи об интенсивной подготовке к войне с Советским Союзом. Это убивало двух зайцев: с одной стороны, держало в напряжении Советский Союз, вынуждая его оттягивать силы с германского фронта, а другой – вводило в заблуждение англо-американское командование. Такой оборот дела был выгоден Японии, чтобы оправдать свои обязательства перед Германией. Начало войны на Юге было ответом на все сомнения, однако вопрос о возможности вступления Японии в войну с Советским Союзом не переставав нас волновать и в последующее время.

В первые дни войны Япония упивалась своими победами над англо-американцами. Вслед за уничтожением в Пёрл-Харборе 18 крупных военных кораблей и большого числа вспомогательных судов 10 декабря воздушные и военно-морские силы Японии потопили в Сиамском заливе английские линкоры «Принц Уэльский» и «Рипалс». Ударные силы южных армии Японии под командованием маршала Тэраути, генералов Ямасита и Анами рвались к Сингапуру, Маниле и Гонконгу. Что ни день, то новые победы, именовавшиеся в печати не иначе как «эпохальные».

Однако вскоре проявились и теневые стороны войны. На наших глазах жизнь страны перестраивалась на военный лад: вводилась карточная система на рис устанавливались ограничения на электроэнергию, топливо, керосин. В течение

первой недели войны Токио и другие крупные города Японии погрузились во мрак ночного затемнения, померкли световые рекламы Гинзы, исчезло оживление возле чайных домиков и увеселительных заведений в районах Симбаси, Синдзюку, Сибуя, Асакуса и Есивара. Еще, по обычаю, открывались каждое утро многочисленные магазины и лавочки, но в них уже не шла та бойкая торговля, которая велась в довоенной Японии. Люди перестраивались на новый, военный ритм жизни, требующий много трудиться и жить впроголодь.

Через несколько дней после событий в Пёрл-Харборе до Токио дошли первые вести о победе советских войск под Москвой. Невозможно описать, насколько радостными были эти вести для нашего посольского коллектива. Каждому из нас хотелось узнать, как можно больше подробностей о героической битве на полях Подмосковья, о масштабах первого за всю войну крупного разгрома гитлеровцев. Мы верили, что победа под Москвой – это коренной поворот во всей войне. Вместе с тем каждый понимал, что еще предстоит длительная и упорная борьба, пока не будет окончательно сломлен хребет фашистскому зверю.

Всего за несколько дней до начала наступления под Москвой Хатанака, постоянный корреспондент газеты «Асахи» в Куйбышеве, где тогда временно находился иностранный персонал, сообщал в Токио, что столица СССР окружена плотным кольцом немецких танковых дивизий, что ее падение – дело ближайших дней. И вдруг такое убедительное опровержение пророчеств незадачливого газетчика. В 1943 г., возвратившись в Токио, Хатанака объяснял советским корреспондентам, что так писал о положении под Москвой в декабре 1941 г. якобы потому, что японская печать должна была способствовать победе своего народа. А еще позже, уже после поражения Японии, Хатанака, оправдываясь, ссылался на то, что в то время японский корреспондент безнаказанно писать по-другому и не мог.

Помню, как японские газеты крайне сдержанно, в нарочито туманных выражениях, причем где-то на последних страницах сообщали о наступлении советских войск под Москвой. Чувствовался вынужденный характер этих сообщений, их резкий контраст с кричащими заголовками о победах самой Японии. За годы войны мы не раз убеждались в том, что наши победы над немецкими войсками воспринимались японскими официальными кругами и прессой чуть ли не как их собственные поражения.

ПЕРВЫЙ ГОД ВОЙНЫ

Война на Тихом океане явилась составной частью второй мировой войны. Источником ее возникновения был международный империализм, усилившиеся противоречия между молодым японским хищником и старыми колониальными державами – США, Англией и Голландией. Империалистическая Япония, наиболее активно стремившаяся к переделу сфер влияния в Азии, выступила в качестве поджигателя войны на Тихом океане. Несмотря на высокую степень милитаризации и крупные успехи в первый период войны, Япония не выдержала испытаний и потерпела поражение. Это было обусловлено целым рядом причин, и прежде всего несправедливым характером самой войны.

Война на Тихом океане и в Азии значительно превосходила боевые действия на других театрах по своему географическому размаху и численности втянутого в нее населения. Уже в первую неделю она охватила огромные пространства от Аляски до Австралии и от Индии до Панамы. Более двух третей населения мира оказались вовлеченными в ее орбиту. Масштабы войны и ее бескомпромиссный характер предопределили особую напряженность боевых действий.

В последние годы за рубежом появилось много высказываний, будто Япония не была готова к «большой войне» и начала-де ее с ограниченными целями, в частности чтобы обезопасить себя от угрозы со стороны США, Англии и Советского Союза, разорвать кольцо военной и экономической блокады. Вздорность этих утверждений очевидна. На протяжении нескольких предвоенных десятилетий Япония постоянно проводила политику вооруженной экспансии. К началу войны она подготовила армию и флот, явно предназначенные не для обороны, а для агрессии. Когда начались боевые операции на Тихом океане, японский флот имел свыше 400 боевых кораблей, в том числе: линкоров – 10, авианосцев – 10, тяжелых и легких крейсеров – 40, эскадренных миноносцев – 110, подводных лодок – 70, вспомогательных судов – свыше 160 единиц. Общее водоизмещение военного флота составляло 1,5 млн. т, торгового флота – 6,4 млн. т. Кроме того, велась постройка еще около 90 военных кораблей общим тоннажем в 400 тыс. т.

Сухопутные силы Японии на 1 декабря 1941 г. насчитывали 130 дивизий и бригад общей численностью свыше 2,5 млн. человек. В боевой авиации имелось более 3 тыс. самолетов. Японские органы экономического планирования предусматривали

расширение военного производства в случае затяжной войны[12].

Эти данные опровергают утверждения буржуазных историков об «оборонительной» миссии японского империализма во второй мировой войне.

Первые легкие победы вызвали в кругах военщины н непролетарского населения городов и деревень волну шовинистических настроений. Митинги и демонстрации не прекращались ни на один день. Организаторами наиболее крупных из них выступали видные деятели монархо-фашистской Ассоциации помощи трону, руководители ультранационалистических организаций молодежи, служащих, женщин. Неоднократно в парке Хибия с речами выступал тогдашний премьер и военный министр генерал Тодзио. Он призывал к сплочению нации и принесению жертв во имя победы и императора. Перед началом выступления и по окончании он на японский манер снимал фуражку и низко раскланивался перед слушавшей его аудиторией. Речь Тодзио неизменно заканчивалась возгласами «банзай» и исполнением гимна «Кими га ё».

Через несколько дней после начала войны на площади Ёёги состоялся военный парад, который принимал сам император. В качестве гостей были приглашены военные представители дружественных Японии стран (Германии, Италии, Испании, Венгрии, Румынии и др.). Советский военный атташе от приглашения отказался. Вот как описал этот парад один из иностранных гостей.

Когда войска были построены, из прилегающей к площади бамбуковой рощи на белом коне появился император в сопровождении маршала Сугияма и свиты генерал-адъютантов. Объехав строй войск, он под возгласы «банзай» молча приветствовал сомкнутые ряды пехоты, кавалерии, конных артиллеристов, водителей бронемашин. Затем подъехал к специально сооруженной трибуне, устланной коврами с императорской эмблемой, поднялся на верхний помост, а представители армии и флота выстроились слева и справа чуть ниже императора. Военные атташе дружественных стран прибыли на плац Ёёги в парадной форме и на конях, выделенных из конюшни императорского двора. Под звуки церемониального марша, усиленно печатая шаг, проходили мимо императора верные ему войска, охрипшими голосами провозглашая: «Десять тысяч лет жизни» («банзай») «божественному императору» и «Великой Японии».

В те дни казалось, что победный военный угар охватил всю страну, отодвинув на задний план все другие события. Жизнь в

Токио проходила под несмолкаемый грохот барабанов и фанфар. Успехи на фронтах были действительно значительными, так что японской пропаганде не составляло труда заразить население победными настроениями. О победах без конца трубили газеты и радио, о них говорили в парламенте, на митингах, в поездах и на улицах. Из уст в уста передавались сообщения о сражениях на Гавайях, Филиппинах и в Малайе, всюду слышались слова «блокада», «окружение», «потопление», доселе многим неизвестные географические названия, вроде Гуам, Рабаул, Лусон, Суматра и т. д.

Японец-зеленщик, доставлявший в посольство каждое утро капусту, лук и другую зелень, считал своим долгом прежде всего сообщить нашему повару Саше об успехах «доблестных» императорских войск и лишь после этого приступал к своим прямым обязанностям. Видя недоумевающий взгляд Саши, зеленщик доставал из-за пазухи газету и пальцем тыкал в микроскопические точки, стараясь доказать, что факт захвата мало кому известных островов в океане куда важнее вовремя приготовленного обеда. В конце концов повар выходил из себя и кричал ему: «Все понял, давай быстро, быстро!»

Было похоже, что японский обыватель, осатанев от нахлынувших на него патриотических чувств и сообщений о военных успехах, перестал мыслить категориями реального. Уже в первые недели войны всюду поговаривали о предстоящей высадке японских десантов на американском и австралийском побережьях, пелись подсчеты ожидаемых трофеев в случае капитуляции Англии и Америки.

Японские власти всячески заботились о том, чтобы победы Японии произвели возможно большее впечатление на нас, советских представителей. Использовались для этого различные формы. Выше уже упоминалось, что группа советских товарищей посещала школу японского языка для иностранцев. Так вот, после начала войны преподаватель устной речи Накамура свои уроки стал сводить главным образом к заучиванию географических названий, связанных с операциями японского флота. При этом он всякий раз приговаривал: «Дипломаты должны хорошо знать японскую транскрипцию географических названий, чтобы в сообщениях своим правительствам не смешивать Токио с Киото, а Калифорнию с Каледонией». Накамура разными способами добивался от нас признания японских побед, хотел выведать нашу оценку событий на фронтах.

Заведующий токийским отделением ТАСС К. П. Самойлов, находившийся в Японии с 1941 по 1948 г., рассказывал тогда, что японское правительственное информбюро чуть ли не каждый день

приглашает всех японских и иностранных журналистов на пресс-конференции по поводу «блестящих» побед армии и флота. Телеграфные агентства Домэй цусин и Дзидзи пресс буквально завалили отделение ТАСС материалами о победах на Тихом океане. Японский телеграф в каждом посланном отделением сообщении в Москву обязательно добавляет от себя к слову «победа» эпитет «эпохальная». А вот материалы ТАСС японцы, не читая, бросают в мусорную корзину, иногда прямо в помещении отделения.

Первые месяцы войны проходили под знаком крупных успехов Японии на всех фронтах, кроме Китая. Внезапное нападение давало агрессору несомненные преимущества. К середине мая 1942 г., когда пала последняя опорная база американцев на Филиппинах – крепость Коррехидор, японские войска оккупировали уже в общей сложности территорию в 6 млн. кв. км с населением в 400 млн. человек. Флот и авиация вывели из строя 110 американских и 30 английских военных кораблей, 650 боевых самолетов. Значительные потери понесли союзники в живой силе.

Наши работники аппаратов военного и морского атташе, не доверяя хвастливым сообщениям японской пропаганды, проводили сравнительный анализ японских, американских и других источников. Полученные ими данные говорили о значительных успехах Японии в первый период войны. В ее руки попали многочисленные источники военно-промышленного сырья (нефть, каучук, олово, медь, запасы риса и т. д.) на Филиппинах, в Индокитае, Голландской Индии.

Хотя объективно первые победы японских вооруженных сил носили временный и преходящий характер, однако они порождали у руководителей Японии излишнюю самоуверенность, способствовали росту захватнических аппетитов. С овладением Филиппинами, Явой и Суматрой фактически был прорван общий фронт союзников от Австралии до Индии, что толкало японское командование на выдвижение таких стратегических задач, как овладение Австралией, оккупация Индии, окончательный вывод из войны изолированного от союзников Китая. К середине 1942 г. стратегическая инициатива полностью перешла в руки японского командования. Именно в это время и родился новый план об обороне на Юге и подготовке решающего наступления против СССР.

Весной и летом 1942 г. ставка японского командования, генеральный штаб армии и штаб флота, штаб Квантунской армии серьезно задумывались над тем, как закрепить достигнутые победы на Юге, покончить с сопротивлением Китая и

сосредоточить подавляющие силы на Севере для нанесения удара по СССР. Этому благоприятствовало то обстоятельство, что после шести месяцев войны англо-американское командование и не помышляло о контрнаступлении на Тихом океане и в Южных морях, продолжая отводить войска и оставлять территории. Не спешили они и с открытием второго фронта в Европе. Все это в значительной степени облегчало действия против Советского Союза немцам на Западе и японцам на Востоке. Хотя соотношение сил в 1942 г. было в пользу стран антигитлеровской коалиции, наступление вели страны фашистского блока. Главную тяжесть войны с агрессорами по-прежнему нес Советский Союз.

В выработке основного курса ведения войны, как и прежде, участвовали три главные силы Японии: крупнейшие концерны («Мицуи», «Мицубиси», «Сумитомо», «Ясуда», «Кухара» и др.), правящая бюрократия и военная верхушка. Каждая из групп соперничала с другими, пытаясь склонить императора к наиболее выгодному для нее решению. Изредка эти силы приходили к какому-то компромиссу. Таким, в частности, было принятое в середине 1942 г. согласованное решение о том, чтобы новых стратегических операций на Юге временно не проводить, удерживая путем активной обороны занятые районы; организовать наступление в Центральном Китае в направлении на Чунцин с целью вывода из войны режима Чан Кай-ши; активно готовиться к операциям на Севере.

Забегая вперед, можно сказать, что этот новый курс в войне японскому командованию до конца 1942 г. далеко не во всем удалось осуществить. В результате распрей между армейским и морским командованием были допущены серьезные оперативно-тактические просчеты в проведении операций флота в районе Соломоновых островов и у острова Мидуэй. Провалилась подготавливаемая длительное время операция по овладению Чунцином и окружению главных сил Чан Кай-ши с юга. И только задача по сосредоточению сил против СССР выполнялась планомерно. К 1 октября 1942 г. численность стоявшей у наших границ Квантунской армии была доведена до 1100 тыс. человек, не считая формирований, выставленных марионеточным государством Маньчжоу-го.

Одним из событий, взбудораживших всех нас, но в еще большей степени японцев, явился первый налет на Японию американских самолетов. На этой смелой операции ВВС США, организованной весной 1942 г., хочется остановиться несколько подробнее.

В середине апреля два авианосца США – «Хорнет» и «Энтерпрайз», имея на борту палубные бомбардировщики Б-25,

подошли из центральной части Тихого океана к восточным берегам Японии. Еще во время перехода от острова Мидуэй авианосцы были замечены японским дозорным судном. По его сигналу навстречу авианосцам были срочно высланы патрульные самолеты, которые, однако, не смогли их обнаружить. В свою очередь, командир авианосной группы, встревоженный появлением дозорного судна и опасаясь срыва операции, немедленно отправил отряд из 16 бомбардировщиков под командованием подполковника Дулиттла с задачей нанести внезапный удар по ряду городов Японии. Дерзкая операция удалась. Самолеты на большой высоте пересекли отделявшее их от японского побережья водное пространство, вторглись в воздушную сферу Японии и на бреющем полете совершили налет на Токио, Иокогаму, военно-морскую базу Йокосука, города Нагоя и Кобэ, после чего удалились в направлении Китая.

18 апреля, около 14 часов, во время обеденного перерыва, находясь на территории посольства, мы услышали гул авиационных моторов. Поднявшись спешно на крышу посольского здания, мы обнаружили летевшие со стороны Тихого океана на высоте 300-400 м с большой скоростью американские самолеты. Присутствовавший на крыше военно-воздушный атташе полковник М. А. Сергеечев в бинокль следил за самолетами и попутно комментировал их действия. Самолеты сбросили небольшие бомбы и обстреляли из пулеметов порт и заводы района Токио – Кавасаки. В воздух не поднялся ни один японский истребитель. Да и зенитный огонь был открыт лишь после того, как самолеты уже удалились на запад.

В тот же день вечерние газеты Токио сообщили об этом налете. Молчать, надо полагать, не имело смысла: уж слишком много было очевидцев. Сообщения газет переполняли негодование и злоба. В них утверждалось, что воздушные разбойники Америки якобы горько поплатились за дерзкое посягательство на «священную землю Ямато»: девять самолетов из двенадцати, писали газеты, нашли себе могилу. Однако вечерняя сводка радио из Сан-Франциско внесла существенные коррективы в сообщения о результатах налета. В ней указывалось, что только один из шестнадцати самолетов не вернулся на базу. Как потом стало известно, действительно один самолет Б-25 сел на аэродроме в Наньчане (Китай), который вскоре был занят японскими войсками, захватившими самолет с экипажем.

Так закончился этот сенсационный налет, изрядно взволновавший все население Японии. Военный эффект его был незначителен, он не шел ни в какое сравнение с последующими бомбардировками Токио и других городов. Это была всего лишь

разведывательная и одновременно психологическая акция американцев. Благодаря налету выяснилось, что Япония не готова к обороне от ударов с воздуха. Вскоре после описываемых событий собрался наш небольшой коллектив сотрудников посольства, и, как это было заведено, мы обменялись мнениями о первом налете. Все мы чувствовали свою беззащитность в случае возможных в будущем более крупных налетов, поэтому решили обратиться к японскому министерству иностранных дел с ходатайством об оказании содействия в постройке на территории посольства бомбоубежища.

К слову сказать, в конце 1945 г. американец Дулиттл появился в Токио уже в звании бригадного генерала. В один из дней мы сидели с ним в холле отеля «Империал» и делились воспоминаниями о событиях 18 апреля: он рассказывал об организации налета, я – о реакции на него в Японии. Дулиттл говорил, что ему неоднократно приходилось участвовать в воздушных налетах на Японию, однако первый из них (18 апреля 1942 г.) был самым волнующим. Этот налет, к удивлению американского командования, продемонстрировал, что Япония почти беззащитна перед нападениями с воздуха: наблюдение и оповещение, зенитный огонь были поставлены плохо, истребители не успели подняться на перехват американских бомбардировщиков. В результате все бомбардировщики вернулись на авиабазы в Китае.

После нашумевшего воздушного налета можно было предположить, что японское командование воспользуется своим господствующим положением на море, чтобы воспрепятствовать воздушным налетам американской авиации на собственные острова. Эта идея долго муссировалась в официальных токийских кругах, она все чаще высказывалась в прессе, в ходе парламентских дебатов.

Эти предположения скоро оправдались. Выяснилось, что японское командование уже работало над подготовкой операции «возмездия» за налет Дулиттла. Ее инициаторами были главнокомандующий Объединенным флотом адмирал Исороку Ямамото и начальник морского штаба адмирал Нагано. Точнее говоря, готовились сразу две морские операции: одна с целью захвата острова Мидуэй, вторая – Алеутского архипелага. Стратегическое положение этих объектов в центральной и северной частях Тихого океана определяло важное значение каждой из операций. Захват острова Мидуэй обеспечивал японцам значительные преимущества на случай проведения операции по овладению всеми Гавайскими островами, что создавало условия для победы в предстоящем генеральном сражении на море.

Кстати, без последнего японцы не мыслили победного окончания войны. С занятием же Алеутских островов можно было установить контроль над действиями американцев в северной части океана, нарушить коммуникации между США и СССР, крайне беспокоившие японцев в связи с готовившейся войной против Советского Союза.

Основным исполнителем операции у острова Мидуэй был выдвинут вице-адмирал Тюити Нагумо, прославившийся действиями по разгрому флота США в Пёрл-Харборе в первые часы войны на Тихом океане и уже командовавший авианосным и оперативным соединениями в Индийском океане и в Южных морях.

Несмотря на то что обе операции были заблаговременно и тщательно разработаны, вследствие плохой организации разведки и несогласованных действий соединений японские авианосцы не смогли скрытно приблизиться к атоллу Мидуэй и навязать противнику свою инициативу. Главные силы флота США вовремя почувствовали опасность, упредили японцев в развертывании и ударом авиации вывели из строя три из четырех имевшихся в том районе японских авианосцев, полностью загруженных самолетами. Кроме того, американцы потопили несколько других боевых кораблей. Японцы вышли из боя со значительными потерями.

Борьба за овладение Алеутскими островами носила более затяжной характер, но и она закончилась не в пользу Японии, хотя и оставила военным историкам поучительные примеры проведения операций в северных широтах. Через несколько месяцев после овладения базовыми островами Атту и Кыска японское командование вынуждено было их оставить с большими потерями в живой силе и технике.

Как обычно, японские военные сводки не давали объективного представления о результате боев и сражений. В них постоянно завышались собственные успехи и преуменьшались успехи противника. Чтобы правильно оценить обстановку, нужен был определенный навык, и мы скоро им овладели. Если сводка давала ясную картину боя, подробно перечисляла участвовавшие в нем части и соединения, четко называла потери свои и противника – это означало успех японской стороны. Если же сводка была составлена в туманных выражениях и приводила только потери противника, то следовало еще разобраться, на чьей стороне победа. Например, 10 июня 1942 г. были опубликованы подробности морского сражения у острова Мидуэй. В печати очень сдержанно говорилось о потерях японской стороны и преувеличенно подавались потери американцев. Тон сообщения

наводил на мысль, что сражение завершилось явно не в пользу Японии, и это подтверждалось официальными сообщениями из США. В течение всей войны американские военные сводки были более правдоподобными.

Становилось очевидным, что война на Тихом океане принимает все более затяжной характер. Хотя Япония долго и скрупулезно готовилась к этой войне, вероломно развязала ее и добилась благодаря этому определенных успехов, однако она не выиграла решающего сражения, которое бы окончательно склонило чашу весов в ее пользу и обеспечило бы победное окончание всей военной кампании.

Тогда, в середине 1942 г., все большее значение приобретали такие постоянно действующие факторы, как состояние материального производства и стратегических резервов, степень оснащенности армии и флота новыми видами боевой техники, уровень руководства операциями со стороны высших и непосредственных начальников. Япония располагала значительными людскими ресурсами и подготовленными военными кадрами, моральный дух войск был достаточно высоким. Однако она проигрывала с точки зрения экономических ресурсов и военно-материального производства. В возрастающей степени сказывалось и то, что Япония вела несправедливую войну против народов Азии. В то же время США и Англия обладали более мощным военно-экономическим потенциалом и подготовленным производственным аппаратом, быстрее создавали новое вооружение и вводили его в строй, чем это делала Япония.

Длительная самоотверженная борьба Советского Союза один на один с гитлеровской Германией позволила нашим союзникам в полной мере оправиться после Дюнкерка в Европе и Перл-Харбора на Тихом океане, развернуть в благоприятных условиях военное производство и быстро наращивать боевые силы на суше, море и в воздухе. Стойкость Советской Армии разрушила планы японского командования, замышлявшего войну против СССР в 1941-1942 гг., а позднее окончательно сорвала захватнические замыслы агрессора на Дальнем Востоке.

ЖИЗНЬ В ОБСТАНОВКЕ ВРАЖДЕБНОСТИ

Война внесла в жизнь нашего небольшого коллектива советских сотрудников и дипломатов новое содержание и новый ритм, подчинив себе все наши мысли и дела. У каждого из нас появились дополнительные служебные обязанности и повседневные заботы. Теперь трудиться приходилось куда больше, а обстановка день ото дня становилась сложнее, чем раньше.

Как работник консульского отдела посольства, я ежедневно принимал по разным вопросам советских граждан и иностранцев, занимался делами, связанными с зашитой интересов местных и командированных в Японию советских граждан, оформлял прием в гражданство СССР, согласовывал визовые вопросы и ежемесячно готовил сотни виз японским рыбакам, рабочим нефтяных и угольных предприятий на Северном Сахалине. Кроме того, на консульский отдел, в штате которого были один-два работника, всегда возлагались обязанности по нотариату и легализации, регистрации актов гражданского состояния, получению разрешений на поездки по стране, переговорам о продовольственном и промтоварном снабжении советской колонии, выколачиванию у властей горючих и смазочных материалов, отправке и эвакуации сотрудников советских учреждений и их семей. Существовала масса других поручений, которые и упомнить не представляется возможным: это обязанности по школе, по пожарной охране зданий и территории, строительство посольского бомбоубежища и многое, многое другое.

Все перечисленные обязанности обычно делились между заведующим консульским отделом и мной, а когда его не было или он отбывал по консульским делам в Китай, Корею или Маньчжурию, я становился тем незаменимым и всем нужным человеком, без которого повседневная жизнь посольского коллектива была бы немыслимой. Время от времени по поручению советского посла я также выезжал за пределы Японии, чтобы решать консульские вопросы непосредственно на месте.

Не меньше, а иногда больше, чем я, нес служебных обязанностей каждый из оставшихся в посольстве сотрудников. Особенно много работали дипломаты, занимавшие руководящие должности. Работали по многу часов в сутки, трудились самозабвенно и с большой ответственностью за порученное дело.

Тяжелая война нашего народа с немецкими захватчиками, враждебная к нам обстановка в Японии еще сильнее подстегивали каждого из нас, дисциплинировали в труде и быту. Все мы отдавали отчет в том, что нам оказано большое доверие – нести службу за рубежами нашей страны, отстаивать ее интересы, доступными нам средствами защищать Родину от происков врагов. Мы гордились этим и не щадили сил, чтобы выполнить стоящие перед нами задачи. Мы все напряженно следили за мужественной борьбой советского народа и его героической армии против злейшего врага человечества – немецкого фашизма, старались во всем быть достойными беспримерного подвига солдат на фронте.

Подходила к концу первая военная зима 1941/42 г. Несмотря на чрезвычайную занятость, перед нами, молодыми японоведами, стояла задача изучать страну, японский и английский языки, повышать свой профессиональный уровень. Каждый старался выкроить время, чтобы возможно чаще бывать в городе, узнавать последние новости. Изучавшие японский язык в свободное от служебных занятий время заходили в книжные лавочки, смотрели в кино военную хронику, иногда даже посещали театр юмористического рассказа.

Японцы любят световую рекламу, широко пользуются стенными плакатами, газетой «больших иероглифов», именуемых в Китае «дацзыбао». В годы войны часто можно было видеть, как свободные от работы японцы часами простаивали перед зданием редакции «Асахи», где световое табло сообщало последние военные новости. Иностранцы с интересом наблюдали за этой стихийно собиравшейся толпой, следили за ее реакцией на последние новости. Известия с советско-германского фронта появлялись крайне редко, однако интерес к ним всегда был огромный.

Контакты советского посольства с японскими учреждениями и частными лицами во время войны были весьма ограниченны. Японские руководители настойчиво требовали, чтобы все сношения советского посольства и консульского отдела осуществлялись только через русскую секцию министерства иностранных дел Японии. Что касается личных контактов с японцами, их не допускали японские органы безопасности.

По долгу службы мне чаще других приходилось иметь дело с японскими учреждениями и полицией. Как представитель советского посольства, я старался в таких случаях проявлять необходимые такт и терпение, не повышать голоса и не хлопать дверью, даже когда сталкивался с грубостью чиновников или когда переговоры заходили в тупик. Следуя японским

национальным обычаям, я раскланивался и уходил, а на другой день снова возвращался и поднимал интересовавшие посольство проблемы. После нескольких таких посещений некоторые вопросы удавалось решить, но многие оставались нерешенными.

В целом отношение японских официальных лиц к советским учреждениям и их представителям в первые месяцы и годы войны было недружелюбным, а иногда и прямо-таки издевательским. Замаскированная и открытая враждебность, которая стала основным элементом отношений японских властей, осложняла нашу жизнь и деятельность.

Выше упоминалось, что налеты авиации США на Японию вызвали необходимость строительства на территорий нашего посольства бомбоубежища. С ведома МИДа СССР было направлено соответствующее письмо в японский МИД. Типовой проект убежища был разработан в Москве, а прибывший в Токио инженер сделал привязку проекта к территории посольства. Руководство японского МИДа отнеслось к нашей просьбе с неодобрением, заявив, что ни одно иностранное посольство, в том числе немецкое и итальянское, с подобной просьбой к ним не обращалось. После двух-трех бесед с ответственным работником европейского отдела МИДа Японии, протекавших в обстановке открытой неприязни, нам наконец была указана строительная фирма, выделены материалы, согласованы стоимость и сроки строительства.

По договоренности убежище должны были построить к 1 января 1943 г. Однако проходили месяцы, а строительство не начиналось. Минул год после подачи нашей заявки, а дело совсем не двигалось. Под различными предлогами фирма] срывала работы: то не было нужных материалов или специалистов, то нам заявляли о несоответствии первоначального проекта и расчетов на месте. В ходе строительства неизвестно откуда появились сточные воды, обнаружился труднопроходимый каменистый пласт, возникли десятки других препятствий. В результате вместо запланированных шести месяцев убежище строилось более двух лет. Работы шли и в период, когда уже начались массовые воздушные налеты на Токио.

Перед самым окончанием строительства японские рабочие вдруг не вышли на работу. Нам объяснили, что они якобы не хотят строить убежище для посольства страны, правительство которой нелояльно к японскому народу. Было нетрудно понять, что этот саботаж организован самими официальными властями, надеявшимися таким способом оказать на нас определенное давление. Позднее от рабочих нам стало известно, что власти просто вынудили их не выходить на работу, изобразив это как

забастовку. Истинная подоплека провокации видна хотя бы из того, что с начала войны забастовки в Японии были строжайше запрещены. После первого крупного налета на Токио в ноябре 1944 г. коллективу советских сотрудников пришлось достраивать убежище своими силами.

Или вот еще один пример. В. начале 1943 г. наше посольство обратилось в японский МИД с просьбой о предоставлении надежного места для эвакуации семей работников советских учреждений в Токио. Формально это ходатайство не было отклонено, его просто отложили. Мотивируя затяжку с ответом, чиновники японского МИДа приводили в оправдание такой «веский» довод: войну на Тихом океане развязали англичане и американцы, поэтому японцы не обязаны брать на себя ответственность за безопасность советских дипломатов и членов их семей. Решение вопроса об эвакуации затянулось почти на два года. Место эвакуации дважды менялось, условия проживания там эвакуированных семей были тяжелыми, поездки туда работников посольства были сопряжены со множеством трудностей.

Одной из самых острых для нас была проблема продовольственная. Нам и членам возвратившихся в Токио семей приходилось довольствоваться продуктами, выдававшимися по карточной системе. Рестораны, столовые и закусочные в подавляющем большинстве были закрыты, а те, которые еще функционировали, обслуживали только официально прикрепленных лиц. В общепринятом смысле «черного рынка» в Токио не существовало. Если и велась нелегальная торговля, нам она была не доступна. Закупать продукты в деревне мы не могли, поскольку нам не разрешали выезжать из города за пределы 25-мильной зоны, а крестьянам запрещалось под страхом сурового наказания продавать продукты на сторону.

Сами японцы испытывали во время войны невероятные трудности с продовольствием, поэтому держать в голоде дипломатический корпус власти считали в порядке вещей. Нормы выдачи продуктов были скудными, к тому же отпускали их с большим запозданием, то и дело один продукт заменяли другим. Все мы, иностранцы, с трудом привыкали к специфическому японскому рациону. В Японии обычно вместо хлеба употребляют рис, а во время войны еще и с изрядной примесью бобов, гаоляна, чумизы, вместо круп – овощи. Японцы мало едят мяса и много продуктов моря (рыбы, осьминогов, моллюсков, крабов, морских водорослей), а недостаток в жирах покрывают соевой и другими приправами. Несколько лучше обстояло с фруктами, да и то по преимуществу в летние месяцы.

Но трудности возникали не только из-за того, что продуктов не хватало: сама система их распределения была плохой. Япония не знала государственного обеспечения продовольственными и промышленными товарами, снабжение велось через частных поставщиков, которые далеко не всегда работали четко. Поскольку иностранцев, в том числе японцев, находившихся в Москве и Куйбышеве, Советское правительство обеспечивало достаточно хорошо, мы требовали того же от японских властей. Это вызывало крайнее раздражение у чиновников, ведавших снабжением. Переговоры с японскими властями о нормальном снабжении велись с первых дней войны и до самого ее конца.

Вспоминается такой случай. Как-то консульский отдел обратился с жалобой на низкое качество поставляемого посольству мяса, так как советскому посольству по указанию японского МИДа отпускалось мясо только самого низкого сорта. Немедленно последовало разъяснение, что Япония не является животноводческой страной, поэтому мяса очень мало. Можно было сколько угодно возмущаться, но от этого ничего не менялось. В то же время немцы и итальянцы получали преимущественно высшие сорта мяса.

Чем дольше шла война, тем хуже и хуже становилось наше положение. Мы уже подумывали обратиться к советским властям с просьбой о доставке из Советского Союза самых необходимых продуктов. Нас беспокоило прежде всего то, что у нас не было запасов на чрезвычайный случай и любое новое осложнение в японо-советских отношениях грозило голодом всему коллективу посольства. Кстати, когда это и произошло в августе 1945 г., японские чиновники совершенно прекратили снабжать нас продуктами. Мы все же воздерживались от просьбы присылать нам продукты, хотя и знали, что, как ни трудно в нашей стране с продовольствием, Советское правительство изыщет все необходимое для своих дипломатов в Токио.

Недружественное отношение к нам со стороны японских властей проявлялось даже в мелочах. Так, японские органы снабжения ежемесячно выделяли персоналу посольства всего 50 кусочков японского туалетного мыла, которое мы добросовестно делили между собой. Конечно, на месяц мыла не хватало. Когда стали просить увеличить норму, то чиновник пояснил, что 10 кусочков предназначено послу, еще 10 – двум советникам, остальные 30 – для десяти дипломатов. Мы пытались доказать, что рядовые сотрудники и члены их семей тоже нуждаются в мыле, и просили это учесть при определении нормы. Чиновник снабжения только улыбался в ответ и с издевкой говорил, что мыло распределяется «по социалистическому принципу – по

важности занимаемого положения». Японское население мыла не получало совсем.

Чтобы не быть зависимым от капризов японских властей, посольство вынуждено было многое из того, что было необходимо для жизни и работы, привозить из Советского Союза: запасные части для автомашин, пишущие машинки, приемники, вентиляторы, краску для стеклографа, бумагу, чернила, ленту и многое другое. Однажды в связи с разрушением сети освещения был доставлен в Токио генератор-движок для аварийного освещения посольства. Для приема гостей время от времени привозили представительские продукты, необходимое количество винных, кондитерских и табачных изделий. В связи с таким положением перевозимый нашими дипкурьерами «дипломатический» багаж нередко достигал нескольких сот килограммов, что, естественно, вызывало у соответствующих японских властей недоумение.

6 ноября 1942 г. советское посольство по традиции устроило прием в честь 25-й годовщины Октябрьской революции. Нечего и говорить, с каким трудом мы собрали необходимый запас продуктов для угощения. Список гостей был минимальным и едва насчитывал 250 человек, включая приглашенных жен. Каково же было наше возмущение, когда в посольство вдруг прибыл сотрудник японского МИДа и без зазрения совести начал «корректировать» список приглашенных. Местных советских граждан он потребовал не приглашать вовсе. Это было грубым вмешательством в наши дела, нарушением международных правил и дипломатического протокола. Естественно, мы отклонили домогательства представителя МИДа и готовились к встрече гостей. К нашему удивлению, по разосланным нами пригласительным билетам пришли совершенно другие, неизвестные нам люди. Выставить их мы, конечно не могли, но намеченная программа праздничного приема была наполовину сорвана. Более того, явившийся в посольство старший полицейский района Адзабу «просил» пригласить на русское хлебосольство нескольких рядовых полицейских, чтобы они могли покушать и выпить русской водки. Это было типичным для поведения японских властей в годы войны.

Если в Токио и существовал какой-то статус для иностранных дипломатов, то для нас, советских людей, он всегда был максимально урезанным. Нас легко обходили во всех преимуществах, предоставлявшихся иностранным дипломатам. Зато не было конца многочисленным ограничениям и придиркам, граничащим с попыткой унизить достоинство официальных представителей Советского государства. Особенно власти

преследовали шоферов посольства.

При плохо налаженном в годы войны регулировании уличного движения в городах Японии, особенно во время затемнения, когда пешеходы и велосипедисты не соблюдали никаких правил, не обращали внимания на световые сигналы, переходили и переезжали улицы и площади в любом удобном для них месте, даже самым опытным водителям трудно было избежать дорожных происшествий. За все отвечал водитель, но особенно строго спрашивали с советских шоферов. Попала под колеса собака или кошка, наскочил на машину уставший велосипедист – тут же возникал инцидент. Полицейским составлялся протокол, немедленно отбирались права, а нередко кончалось тем, что наш водитель вынужден был покинуть страну. Короче говоря, каждом дорожном происшествии ответственность несла одна сторона – наши водители.

Формальным придиркам не было конца. Например, когда в Японию приезжал из Москвы опытный водитель 1-го класса, его обязывали на японском языке по семь-восемь раз сдавать экзамены по правилам уличного движения. Проходили месяцы командировки, а наш шофер изучал японские правила, будучи недопущенным к вождению. Сколько консульские работники посольства ни возражали против такой практики, все оставалось по-прежнему. Еще больше препятствий было для дипломатов, желавших самостоятельно пользоваться машиной. Нас, рядовых сотрудников и дипломатов, часто выручал самый обыкновенный велосипед. Особенно досадным было то, что эти унизительные исключения относились только к нам – советским представителям. Торговый представитель Г. К. Львов, человек весьма уважаемый и убеленный сединой, предпочитал ходить в городе пешком или разрешал своему водителю двигаться со скоростью 10-12 км в час.

Больше всего неприятностей нам причиняла полиция. Ее гласные и переодетые сотрудники вели себя бесцеремонно. Под видом «обеспечения мер безопасности» они допускали откровенную дискриминацию советских учреждений и их представителей. Эта дискриминация проявлялась во всем, начиная от задержания посетителей у ворот советского посольства и до демонстративного преследования наших машин и людей по всему Токио.

Казалось бы, приведенные факты слишком мелки, чтобы судить по ним о взаимоотношениях. Но ведь именно такие мелочи составляли весьма существенную часть нашего быта, наглядно показывали атмосферу недружелюбия и враждебности, в которой нам приходилось жить и работать.

В ОККУПИРОВАННОМ КИТАЕ

За годы войны мне неоднократно довелось выезжать в оккупированные японской армией районы Китая. Первой такой поездкой было посещение Шанхая.

К августу 1942 г. в консульском отделе накопилось большое количество вопросов, решить которые было удобнее и легче на месте: вопросы гражданства, защиты интересов и имущества наших людей в Шанхае. Руководство посольства приняло решение послать в Шанхай и другие города оккупированного Китая двух работников, в том числе и меня.

Путь от Токио до Шанхая слагался из двух частей: первая – поездом от Токио до порта Нагасаки, вторая – пароходом от Нагасаки до Шанхая. Сейчас этот маршрут самолетом занял бы два – два с половиной часа, а тогда требовалось пять-шесть суток, да к тому же поездка была связана с определенными опасностями для жизни пассажиров.

Расстояние до Нагасаки мы преодолели в экспрессе за 36 часов. Стоял жаркий август. От раскаленного железа вагонов и паровозной гари было нестерпимо душно. Мы везли дипломатическую почту в Шанхай, и это накладывало на нас большую ответственность, сковывало наши действия: один из нас должен был постоянно находиться у багажа.

Все напоминало о том, что Япония живет напряженной жизнью страны, вступившей в кровопролитную войну. То и дело по пути следования мелькали окутанные дымом заводы. На запад мчались эшелоны с солдатами и вооружением, им навстречу – с углем, нефтью, стройматериалами и ранеными. На каждой крупной станции наш поезд встречал и провожал наряд военных жандармов. Время от времени в купе входил проводник и закрывал окна, чтобы мы не могли видеть промышленные и военные объекты. В тамбуре непрерывно дежурили переодетые в гражданское платье полицейские агенты, которые менялись каждый раз, как только мы проезжали границу префектуры.

В Нагасаки прибыли утром, а уже во второй половине дня должны были отправиться пароходом в Шанхай. Насколько позволяли условия, мы по пути из окна машины знакомились с городом. Невольно воображение возвращало нас к временам, воспетым И. А. Гончаровым в его знаменитом «Фрегате „Паллада“», к образам из оперы «Чио Чио-сан», связанным с Нагасаки. Порт Нагасаки считался западными воротами Японии, через которые несколько веков назад пришли первые заморские купцы Голландии, Испании и Португалии, проникли в Японию

конфуцианство И буддизм.

Город и порт, Нагасаки. Август 1942 г.

Город и живописная бухта навевали на нас самые романтические воспоминания.

В отличие от других японских городов Нагасаки по своему внешнему виду был не похож на старинные японские города типа Киото, Нара или Камакура с их памятниками глубокой древней культуры и мало походил на современные города, такие, как Осака или Иокогама. Не видно было никаких храмов, никаких памятников старины, так же как и не было признаков крупного промышленного центра с многочисленными предприятиями. Основной достопримечательностью Нагасаки являлся порт с удобной стоянкой для судов, многочисленными складами, погрузочными кранами и таможней. В городе не было ни одного здания выше трех этажей, ни универмага, ни европейской гостиницы. И только при выходе из гавани мы увидели с борта парохода несколько дымящихся труб заводов да металлические переплеты судоверфей компании «Мицубиси», расположенных на противоположном берегу бухты. Несколько лет спустя, когда город, после атомной катастрофы, уже лежал в руинах, я невольно вспоминал мое первое знакомство с ним в августе 1942 г.

Когда мы покидали Нагасаки, нас предупредили, что уже несколько месяцев у японских берегов и на важнейших коммуникациях дежурят американские подводные лодки, охотясь за японскими транспортами. Надо признаться, что мы тогда не придали большого значения этому сообщению. Но как только наш

пароход покинул бухту и вышел в открытое море, один из помощников капитана собрал пассажиров в салоне и провел с ними инструктаж о пользовании спасательными средствами. Пассажиры, главным образом японские офицеры, коммерсанты и их семьи, с тревогой слушали правила поведения в случае нападения вражеских лодок. Инструктор долго и монотонно разглагольствовал о «священной войне», несколько раз повторив, что Япония обязательно победит и «принесет счастье народам Азии».

Откровенно говоря, я далеко не все понял из этой пространной и путаной беседы, поэтому ограничился тем, что выяснил, к какой шлюпке нас прикрепили и как пользоваться спасательным поясом. Мне казалось невероятным, что может произойти столкновение с американской подводной лодкой. В каюте я пересказал содержание инструктажа моему коллеге. Он не разделил моего радужного настроения. Как опытный дипломат, не раз выполнявший функции дипкурьера, он со всей строгостью напомнил, что в случае серьезной опасности дипломатическая почта и багаж должны быть спасены в любой сложной обстановке даже ценой жизни. Конечно, мой коллега был прав: шла война и благодушие было недопустимо. Мы договорились с ним о том, как в случае тревоги будем спасать дипломатический багаж: разделили его по степени важности, распределили между собой, согласовали порядок выноса, а при крайней необходимости и порядок уничтожения.

Быстро сгущались сумерки. Уже в 8 часов вечера на палубе царила кромешная тьма. Легкая зыбь с небольшими накатами волн создавала спокойную килевую качку. Глухо стучали судовые двигатели и гребной винт. Спать не хотелось. Я стоял на палубе, наслаждаясь вечерней морской прохладой. В голове проносились мысли о бушевавшей где-то далеко войне, о судьбах товарищей по институту, о семье, эвакуированной в далекий сибирский город Томск. Думалось о том, правильно ли я живу, не слишком ли благосклонна ко мне судьба. Там, на фронте, ни на один час не утихает кровавая схватка с врагом, многие мои товарищи погибли, кого-то в этот момент, может быть, ранили. А я, молодой и здоровый человек, в недалеком прошлом спортсмен, в это тяжелое для моей страны время путешествую на комфортабельном иностранном пароходе по морю. Поймут ли меня друзья, мои дети и внуки? Надышавшись свежим морским воздухом я спустился в каюту и уснул, предупредив заранее моего товарища по поездке. Пароход по-прежнему шел малой скоростью, километр за километром удаляясь от берегов Японии.

Среди ночи вдруг раздался душераздирающий вой сирены. В

одно мгновение на палубе послышались шум, крики и беготня, забили в склянки. Это было оповещение о боевой тревоге. Выглянув из каюты, я увидел бегущих к салону полураздетых японцев. Женщины с всклокоченными волосами, в кимоно без пояса, с узлами и детьми спешили туда, где готовили шлюпки к спуску на воду. В это время пароход делал крутой разворот, видимо стараясь выйти из опасной зоны.

Оставив своего товарища в каюте, я также бросился в салон. Взволнованный помощник капитана объяснял, что с всплывшей американской подводной лодки пущена торпеда, которая прошла всего в 50 м перед носом нашего корабля, не исключена повторная атака. Помощник старался говорить четким командным языком, это успокаивало собравшихся пассажиров. Обратившись ко мне, он назвал номер шлюпки, предложив сосредоточивать возле нее дипломатический багаж. В ответ на мою просьбу выделить двух человек для переноса багажа помощник что-то невнятно пробормотал и торопливо побежал по своим делам.

Когда я подошел к своей каюте, я увидел трех японцев, барабанивших в дверь. Один из них был в кителе и форменной фуражке. Оказалось, это были матросы, выделенные нам в помощь. Мой товарищ не открывал им, пока не услышал моего голоса. Он пришел в большое смятение и уже готовился к уничтожению багажа. Мы приняли решение перебраться ближе к спасательной шлюпке. Первую часть багажа матросы отнесли в сопровождении моего товарища, затем они вернулись, и мы общими усилиями доставили оставшуюся часть к месту погрузки на шлюпку.

Между тем пароход продолжал маневрировать, бросаясь из стороны в сторону. Сирена и склянки умолкли. С верхней палубы слышались отдаваемые через рупор распоряжения капитана. Пассажирам предлагалось быть наготове, стоять у спасательных шлюпок. Иностранцам, то есть нам, рекомендовалось сложить багаж в шлюпку и надеть спасательные пояса. Рупор то и дело призывал всех к спокойствию: «Ан-син кудасай!»

Прошло не более 30 минут после сигнала об опасности, а нам казалось, что тревога продолжается много часов. В половине третьего ночи наконец последовал отбой. Но вплоть до рассвета никто из пассажиров не смог сомкнуть глаз; каждый по-своему коротал эту беспокойную ночь – в каюте, на палубе или в салоне. Пароход двигался короткими зигзагами. Когда совсем уже рассвело, мы увидели на носу и корме пушки, приготовившиеся вести огонь по целям на море и в воздухе. В дневное время их закрывали брезентом.

В Шанхай мы прибыли на исходе четвертых суток. После первой тревожной ночи пароход двигался главным образом в дневное время, а ночью отстаивался в портах Кореи и Китая. Шанхайский порт встретил нас обычной деловой активностью, как будто и не было войны. Корабли разного тоннажа входили и выходили из гавани, у причалов шла разгрузка и погрузка судов. Сотни маленьких суденышек – лайб и джонок – медленно пересекали акваторию порта в разных направлениях. Под палящими лучами августовского солнца на джонках, груженных скотом, тюками хлопка, кулями соли, углем и всякой всячиной, ютились грязные китайские дети, без интереса взиравшие на суетливую жизнь порта. Китаянки в невероятно широких и грязных шароварах, казалось, из последних сил толкали загребным веслом эти джонки к противоположному берегу, чтобы доставить один груз и принять другой.

Чем ближе подходил наш пароход к причалу, тем отчетливее слышалось дыхание огромного портового города с населением, перевалившим в ту пору за 7 млн. В какофонии звуков переплетались пароходные, паровозные и автомобильные гудки, лязг и скрежет портовых кранов и якорных цепей, грохот вагонов на эстакадах. До войны я видел ленинградский и одесский порты, успел немного познакомиться с крупнейшими портами Японии, однако шанхайский порт оставил у меня особое впечатление.

До войны Шанхай считался одним из крупнейших коммерческих портов мира. Это были морские ворота Китая. В числе первых городов Китая Шанхай познал горечь войны и японской оккупации. Еще до того как вспыхнула война на Тихом океане, в Шанхае царило многовластье. Японские оккупационные власти чувствовали себя здесь господами положения, оставив муниципальным чиновникам нанкинского правительства Ван Цзин-вэя лишь право поддерживать порядок в китайских кварталах. В международном сеттльменте, на французской и английской концессиях консульские функции выполняла международная полиция. В день, когда началась Тихоокеанская война, японские оккупационные власти предъявили ультиматум, потребовав от управляющих концессиями передачи всех их полномочий, а от командиров находившихся здесь канонерских лодок союзников – сдачи в плен. На смену «режиму капитуляций» в Шанхае пришел режим японской военной оккупации с более жестокими формами угнетения китайского населения.

Еще в Токио нас предупредили, что все интересующие нас вопросы необходимо решать через посредство японского генерального консульства. Советский Союз не признавал японскую агрессию правомерным актом, а нанкинское

правительство – законным правительством китайского народа, поэтому ни посольства, ни консульства в те годы в Шанхае мы не имели. Права и интересы советских граждан защищал консульский отдел посольства СССР в Токио, присылавший время от времени своих представителей в Шанхай.

Одним из первых вопросов, с которым мы обратились к японским властям по прибытии в Шанхай, было освобождение группы советских граждан, арестованных японскими властями по нелепому обвинению в «недозволенной деятельности» в зоне действий японских войск.

В середине 1942 г. шанхайские тюрьмы оказались переполненными арестованными китайцами, а также русскими и другими иностранцами по обвинению во враждебном отношении к японским оккупационным властям на территории Китая. Когда началась война на Тихом океане, аресты приняли массовый характер. Проводились они без каких-либо прокурорских санкций, чаще всего по ложному доносу продажной агентуры, вербуемой японской разведкой и контрразведкой. Находившихся здесь советских людей арестовывали за их советское гражданство, за связь с родными в Советском Союзе, за выражение симпатий к СССР, работу в советских организациях в Шанхае, посещение Клуба советских граждан и по многим другим беспочвенным обвинениям, а иногда и без обвинений, как было принято говорить, «в превентивном порядке». Аресты имели целью запугать неустойчивых жителей Шанхая, изолировать «потенциально опасных» людей от остальной колонии, постепенно ликвидировать колонии советских граждан и русских на оккупированной территории Китая, как это практически уже было сделано в самой Японии.

В одну из ночей июля 1942 г. японская контрразведка арестовала двух командированных из Москвы советских работников, обвинив их в том, что они якобы занимались враждебной антияпонской деятельностью. Несмотря на наши решительные требования освободить арестованных или хотя бы разрешить встречу с ними, японские военные и консульские власти много дней не давали ответа, продолжая стряпать новые фальшивые обвинения. Посольство в Токио и его представители в Шанхае настойчиво добивались свидания с нашими товарищами, ставшими жертвами полицейских провокаций. Наконец свидание состоялось. То, что нам довелось увидеть, превзошло самые худшие ожидания.

Все мы слышали о японских тюрьмах и лагерях смерти, о бесчеловечном обращении с арестованными, изощренных пытках. Однако здесь было еще хуже. Шанхайские тюрьмы – это грязные

каменные казематы, лишенные воздуха и света. В камере нет ничего, кроме соломенной грязной циновки и лохани с тухлой водой. Зимой в них холодно и сыро, летом – душно. Сопровождавшие нас работники японского генерального консульства сообщили, что это самая первоклассная тюрьма в Шанхае и предназначена для политических и государственных преступников. Стало быть, подумали мы, тюрьмы для китайцев и местных граждан еще хуже. Тысячи насекомых лишали арестованных отдыха и покоя, доводя их до исступления. От параш и бочек с нечистотами, специально оставленных под окнами, воздух в камере был постоянно отравлен аммиачными парами, вызывая у арестованных сильнейшие головокружения и рвоту. Пища арестованных состояла из какого-то подобия рагу из гнилых овощей и прокисшей зеленой ботвы. Посещения и передачи родственников и знакомых были запрещены.

Обращение с арестованными отличалось необычайной жестокостью. Допросы велись грубо, с применением пыток, арестованных на них водили с завязанными глазами. Все было подчинено одному – сломить волю, любой ценой добиться признания выдвинутых обвинений. Эти и другие подробности мы узнали во время встречи с арестованными товарищами.

Перед тем как разрешить им свидание с советским консулом, заключенных долго готовили, даже лечили китайскими травами, чтобы устранить видимые следы побоев. Несмотря на перенесенные мучения, советские люди держались мужественно и стойко. При нашем появлении их первый вопрос был: «Как дела на советско-германском фронте?» В страшных тюремных застенках Шанхая советские люди твердо верили в нашу окончательную победу.

Один из арестованных при встрече не мог говорить, внутри у него все хрипело и клокотало. Оказалось, его били мешками с песком, повредив при этом легкие и почки, хотя внешних признаков и не было видно. Он мог объясняться с нами лишь жестами и мимикой.

Молодая советская женщина по имени Люда, в прошлом активная общественница Клуба советских граждан в Шанхае держалась на беседе неуверенно, то и дело плакала. Выяснилось, что к ней наряду с физическими применяли и психологические истязания. В камеру подсадили фанатичную монашку, которая старалась приобщить ее к христианской вере: заставляла по нескольку раз в сутки молиться, читать вслух Евангелие и т. д. Если девушка отказывалась, ее лишали пищи, воды, возобновляли истязания. Забегая вперед, скажу, что на встрече с консулом в 1943 г. она вошла в комнату свиданий, крестясь и целуя

Евангелие. Она торопилась окончить встречу, чтобы скорее исповедаться в своих «грехах». Мы предполагали, и это подтвердили наши врачи: организм молодой женщины не выдержал насилия, разум ее помутился.

После свиданий с нашими людьми в тюрьмах мы заявили решительный протест против бесчеловечного отношения к заключенным, потребовали кардинально улучшить условия их содержания, предупредив о том, что в противном случае аналогичные меры будут приняты против японских дипломатов.

Расставаясь, мы заверили наших товарищей, что они скоро будут вызволены из японской неволи. Они же в ответ говорили нам: «Вы не беспокойтесь, товарищ консул, мы перенесем все пытки. Пусть Красная Армия скорее разгромит фашистов й накажет японских палачей за надругательства над советскими людьми в Шанхае». Однако прошли долгие месяцы и годы, пока нам удалось добиться освобождения советских людей из шанхайских тюрем. Сложность положения усугублялась тем, что на этой части территории Китая номинально существовал марионеточный режим Ван Цзин-вэя, не признанный Советским правительством. Поэтому, хотя японская военная администрация обладала неограниченной властью, она при всяком удобном случае сваливала ответственность за беззакония в Шанхае на ванцзинвэейцев, уклоняясь таким образом от выполнения наших требований. Правовых вопросов в Шанхае накопилось так много, что пришлось ими заниматься много дней. Вот еще один случай.

Во время военных операций в декабре 1941 г. японские войска захватили семь или восемь советских грузовых судов, оказавшихся в то время в Гонконге. Советское пароходство через судовой арбитраж добивалось возврата этих судов в советские порты. Японские военные власти решительно отказывались это сделать. Они уже конфисковали грузы и готовились передать наши суда своему военному ведомству. В этих условиях советское пароходство во Владивостоке с разрешения правительства отдало указание капитанам затопить суда и обеспечить возвращение команд вместе с документацией и снятым оборудованием через Шанхай во Владивосток. Выполнившие это указание советские моряки оказались в Шанхае в августе 1942 г. Их было около 70 человек, в том числе и несколько женщин. Нам предстояло сделать все необходимое, чтобы не допустить в отношении их незаконных действий со стороны властей Шанхая.

Старший группы рассказал, что, заняв 25 декабря 1941 г. Гонконг, японские власти вели себя крайне нагло. В одностороннем порядке они отменили действие международных законов о мореплавании, превратили Гонконг из международного

коммерческого порта в базу своего военно-морского флота. Были созданы непреодолимые препятствия для судоходства нейтральных государств, в том числе и СССР.

На протяжении многих лет Гонконг был перевалочной базой советских торговых и транспортных судов, местом их ремонта и дозаправки углем, водой, продовольствием. Японская военная администрация Гонконга целиком подчинила работу порта потребностям войны, до предела усложнила формальности при заходе и базировании иностранных судов. Не ограничиваясь этим, японские власти стали задерживать такие суда, намереваясь передать их своим военным властям. Поставленные для ремонта корабли несколько месяцев не ремонтировались и теряли свои ходовые качества. По существу, это была не объявленная морская война Японии против нейтральных государств.

Старший группы рассказал также о многочисленных кознях японских властей в Гонконге с целью разложить команды, создать помехи к их возвращению в СССР.

В Шанхае эти неблаговидные действия продолжились. Японские эмиграционные власти, несмотря на десятки конфискованных ими у англичан и французов первоклассных гостиниц, предложили морякам разместиться на советском грузовом судне, где не было запасов продуктов и воды, чтобы потом перевести это судно в какой-либо захудалый китайский порт, где к тому же нет консульского надзора. После нашего протеста их пытались поселить в ночлежках, для бездомных бродяг или в грязной китайскую гостиницу «Ковда», причем за весьма высокую плату. Чтобы сделать моряков более сговорчивыми, хозяин гостиницы организовал хищение нескольких чемоданов с судовыми документами и казенным имуществом.

Старший группы несколько растерялся, не зная, как действовать, чтобы найти украденные документы и имущество, за которые он отвечал перед пароходством. Не теряя времени, мы потребовали встречи с японским генеральным консулом Хориути и в самых решительных выражениях настаивали на принятии мер к возврату похищенного багажа. Однако поведение японского консула во время встречи не оставило никаких сомнений в том, что издевательское отношение к советским морякам и хищение их багажа были санкционированы соответствующими японскими властями.

Наконец документы и имущество были возвращены старшему группы. Мы уже готовились посадить моряков на пароход, идущий во Владивосток, как возникла новая неприятность: два молодых матроса вышли из гостиницы, чтобы сделать перед

дорогой самые необходимые закупки, и, не зная ни языка, ни города, не успели возвратиться до наступления темноты, когда начинал действовать комендантский час. Во всем Шанхае с этого момента прекращалось трамвайное и автобусное движение (такси во время войны не было), разводились мосты, движение по городу разрешалось только по пропускам. Как выяснилось, моряков задержали уличные патрули, передавшие их муниципальной полиции.

На следующий день с утра велись энергичные поиски пропавших. Конечно, их не сразу удалось найти, а старший группы без них ни за что не хотел покидать Шанхай. В ответ на наши требования немедленно выдать советских моряков местные власти и консульские чиновники отвечали одно и то же: ничего не знаем. Наконец из японского консульства сообщили, что матросы якобы обратились в шанхайскую полицию с просьбой предоставить им «политическое убежище», так как они не хотят возвращаться в СССР, боясь наказания за потопление кораблей в Гонконге. Конечно, все это оказалось чистейшей выдумкой, обычной полицейской провокацией. Только через двое суток, за несколько часов до выхода парохода из Шанхая, моряков удалось освободить и отправить во Владивосток.

И в первое и в последующие посещения Шанхая, выполняя здесь консульские функции, мне не раз довелось решать вопросы, связанные с эмигрантами. О жизни русских эмигрантов написано немало. Тем не менее тема эмиграции и поныне до конца не исчерпана. Она привлекает трагичностью судеб русских людей, оказавшихся в силу невиданных исторических потрясений, а подчас просто из-за душевной слабости и недальновидности в тисках экономического и духовного рабства во Франции, Турции, США, Канаде и Китае.

Прежде чем начать рассказ о русских эмигрантах в Шанхае, хочу внести ясность в понятия «местный советский гражданин», «русский эмигрант» и «белый эмигрант».[ч]

Те из постоянно проживающих за пределами СССР русских, кто хотел порвать с эмиграцией и стать советским гражданином, а со временем и возвратиться в СССР, оформляли через советские консульства за границей ходатайства на получение гражданства СССР. В случае удовлетворения их ходатайств они становились *местными советскими гражданами* и получали вид на жительство – советское заграничное свидетельство (совзагранвид). На эту категорию граждан распространялись законы Советского государства о гражданстве (консульская защита, помощь в трудоустройстве, право на регистрацию актов гражданского состояния и даже право на въезд в СССР по особому

ходатайству). Однако местные советские граждане в правовом отношении отличались от *командированных советских граждан,* посланных за границу советскими учреждениями в качестве официальных представителей и имеющих на руках дипломатические или служебные паспорта.

Прием в советское гражданство и выдача разрешений на въезд в СССР проводились консульствами со всей тщательностью и в исключительно индивидуальном порядке. Гражданство и разрешение на въезд предоставлялись лишь тем русским, кто не занимался враждебной деятельностью против нашей страны, вел честный и трудовой образ жизни. За сокрытие прошлой враждебной деятельности и недостойное поведение существовала такая мера наказания, как исключение из советского гражданства. Правом принимать окончательное решение о приеме и исключении обладал лишь Президиум Верховного Совета СССР. В те годы в советское гражданство принималось достаточно много русских, тогда как правом на въезд в СССР пользовались далеко не все местные советские граждане.

Местные советские граждане в оккупированном Китае состояли на учете в консульском отделе посольства в Токио и поддерживали с ним постоянную связь по почте или путем личного посещения консульства и встреч с консульскими работниками во время приездов последних в Шанхай. В зависимости от имущественного положения местные советские граждане уплачивали консульские сборы.

В отличие от местных советских граждан все остальные русские эмигранты в Шанхае являлись лицами без гражданства и делились, в свою очередь, на *возбудивших ходатайство на получение советского гражданства* (они имели на руках справку о принятых от них ходатайствах от консульского отдела) и *белых эмигрантов*. Первых было значительно больше (более 15 тыс. человек), многие из них состояли членами Клуба советских граждан, помогали в годы войны фронту различными пожертвованиями в виде денег, теплых вещей, медикаментов. Что касается белых эмигрантов, в прошлом участвовавших в борьбе с Советской властью на стороне белых генералов, то они и в эмиграции, как правило, продолжали вести враждебную деятельность против СССР, являлись опорой и резервом японской военщины на случай агрессии против Советского Союза.

Русская эмиграция в Китае была сосредоточена до второй мировой войны главным образом в Харбине, Шанхае, Дальнем, Тяньцзине и Ханькоу. К 1940 г. в Харбине, например, насчитывалось около 100 тыс. русских, в Шанхае – более 20 тыс.

Еще до войны началось размежевание в кругах русской

эмиграции, усилились стремление понять смысл происходившего в Советском Союзе, тяга к Родине. С первых дней Великой Отечественной войны распад русской эмиграции еще более активизировался, разрушался ее основной антисоветский костяк. Только небольшая часть русских эмигрантов в Шанхае не примкнула ни к одному берегу, оставаясь «болотом» космополитического Шанхая, погрязшим в нравственном и бытовом разложении.

В годы войны колония местных советских граждан в Шанхае была внушительным коллективом, насчитывавшим более 2 тыс. человек. Посольство и консульство вели большую работу в защиту их прав, оказывали различную помощь материального и морального порядка, помогали в части трудоустройства. Большую работу проводил Клуб советских граждан в Шанхае, куда принимали не только местных советских граждан, но и тех, кто ходатайствовал о приеме в советское гражданство. В клубе насчитывалось более 6 тыс. членов, действовали комиссии, советы и кружки, занимавшиеся социальными вопросами, русским языком и русской культурой, профессиональным образованием. На сцене клуба ставились пьесы советских драматургов, демонстрировались советские кинокартины. Особенно велика была тяга к клубу у молодежи. Члены клуба вели переписку с московскими писателями и композиторами.

Большая воспитательная работа давала положительные результаты. Она оплачивала советскую колонию, помогала противостоять разлагающему влиянию черносотенной части эмиграции, притеснениям японских и китайских властей, укрепляла патриотический дух и симпатии русских людей к советской Родине. Советские граждане и многие русские, еще не принявшие гражданства, жили интересами нашей страны, разоблачали ложь и клевету о Советском Союзе.

Деятельность советской колонии и наших заграничных учреждений способствовала разложению белой эмиграции, отрыву наиболее зрелой части молодежи от белогвардейских главарей, ее переходу в советское гражданство. Немаловажную роль в этом отношении сыграло такое событие, как выезд из Шанхая в Москву замечательного русского артиста и певца А. Н. Вертинского, хорошо известного в нашей стране и за ее пределами по концертным выступлениям и кинофильмам.

В 1938-1941 гг. в период разгула антисоветчины в Китае, когда в Шанхае и других оккупированных городах были закрыты советские консульства, А. Н. Вертинский потерял связи с советскими заграничными учреждениями, перестал уплачивать консульские сборы и даже вернул совзагранвид посольству в

Токио. Короче говоря, он утратил советское гражданство, хотя формального решения на этот счет наши высшие инстанции не принимали. Однако существенное значение имело то обстоятельство, что Вертинский никогда не был антисоветчиком, с огромной теплотой и душевностью он воспевал Россию и русского человека.

Война нашей Родины с гитлеровской Германией вызвала прилив патриотических чувств у всех русских людей, и А. Н. Вертинский не составлял исключения. Он вновь стал тянуться к нам: встречался с представителями посольства и консульства, обратился с ходатайством о восстановлении гражданства, выступал в Клубе советских граждан. Его концерты посвящались России и ее героическому народу. В 1942 г. А. Н. Вертинский создал музыкальную балладу о Степане Разине. Его песню «О нас и о Родине» слушали, затаив дыхание во время ее исполнения.

В личных беседах Александр Николаевич часто говорил о героической судьбе Советской России, вспоминал студенческие годы в Киеве, много рассказывал о дружбе с Ф. И. Шаляпиным, о встречах с ним в Париже и во время его приезда в 1936 г. в Шанхай и Харбин. Иногда он расспрашивал нас о своих сверстниках по гимназии К. Паустовском, М. Булгакове, Б. Ромашове и др. При этом невыразимая тоска отражалась в его глазах. Однажды он сказал, что выезд из России был самой большой ошибкой всей его жизни. И тут же добавил: «Александр Вертинский всегда был вольным и гордым певцом России. Да вот эмигрантщина засосала». На мой вопрос, почему бы не начать все снова – восстановить советское гражданство и поехать к себе домой, Вертинский ответил, что теперь ему не вырваться из Шанхая, японцы не выпустят. И надо сказать, что для таких опасений у А. Н. Вертинского имелись достаточные основания.

Со времени интервенции 1918-1922 гг. японские империалисты использовали белогвардейские банды на Дальнем Востоке как ударную контрреволюционную силу в борьбе с Советской властью. Они всячески поддерживали очаги белой эмиграции в Маньчжурии и Восточном Китае, вербуя среди ее монархической и черносотенной части свою агентуру. Атаманы Семенов, Калмыков, барон Унгерн, монархист Радзиевский, настоятель русского собора в Харбине Иоанн и многие другие «белые вожди» находились на содержании японцев. Вынашивая агрессивные планы в отношении нашей страны, японские военные круги сохраняли русские эмигрантские организации, вроде Союза русских офицеров, поддерживали в них дух антисоветизма, ненависть к СССР.

Позднее, когда среди белой эмиграции произошло заметное

расслоение, стали рушиться надежды на восстановление монархических порядков в России, постепенно вымирали бежавшие из Сибири главари белых банд, выросло новое поколение русских эмигрантов, японское эмиграционное бюро с целью сохранения ядра русской эмиграции пыталось вовлечь в число ее руководителей таких влиятельных представителей шанхайской интеллигенции, как А. Н. Вертинский, редактор местной газеты «Новая жизнь» В. Чиликин и др. Японские власти делали все, чтобы помешать эмигрантам вернуться на Родину. Их преследовали, обливали грязью, спекулировали на их прошлых колебаниях, угрожали расправой, лишали работы, запрещали переписку с советским консульством и т. д. Всеми способами стремились настолько скомпрометировать этих людей, чтобы их возвращение в Советский Союз стало делом безнадежным. Последним шагом со стороны японских эмиграционных властей было издание циркуляра, запрещавшего проживание в оккупированной зоне лиц без гражданства. Большой группе русских эмигрантов, в том числе и А. Н. Вертинскому предстояло покинуть Шанхай.

Во время нашего пребывания в Шанхае осенью 1942 г. и в последующие приезды пришлось немало потрудиться, чтобы оградить А. Н. Вертинского от притеснений японских властей. Одной из действенных мер было восстановление его в советском гражданстве и выдача советских паспортов ему и его семье. Уже в разгар Великой Отечественной войны А. Н. Вертинский был непреклонен в своем решении окончательно порвать с русской эмиграцией и как можно скорее уехать в СССР. Однако лишь в середине 1944 г. советскому посольству удалось вызволцть А. Н. Вертинского из японской неволи и обеспечить его благополучное возвращение в Советский Союз.

Режим японской оккупации в отношении местного населения – китайцев, корейцев, монголов, филиппинцев, малайцев и других национальностей – был чудовищно жестоким. Не лучше было и положение русских, особенно в менее крупных городах, чем Шанхай, таких, как Ханькоу, Тяньцзинь, Циндао, где отсутствовала постоянная консульская защита. Оккупационные власти чинили над русскими суд и расправу, насильственно заставляли говорить на японском языке, ограничивали в приеме на работу, свободе передвижения по городу, выборе места жительства, лишали права на почтовую переписку и т. д. Приведу один из примеров.

Летом 1943 г., в разгар войны в Азии, в Шанхае состоялись так называемые «Азиатские олимпийские игры» по боксу, борьбе и теннису. Японские правящие круги хотели продемонстрировать

азиатским народам свое «высочайшее покровительство». Поэтому для участия в играх в Шанхай прибыли национальные команды с Филиппин, из Индокитая, Гонконга и Малайи. Оккупированный Китай, видимо, не смог выставить своей команды, и потому решили составить «китайскую» команду из эмигрантов. Фаворитами игр были, естественно, японцы.

Помню, как-то пришел в консульство на прием русский по фамилии Левченко, ходатайствовавший о принятии его в советское гражданство. Робко вошел в комнату, застенчиво остановился у двери. Вид не внушительный, небольшого роста, одет плохо. Я пригласил его сесть и повел обычную беседу о целях принятия гражданства, о порядке оформления ходатайства. Это была первая встреча с Левченко, я больше задавал вопросы, а он неторопливо отвечал. На вопрос, какую имеет специальность и чем собирается заниматься в СССР, он ответил, что имеет несколько специальностей, но хотел бы заниматься боксом. Меня это удивило, я принялся его подробно расспрашивать.

Оказалось, что Левченко привезли родители из Сибири в 1924 г. еще маленьким мальчиком. Вскоре отец, а затем и мать умерли от голода. Учиться по-настоящему ему не довелось, так как с десяти лет пришлось работать за кусок хлеба. Служил при магазине одного русского купца разносчиком, работал упаковщиком, газетчиком, поваренком, чистильщиком, сторожем, почтальоном, носильщиком, грузчиком, в последнее время – водолазом по очистке фарватера реки Вампу. Несколько лет тому назад Левченко увлекся боксом и успешно выступал на любительском ринге. Когда разговор зашел о боксе, Левченко спросил, можно ли ему принять участие в «Азиатских олимпийских играх», куда его уже пригласил шанхайский муниципалитет. Я ответил: почему же нет, если способен драться?

Вскоре в Шанхае состоялись заключительные встречи игр, в том числе и по боксу. Пригласили на них в качестве зрителей и нас, советских дипломатов, усадив на почетные места неподалеку от японского генерального консула Хориути. В финальной встрече участвовали чемпион Японии Омура и наш Георгий Левченко. Японец был значительно крупнее Левченко. Держался самоуверенно, поскольку считался фаворитом.

Бой продолжался десять раундов. В течение восьми раундов Омура беспощадно избивал Левченко, не раз загоняя его в угол ринга. Русские в зале пытались возгласами подбодрить нашего боксера, но это, видимо, мало ему помогало. Хориути торжествовал, а мы с коллегой чувствовали себя, честно говоря, скверно, как будто вместе с Левченко избивали и нас. Но уже в

ходе девятого раунда зрители стали замечать, что Левченко еще не намерен сдаваться. Последний раунд Омура, по всей вероятности, собирался завершить одним сильным ударом. Но вдруг во время очередной атаки японского боксера Левченко нанес ему сильнейший боковой удар. Омура рухнул вниз лицом, разбросав в стороны руки и ноги. На счет рефери он не реагировал. Нокаут Георгия Левченко объявили победителем. Я взглянул на Хориути: он был мрачнее тучи. Видно, самолюбивый дипломат никак не ожидал такого конца поединка. Воспользовавшись паузой в состязаниях, мы попрощались с организаторами спортивных состязаний, отметив, что это был бой достойных противников.

Левченко не раз потом приходил в советское консульство. Он никогда не жаловался. Работу водолаза он потерял, другой найти не мог. Как только узнавали, что это он публично побил японского чемпиона, ему везде отказывали, намекая на то, что он хороший боксер, но плохой дипломат. Советское консульство энергично ходатайствовало о приеме Левченко в гражданство СССР, старалось помочь ему устроиться на работу в Клубе советских граждан.

После войны я случайно оказался на встрече по боксу в Хабаровске. Среди участников встречи мне было приятно увидеть и мастера спорта Георгия Левченко, успешно выступившего и на этот раз. Сейчас он работает тренером по боксу в Днепродзержинске.

Особенно тяжелому гнету японских оккупантов подвергалось китайское население. Ему запрещалось проживать в центральных кварталах городов, где размещались японские штабы и административные органы, пользоваться общим с японцами транспортом, появляться в общественных местах. Это, естественно, не распространялось на местную буржуазию, помещиков, торговцев, ростовщиков, настоятелей буддийских храмов, которые в большинстве своем сотрудничали с оккупантами.

В день приезда в Шанхай я был поражен, увидев следующую картину. Проходивший возле консульства трамвай остановился перед мостом, все ехавшие в нем китайцы вышли, прошли пешком через мост, отдавая поклон японскому солдату, охранявшему мост, затем снова догнали трамвай и поехали дальше. Китайским рикшам вообще запрещалось проезжать по охраняемым мостам, провозить пассажиров мимо японских штабов, собираться группами на улицах и площадях.

В Шанхае мы столкнулись с крайне тяжелым продовольственным положением населения. Оккупационные и

муниципальные власти не позаботились обеспечить население китайских районов даже минимальным количеством самых необходимых продуктов. В китайской деревне забирали все до последнего зернышка из скудного урожая, не оставляя жителям припасов даже для голодного существования. Помещики же использовали тяжелое продовольственное положение для спекулятивных махинаций на «черном рынке».

Повсюду свирепствовали голод и массовые заболевания. В несколько раз выросла смертность в Шанхае и других крупных городах Китая. Ежедневно на улицах подбирали сотни трупов китайцев и эмигрантов, умерших с голоду. Нередко можно было видеть, как молодой рикша, из последних сил тащивший коляску, обессиленный падал на раскаленный асфальт и тут же умирал.

Как представитель консульства, я обязан был знакомиться с социальными условиями в подведомственном округе, встречаться с чиновниками муниципальных органов, посещать районы проживания местных советских граждан и русских эмигрантов. В условиях Шанхая это не всегда удавалось. Посещение китайских кварталов было небезопасным, так как то и дело обнаруживались случаи заболевания чумой и холерой. «Заболевший» квартал обносился колючей проволокой, вход и выход из него запрещался. Однако болезни не знали границ и санитарных кордонов. Голод, недостаток пресной воды, скверное состояние гигиены жилищ нередко приводили к вымиранию целых районов города.

Тяжелые социальные и экономические условия жизни в Шанхае были характерны для всей оккупированной зоны Китая. Промышленность этой зоны целиком была занята обслуживанием оккупационной японской армии, большая часть производимой здесь продукции вывозилась в Японию. Местное китайское население подвергалось неслыханной эксплуатации. Катастрофические размеры принял выпуск обесцененных бумажных денег; себестоимость денежных знаков превышала их нарицательную стоимость. Курс оккупационного юаня иной раз менялся до шести раз в сутки. Проезд в трамвае, на рикше и на извозчике стоил баснословно дорого. Автомобилями пользовались лишь японские штабы да отдельные частные лица из числа китайских богачей.

Гнет оккупационных властей явился одной из основных причин значительного роста в оккупированных странах национально-освободительного движения против японского господства. Наблюдения в захваченных китайских городах и Гонконге позволили мне наглядно представить себе всю беспредельную лживость утверждений пропаганды об «освободительной» миссия японской армии в Азии. Такую же

участь, кстати сказать, японские милитаристы готовили и народам Советского Союза.

* * *

В конце каждой командировки, продолжавшейся обычно несколько месяцев, последние дни пребывания в Шанхае становились особенно тяжелыми. Ежедневный прием советских граждан и лиц, ходатайствовавших о приеме в гражданство СССР и разрешении на въезд, обычно продолжались с 8 часов утра и до позднего вечера, масса текущих дел, связанных с защитой прав и интересов советских граждан, наконец, отсутствие регулярного отдыха окончательно выматывали силы. Удручало то, что мало удавалось сделать для решения коренных проблем жизни советской колонии. Дальнейшее пребывание в Шанхае становилось тягостным. Как ни странно, снова тянуло в Токио – этот бурлящий событиями центр воюющей империи, одолевала тоска по родному посольскому коллективу с его жизнью, полной волнений и тревог. В конце концов приходило желанное разрешение на выезд.

Накануне отъезда вся колония командированных советских граждан собиралась в здании консульства на квартире управляющего зданием. Его милая жена Надя готовила, казалось, самый вкусный обед, который всегда проходил с какой-то неповторимой грустинкой и именовался «прощальным». Вспоминали Москву и друзей, поднимали чарку красного «никоновского» из бутыли, присланной в дар хозяйкой винокурни, за скорую и непременную победу над фашистами и, как клятву, пели: «Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой!»

Перед отходом парохода из шанхайского порта все советские товарищи собирались у причала. Мы обещали не оставлять в беде «шанхайцев» и приезжать сюда снова. А они долго прощальными взмахами рук провожали нас. Мужчины, как им и положено, держались стойко и даже с некоторой бравадой, женщины утирали слезы.

Проводы – хорошая традиция советских людей, на чужбине особенно волнующая и грустная.

СНОВА В ЦАРСТВЕ ЯПОНСКОГО ДРАКОНА»

Как обычно, по возвращении из поездки за пределы Японии наступал период докладов и отчетов. Наркомат получал подробную информацию о положении советских граждан в оккупированном Китае. Посольство делало письменное представление в японский МИД о незаконных действиях японских властей в Шанхае. Кроме того, следовали неоднократные устные заявления по тому или другому вопросу в беседах на различных уровнях. Я же вновь, как правило, приступал к выполнению моих непосредственных консульских, обязанностей.

Наступил новый, 1943 год, который принес нам, советским людям, много радости. Коллектив посольства был преисполнен оптимизма и прекрасного настроения. Победа Красной Армии под Сталинградом означала перелом в войне с фашизмом, открывала благоприятные перспективы для нашей страны, для всей антигитлеровской коалиции. Как тогда мы говорили: после Сталинграда легче дышалось, легче работалось.

В Токио весть о победе на Волге стала поистине ошеломляющей сенсацией. Дело в том, что японская информационная служба, желая угодить немецким союзникам, не раз во всеуслышание заявляла о падении Сталинграда. Выход немцев летом и осенью 1942 г. к Волге преподносился японской пропагандой как выдающаяся победа немецкого оружия. В правительственных кругах верили, что настал час окончательного поражения Советского Союза, с чем, как известно, японские милитаристы связывали свои планы войны против СССР. Вспоминается, как на приеме в советском посольстве 7 ноября 1942 г. японские дипломаты и корреспонденты не без ехидства интересовались, каких жертв стоило русским удержание клочка земли на берегу Волги. Откровенное злорадство и лицемерное сочувствие сквозили в вопросе: «Зачем дальнейшее упорство, если война уже проиграна?»

Сообщение Совинформбюро от 22 ноября о контрнаступлении советских войск и окружении под Сталин градом 300-тысячной армии фельдмаршала Паулюса прозвучало как гром среди ясного неба, вызвало огромный резонанс во всей Японии, не оставив безучастным никого. Японские правящие круги и военщина бесновались от злобы. Печать и радио поначалу прибегли к тактике замалчивания нашей победы под Сталинградом: скрывали размеры немецкой катастрофы,

объявили слухи о Сталинграде «опасными мыслями». И все-таки правда о битве на Волге, несмотря на ухищрения военной цензуры, в сравнительно короткое время стала достоянием широких слоев населения, постепенно распространившись в действующей армии и флоте. В немецкой колонии в Токио, так же как и во всей Германии, был объявлен трехдневный траур.

Из победы под Сталинградом мы, работники посольства, сделали для себя два важных вывода: первый – перелом в войне на восточном фронте, происшедший после Сталинграда, может повлечь за собой перелом и в войне на Тихом океане, облегчит переход наших союзников от обороны к наступлению; второй – урок Сталинграда не пройдет даром для японского командования, заставит его, хотя бы временно, воздержаться от выступления против СССР. Дальнейшее показало, что эти предположения были правильными. Сталинградская победа вызвала раскол в лагере фашистских государств, породила новую грызню в японском руководстве и военном командовании.

Те, кто подготовил и развязал в 1941 г. войну на Тихом океане и в Южных морях, считали, что Сталинград оправдал их выбор, подтвердил правильность их позиции. Совершенно иной точки зрения придерживались сторонники немедленной в 1941 и 1942 гг. войны на Севере; они утверждали, что после Сталинграда шанс легкой победы над Советским Союзом утрачен, а нового такого шанса может и не быть. К ним относились: министр иностранных дел Мацуока, бывший премьер Хирота, генералы Умэдзу, Итагаки.

Однако провал военных планов Германии под Сталинградом был не единственной и даже, вероятно, не главной причиной борьбы в японском руководстве на рубеже 1942-1943 гг. Истинные причины лежали значительно глубже, и в них следовало каждому из нас обстоятельно разобраться. Мои товарищи по посольству последние месяцы безвыездно находились в Токио, внимательно следили за происходившими здесь событиями и прессой, а потому и лучше ориентировались в новой военно-политической обстановке. Наше общее мнение сводилось к тому, что «молниеносная война» и у немцев и у японцев провалилась. В более конкретных оценках мы иногда расходились. Одни, например, полагали, что именно обстановка на фронте, прежде всего на Тихом океане и в Китае, вызывала повышенную нервозность японского руководства. Другие, не возражая против этого, основной причиной считали неблагоприятную для Японии международную обстановку, которая в конечном счете и решит исход войны. Ахиллесовой пятой военной машины Японии все мы считали катастрофически ухудшавшееся внутреннее положение

страны, которое наблюдали своими глазами.

Вернувшись в Японию, я снова окунулся в водоворот событий и скоро понял, что тысячу раз были правы руководители Наркоминдела, которые требовали от нас, молодых дипломатов, неустанного труда, чтобы научиться видеть за лежавшими на поверхности событиями и незначительными фактами глубинные процессы и подводные течения, определявшие сложный и противоречивый климат военной Японии. За два года моей командировки в Японию около шести месяцев я потратил на поездки в Китай, Корею, Маньчжурию и Владивосток. Меня постоянно преследовало чувство неудовлетворенности. Несмотря на 15-16 часов ежедневного труда (работа в консульстве, поездки в японские учреждения, встречи и беседы, занятия в школе языком, газетные переводы и пр.), мне казалось, что я трачу напрасно время командировки, погряз в текучке мелких дел.

Правда, я уже относительно свободно пользовался японским языком, а после поездки в Шанхай стал более бегло говорить на английском, но не это было главным. Недоставало глубокого понимания сути событий, умения связать их в единую логическую цепь, выявить основную тенденцию их развития. Я чувствовал, что все еще остаюсь «резервистом» в дипломатии, а не кадровым работником Наркоминдела. Несмотря на мою просьбу перевести меня на оперативную и информационную работу, руководство посольства решило оставить меня на консульской работе. Получив дипломатический ранг третьего секретаря, я исполнял обязанности отсутствовавшего в то время заведующего консульским отделом посольства.

Обстановка в стране отнюдь не благоприятствовала моим планам дальнейшего расширения связей, налаживания новых контактов, более глубокого изучения страны, ее языка, истории. Ухудшалось международное и внутреннее положение Японии, усиливалась деятельность ультранационалистических и открыто фашистских организаций.

Как-то в начале 1943 г. в советское консульство зашел с прощальным визитом прогрессивный польский журналист В. Пискор. Ему было предписано покинуть страну в связи с новым законом, запрещавшим иностранцам проживание в Японии, если они не работали по правительственному контракту или не состояли в браке с японскими подданными. Он покидал Японию без особых сожалений. – «Трех лет, проведенных в Стране восходящего солнца, – говорил В. Пискор, – было вполне достаточно, чтобы навсегда расстаться с буржуазными иллюзиями и стать воинствующим антифашистом, если не коммунистом». У него были обширные связи в журналистских и дипломатических

кругах Токио, поэтому он хорошо знал положение в стране и охотно делился своим мнением.

В. Пискор рассказал о том, что в руководстве Японии все сильнее становятся настроения в пользу полной фашизации страны. По его словам, генерал Тодзио метил на пост премьера «Восточно-Азиатской империи», образования которой так усердно добивался.

Брожение в японском руководстве, пояснял В. Пискор, порождено трудностями внутреннего и внешнего характера, неудачами на фронтах. Идея «молниеносной войны» теперь потерпела крах и на Тихом океане, в перспективе Японию ждет тяжелая, затяжная война с огромными материальными потерями и человеческими жертвами. Победит тот, говорил польский журналист, кто могущественнее, кто искуснее в войне, на чьей стороне правда. Он утверждал, что в Японии ведется широкая подготовка к затяжной войне.

В. Пискор поведал нам, что группировка Коноэ добивается создания новой общенациональной Политической ассоциации помощи трону с разветвленной сетью филиалов и отделений в префектурах и уездах, вплоть до каждого населенного пункта и каждого квартала. Это движение полуфашистского типа призвано поднимать дух народа и осуществлять «контроль за мыслями». Военные во главе с маршалом Сугияма настаивают на замене гражданской администрации военной. Они предложили всю территорию страны разделить на фронтовые, армейские и дивизионные округа. В случае перенесения войны непосредственно на Японские острова командующие округами должны обладать всей полнотой военной и гражданской власти. Серьезные споры, утверждал Пискор, по-прежнему ведутся о позиции Японии в отношении Советского Союза, одержавшего ряд блестящих побед над гитлеровской Германией.

Мы расстались с польским журналистом как добрые друзья. «Я буду воевать с фашизмом», – заверил он на прощание. Вскоре В. Пискор уехал в Шанхай, а оттуда в Австралию. Больше я его ни разу не встречал.

В нашем посольстве существовало неписаное правило, согласно которому каждый сотрудник, изучавший японский язык, должен выполнить в месяц определенную норму переводов. Консульскому отделу поручалось следить за японскими законами и перемещениями в правительственном аппарате. Поэтому моей обязанностью было регулярно переводить соответствующие разделы «Правительственного вестника» («Кампо») и» «Реестра государственных чиновников» («Кансёкуро-ку»). Руководил отделом переводов секретарь посольства Е. Г. Забродин. Знающий

японовед и прекрасный товарищ, он был душой посольского коллектива. Женя не любил и не умел кривить душой: за плохую работу и неряшливый перевод способен был отругать, но делал это не обидно, не оскорбляя достоинства молодого дипломата. Беседы с ним были для нас хорошей школой японистики. Он учил работать «проблемно», увязывать перевод со всей проблемой в целом, осмысливая каждую статью как часть общей проблемы. Под его руководством я изучал японское законодательство, знание которого необходимо в консульской практике, структуру государственных и административных учреждений, различных общественных организаций. Переведенный нами материал обычно корректировался 114 коллективно, обсуждались затронутые в нем вопросы, а затем эти вопросы дополнительно изучались и перепроверялись в беседах с иностранными коллегами. Таким путем складывалось суждение об отдельных проблемах и событиях, в целом о политической и военной обстановке. Полезный труд над переводами становился формой углубленной учебы.

Между тем события в стране, как волны океана, накатывались одно за другим, будоража сознание каждого, кто интересовался политической жизнью Японии. Многие из них свидетельствовали о дальнейшем усилении антикоммунистической истерии и шпиономании.

В августе 1942 г. произошли аресты по так называемому «иокогамскому делу». Всего было схвачено около 50 японцев, в разное время вернувшихся из США. Первым за нарушение закона «Об охране общественного спокойствия» был взят Кароку Хосокава, автор книги «Япония и международное движение», по обвинению в защите международного коммунизма. По обнаруженной у него фотографии, сделанной в день рождения, арестовали его товарищей. В основном это были сотрудники журналов «Тюо корон», «Кайдзо», «Нихон хёрон», книжного магазина на Роппонги, связанного с издательством «Иванами сётэн». «Группе Хосокава» было предъявлено обвинение в попытке возрождения Коммунистической партии Японии под видом тайного кружка. Вскоре за первыми арестами последовали новые. Многие из нас замечали, как исчезают один за другим знакомые продавцы книжных магазинов, пока не стало известно, что идут аресты «коммунистов».

Японскую жандармерию и тайную полицию охватывал буквально животный страх при одной мысли о возможности возрождения компартии. Под видом борьбы с коммунистической идеологией правительство Тодзио усиливало репрессии против всех, кто был недоволен войной, в частности против прогрессивно

мыслящих студентов, а также проживавших в стране китайцев, корейцев, русских. Министерство внутренних дел добилось внесения соответствующих поправок в закон «Об охране общественного спокойствия».

Японская охранка постоянно пыталась изобразить советское посольство в Токио главным очагом распространения антивоенных настроений. Продажные газетчики нередко именовали посольство «Красным особняком» на Мамиана. Думаю, что серьезные люди в Японии относились с недоверием к этим полицейским козням.

Гонения на левое движение, борьба с антивоенными настроениями в Японии расчищали почву для роста ультранационализма и фашизма. В отличие от нацизма в Германии национализм в Японии открыто выступал как идеология защиты империи, сохранения власти императора на вечные времена. Фашистское движение в Японии развивалось под контролем правительства и командования армии, в свою очередь выдвинутых к руководству крупным капиталом, бюрократической верхушкой во главе с императором.

Японские ученые, исследовавшие природу национализма и фашизма в Японии, писали: «Фашизация Японии происходила не в форме перехода государственной власти в руки определенным образом сложившейся политической партии и*не через создание диктатуры, опрокидывающей прежний государственный аппарат,* а путем планомерного закрепления господствующей роли тех частей и элементов существующего государственного строя, которые ранее несли в себе зачатки*неприкрытой диктатуры*»[13].

В годы войны новые псевдопатриотические, националистические, религиозные и фашистские организации возникали в Японии как грибы пбсле дождя. На 1 января 1943 г. их было зарегистрировано свыше 400. Присвоенные каждой из них завуалированные названия, начиная от пресловутой Ассоциации помощи трону до откровенно фашистского «Восточного общества» во главе с ярым националистом Сэйго Накано, не меняли их реакционной сущности.

Мне не раз доводилось видеть Накано и слышать его выступления. В конце 30-х годов руководимое Накано «Восточное общество» («Тохо кай») активно выступило за роспуск буржуазно-помещичьих партий Сэйюкай и Минсэйто, Социалистической массовой партии (Сякай тайсюто), Японской федерации труда (Содомэй). Накано рьяно настаивал на ликвидации последних остатков буржуазной демократии и установлении в Японии фашистской диктатуры крупного монополистического капитала. После вероломного нападения Гитлера на СССР Сэйго Накано

возомнил себя японским фюрером. Он по нескольку раз в день выступал по радио, в печати, на многочисленных митингах и собраниях с грубыми выпадами против коммунизма и нашей страны, с истеричными призывами к немедленному нападению на Советский Союз. Подражая Гитлеру, он носил военную форму, отрастил короткие усы, начесывал на лоб челку, приветствовал своих единомышленников, выбрасывая вперед правую руку. Всеми жестами и голосом Накано копировал бесноватого фюрера. Члены «Восточного общества» маршировали по улицам Токио с резиновыми дубинками, распевая фашистский марш «Япония прежде всего!».

Летом 1941 г. Накано, обещая в скором времени «покончить с коммунизмом в Японии и во всей Азии», призывал к военному путчу. В специально выпущенной брошюре, на обложке которой красовался портрет Накано, содержалось требование ввести в Японии фашистскую диктатуру; насилие и террор объявлялись основой внутреннего порядка. Чрезмерная агрессивность и крикливость Накано в конце концов встревожили руководителей Японии, относившихся с симпатией к фашизму, но боявшихся кровавых эксцессов. Арестованный в 1942 г. по обвинению в «опасной деятельности» Сэйго Накано покончил жизнь самоубийством при довольно странных обстоятельствах.

Однако вскоре на смену Накано пришел новый «фюрер» – Акао Бин, унаследовавший ультранационалистические и фашистские идеи и методы деятельности своего предшественника.

Могущественные ультранационалистические организации оказали в годы войны самое пагубное влияние на японское общество, активно содействовали формированию милитаристского духа, захватнической политики Японии. Одной из наиболее крупных и влиятельных среди них было «Общество черного дракона», возглавляемое его создателем и «духовным отцом» Мицуру Тояма.

Эта организация, имевшая многочисленные филиалы и отделения, щедро финансировалась крупным капиталом. Ее власть и авторитет были столь велика что ни один правительственный кабинет, в том числ и кабинет генерала Тодзио, не мог успешно проводит намеченный им политический курс без поддержки этс го общества. Оно участвовало прямо или косвенш явно или тайно в смене правительств и государственных деятелей, в насаждении марионеточных режимов, выборе японских ставленников. Влиятельными деятелем «Общества черного дракона» кроме Тояма был бывший премьер Хирота, крупные промышленники финансисты Окура, Мацуи, Кухара.

Разведывательну деятельность общества возглавлял матерый разведя» Юи Екояма. О встрече с одним из этих гангстеров с политики хочется рассказать отдельно.

Однажды зимой 1942/43 г. мы с товарищем по пс сольству П. А. Сергеевым выехали на несколько дне к подножию горы Фудзи на горячие источники в районе Хаконэ – Мияносита. В гостинице «Фудзи» в те дни проводился «конгресс усачей», на который собралир обладатели самых длинных усов и бород. Среди фаворитов клуба был и 90-летний Мицуру Тояма.

Как-то вечером после скудного ужина в гостиниц мы бродили по местечку Мияносита в надежде найт] одну из маленьких закусочных, каких до войны здесь было великое множество. Скоро мы обнаружили в лабиринте вечнозеленых кустов закусочную под названием «Одавара скияки»[14]. Наше внимание привлекло то, что в затемненном подъезде стояли ряды обуви, по японскому обычаю оставленной посетителями при входе. Это свидетельствовало о том, что закусочная открыта. Мы также сняли туфли и проследовали в комнату для гостей. Обслуживающий персонал, несомненно, принял нас за немцев, поскольку из иностранцев только они были завсегдатаями этих мест. На робкий вопрос, кто мы такие, мы ответили: иностранцы.

Войдя в гостиную, мы увидели сидящими по-японски на полу за низкими столиками с закусками несколько десятков мужчин в национальной одежде. В центре восседал патриарх японского националистического движения Мицуру Тояма, также одетый в японское Домашнее кимоно. Ёго огромная белая борода, сросшаяся с усами и волосяным покровом головы, расстилалась на татами. Опустив глаза вниз, точно святой, он что-то вещал о «божественной судьбе Великой Японии». Говорил он тихо, почти не раскрывая рта, шевеля при этом густыми бровями. Все сидящие вокруг с упоением слушали его.

Мы незаметно присели у входа, чтобы не привлекать внимания и не нарушать течения беседы. Петр Андреевич, мой товарищ, прекрасный знаток Японии, подал мне знак сидеть без движения, а сам внимательно прислушивался к тягучей и едва слышимой речи Тояма. Все же через несколько минут нас заметили. К нам приблизились два человека из его охраны и потребовали немедленно покинуть закусочную. На улице мы увидели суетившихся в панике переодетых шпиков, на время потерявших нас. Первое, что они спросили: зачем мы ходили в закусочную? Когда поняли, что мы просто проголодались и ищем, где бы подкрепиться, они немного успокоились. После этого случая нас кормили в гостинице гораздо лучше, но шпики уже не отпускали нас ни на шаг.

Мне неоднократно доводилось видеть Мицуру Тояма в здании японского парламента и в других местах. Он неизменно носил японскую одежду и обувь, держался всегда величественно. Тояма умер в ту же зиму 1943 г. Церемония похорон проводилась по высшему разряду, подобно тому как хоронили князя Саёндзи.

Другие руководители .«Общества черного дракона» – Хирота, Кухара, Ёкояма, в отличие от Мицуру Тояма, больше походили на обыкновенных политических) дельцов, использовавших влияние общества в своекорыстных интересах. Хирота в числе семи главных японских преступников был повешен в 1948 г. в тюрьме Сугамо, миллионерI Кухара умер, а Ёкояма после капитуляции Японии перешел на службу в американскую разведку.

Помимо крупных фашистских и националистических организаций в Японии в годы войны существовало огромное множество менее значительных, замаскированных под видом религиозных, филантропических, спортивных и прочих клубов, землячеств, групп.

Во время войны деятельность националистических организаций предшествовала принятию важных правительственных решений и часто предопределяла эти решения. Она была скрытой пружиной японской милитаристской машины, ее необходимым резервом. С ней считался любой руководитель государства. Более того, во главе созданных и захваченных Японией государств японскими правящими кругами ставились лишь марионетки, прошедшие через сито и обработку таких организаций. Это относилось к императору Маньчжоу-го Пу И, президенту нанкинского правительства Ван Цзин-вэю, бирманскому премьеру Ба Мо, императору Индокитая Бао Даю, руководителю Филиппин Варгасу, вождю националистического движения Индии Чандра Босу и др.

Необходимо отметить, что с конца 1942 г. все более важное место в политике Японии стала занимать перестройка отношений между японским правительством и марионеточными режимами в оккупированных странах Азии. Предпринимались попытки придать этим режимам видимость «независимости», сохраняя в то же время за собой непременное лидерство.

Развязав войну в Азии и на Тихом океане, Япония объявила ее «священной войной за освобождение» народов Азии от господства старых колониальных держав: Англии, США и Голландии. На первом этапе войны, пока народы оккупированных стран еще не испытали на себе всех ужасов японского грабежа и разбоя, демагогический лозунг «освобождения» пользовался определенной популярностью. Однако по мере развития событий японские правящие круги оказались вынужденными прибегнуть к

новым маневрам и средствам маскировки: создается министерство по делам «Великой Восточной Азии», спешно формируются «независимые» правительства в Нанкине, Таиланде, Бирме, Малайе, Индокитае, Индии и на Филиппинах. В конце 1942 г. открываются «полномочные» представительства названных стран в Токио. Цель этих мероприятий состояла в том, чтобы под видом предоставления «независимости» переложить тяжесть войны на плечи оккупированных стран. В этих странах продолжалась мобилизация экономических ресурсов и продовольствия, создавались местные воинские формирования, объявившие под нажимом Японии войну Англии и США.

Японцы насаждали своих ставленников в правительственных и административных аппаратах и обязали их работать под руководством и контролем японских советников. Теперь грабеж захваченных стран велся руками не японцев, а их марионеток. Изменилась форма, однако осталась та же сущность колониального грабежа.

Мне, как консульскому работнику, приходилось не раз бывать в «посольствах» марионеточных государств в Токио, улаживать с их чиновниками различные консульские вопросы, в частности визовые и паспортные.

Меня всегда поражала обстановка хаоса и неразберихи, царившая в «посольствах» этих стран. Как правило, посол и консул под разными предлогами отсутствовали. Всеми делами управляли японские служащие, а чиновники представляемой страны занимались уборкой двора и сада, готовили пищу, возились со своими вечно грязными детьми. Мы старались никогда не оставлять своих паспортов и других документов в этих «посольствах», опасаясь за их сохранность. Когда же о творившихся там беспорядках сообщали кому-либо из работников японского МИДа, обычно следовал стандартный ответ: «Государство… еще молодое, поэтому его дипломатические кадры еще не выросли. Погодите немного, и они будут отлично справляться с обязанностями».

Вот, например, как проходило одно из моих посещений «посольства» Маньчжоу-го. Я пришел без предварительного звонка. Ворота «посольства» были заперты. После неоднократных звонков дверь рядом с воротами приоткрылась, и в образовавшуюся щель выглянуло странное лицо: определить национальность его владельца было невозможно. Человек за дверью принялся подробно расспрашивать, кто я такой и с какой целью прибыл. Затем мне велели подождать, пока, как я знал, японский служащий позвонит в МИД Японии и получит соответствующее указание. Через некоторое время дверь

отворилась, и меня провели в посольскую приемную. Войдя в комнату, я остолбенел от удивления: здесь безраздельно хозяйничала огромная орава перепачканных детей. Они безмятежно расположились на столах, рылись в шкафах. Увидя меня, они стремглав разбежались. Вскоре в комнату вошла неопрятно одетая их мать-китаянка и на плохом японском языке объявила, что «посольство отдыхает».

Война наложила свою печать на образ жизни, сознание и поступки японского народа. По своему размаху, материальным затратам и принесенным жертвам эта война не имела себе равных во всей его истории. Она потрясла до основания государственные, мораль ные и этические устои, потребовала полной мобилиза ции материальных и духовных сил нации.

В годы войны политические руководители и буржу азные идеологи Японии много говорили о достигнуто единстве нации, сплочении всех слоев и классов японского общества в борьбе с «врагами» Японии и азиатских народов. Однако это была сплошная демагоги: Далеко не всем в Японии нужна была война. Труде вому люду Японии – рабочим, крестьянам, рыбакам мелким ремесленникам, служащим – она принесли лишь неисчислимые невзгоды да страдания.

Шел 1943 год. Японию преследовало страшное слс во «мобилизация»: мобилизация людей, мобилизаци средств, мобилизация духа. Не было такой семьи, кс торая бы не проводила на фронт одного-двух мужчш Практически уже все трудоспособное население, ка мужчины, так и женщины, было занято в промышлев ности, на транспорте, в морском промысле, в произ водстве продовольствия в деревне. Япония шла к все общей тотальной мобилизации. «Все для войны!»-таков был лозунг дня.

Перед японским народом со всей силой встала проблема голода. Ранее я уже рассказывал, что япон ские власти столкнулись с серьезными трудностями обеспечивая продуктами питания сравнительно неболь шую группу иностранных дипломатов. Накормить же 100 миллионов людей, да еще создать запасы продо-вольствия для армии и флота – в условиях войны дело чрезвычайно сложное. Японский народ голодал в буквальном смысле слова. Уже много месяцев подряд пояса были затянуты до предела. Рисовые нормы не раз сокращались. Паек только назывался «рисовым», а фактически рис обильно смешивался с чумизой, гаоляном и бобами. Мизерный «рисовый» паек в 150-200 граммов на семью из пяти-шести человек, как правило, выдавался со значительным опозданием. Давно 122 и в помине не было мяса, сахара, жиров. Эти продукты распределялись по военным госпиталям, где число раненых росло

с каждым днем. Костлявая рука голода дотянулась и до японской столицы. От недоедания многие едва держались на ногах. Обычным явлением стали рахитичные дети с выпуклыми животами и кривыми тонкими ножками. В ряде районов свирепствовали цинга, «бери-бери»[15], в некоторых местах была отмечена холера.

Чтобы смягчить голод, японское правительство провело очередную «мобилизацию» и развернуло движение «помощи трону через сельское хозяйство», призвав население к массовому выращиванию овощей. Зимой 1943 г. начался поход за обработку пустующих земель. Каждый клочок земли был приспособлен под огород, на нем трудолюбивые японские женщины и старики выращивали лук, капусту-лотос, фасоль, батат. По заборам, деревьям, стенам и крышам тянулись ползучие плети огурцов, кабачков, гороха. Тепла и влаги в Японии хватало, а остальное создавал сам человек. Нужда и народная мудрость научили людей собирать урожай даже на горстке камней.

Мне довелось наблюдать, как в Японии в годы войны велась настоящая борьба за жизнь. Можно было видеть домохозяек и детей, сгребавших во дворах и на улице мусор, чтобы сжечь его и получить небольшую горстку золы для удобрения. Каждое утро женщины с совком и метелкой собирали кал лошадей.

По пути из дома в посольство я ежедневно проходил мимо продовольственной лавки, возле которой обычно выстраивалась очередь, часами ожидавшая выдачи продовольственного пайка. Распределение по карточкам (хайкю) – главная тема разговоров японских домохозяек военных лет. Очередь стояла до тех пор, пока не появлялся исхудалый старик, сообщавший, что выдача пайка вновь задерживается. Унылые и безрадостные женщины разбредались по домам, чтобы утешить словом надежды своих голодных детей. Я однажды поинтересовался, почему распределением пайка занимаются только мужчины. Мне объяснили, что у японцев существует традиция доверять важное дед только мужчинам, как существам наиболее достойны и способным. Нам, советским людям, этот обычай м зался попросту нелепым. Японские женщины свои трудолюбием и безграничным терпением вызывали нас большое уважение. Мы понимали, что только средневековая дискриминация женщин в Японии препятствует их творческому расцвету. Кстати сказать, это доказала и послевоенная история Японии, когда японских женщин в значительной степени уравняли в правах с мужчинами. После войны я встречал много женщин – выдающихся общественных деятелей, депутате парламента, борцов против ядерного оружия, за международную безопасность. Среди них

хочется назвать первую женщину депутата парламента Като, лауреата международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами», руководителя движения «Поющие голоса Японии» Акико Сэки, прогрессивную писательницу Юрико Миямото и многих других.

Голодная японская столица, стоявшие повсюду очереди женщин за пайком ассоциировались у мен с военным Петроградом 1917 г. Но не такова был обстановка в Японии зимой 1943 г. Японские трудящиеся, обманутые демагогическими лозунгами, разобщенные и запуганные, совершенно не были готовы организованной борьбе против кровавой авантюры своих правителей. Коммунистические и социалистические лидеры находились в тюрьмах, в стране царили полицейско-фашистский террор.

Несмотря на массовые бедствия и огромные жертвы, первые военные поражения не потрясли сложившихся устоев японского государства, не развенчали фанатичной веры народа в императора, в его победу. Война еще не подвела людей к той грани самосознания, когда духовное рабство становится нетерпимым и трудящиеся поднимаются на борьбу против войны, против насилия, за социальное переустройство общества.

Изредка мне приходилось разговаривать с рядовыми японцами о войне и ее трудностях. Беседовал я с рабочими нефтяных и угольных разработок на Сахалине, с рыбаками Хоккайдо, с членами семей, получавших от Советского государства пенсии за смерть и увечья кормильцев, работавших на концессиях. Естественно, что большинство из них старались уклоняться от бесед о войне, поскольку это наказывалось по закону «Об охране общественного спокойствия». Японцы не любили жаловаться иностранцам на тяготы войны, никогда не роптали, не выражали публично своего отрицательного отношения и тем более ненависти к войне. Трудности переносили молча и терпеливо, как этому учила традиция, подсказывала национальная гордость.

Интерес рядовых японцев к войне всегда был велик. Люди внимательно следили за событиями на фронте, читали газеты, слушали радио, старались на карте найти точечками обозначенные острова. Это говорило об их беспокойстве за судьбу страны и исход войны и связанные с этим перемены в личной жизни. Однако, как мне казалось, японские трудящиеся никогда не испытывали того страха перед поражением в войне, какой был присущ верхушке общества.

Представители крупного капитала были заинтересованы в войне, видели в ней выгодный для себя бизнес. Большинство из

них уже успели извлечь из войны существенную для себя пользу, набить карманы на военном производстве и поставках, на вывозе из оккупированных стран сырья, нефти, продовольствия, на морских перевозках. Они разбогатели на грабеже национальных богатств этих стран и на спекулятивных сделках. Короли оружия, хозяева банков смогли приумножить свои капиталы, – приобрели огромную власть в стране, позволявшую им сменять правительства, назначать министров и генералов. Для них поражение в войне значило конец безудержному обогащению. Они ждали, что вслед за военным крахом начнутся революционные беспорядки, боялись справедливого возмездия за совершенные преступления со стороны народов Китая, Кореи, Вьетнама и других стран Азии. Больше всего японские миллиардеры не хотели развала империи, капитуляции и прихода оккупационных войск. С сохранением императорского строя они связывали свое дальнейшее существование.

Между этими двумя полюсами японского общества, между крупной буржуазией и народом, находились различные промежуточные слои со своими взглядами.

настроениями и отношением к войне – чиновничество, кадровое офицерство, священнослужители, чины полиции, интеллигенция. К ним примыкали мелкие предприниматели, лавочники, содержатели гостиниц, увеселительных заведений. В Японии эта прослойка всегда была многочисленной и неоднородной. Все они отличались крайней реакционностью взглядов и стихийностью действий, составляя главную базу национализма, милитаристской идеологии и религии. Из этих слоев рекрутировались аппарат насилия (армия, полиция, тюрьмы, суды и пр.), реакционное духовенство и чиновничья бюрократия. Они верой и правдой служили крупному капиталу и щедро им оплачивались. Пока война в Азии была победной, они твердо поддерживали ее. Но с наступлением трудного периода они первыми дрогнули и проявили колебания. Именно торговцы, ремесленники, чиновники, служащие газет, адвокаты, реакционные учителя, врачи, настоятели храмов первыми почуяли опасный поворот в войне и стали искать удобный случай, чтобы покинуть «тонущий корабль». Но это было значительно позднее.

ПРОВАЛ ПЛАНОВ «МОЛНИЕНОСНОЙ ВОЙНЫ»

Летом 1941 г. в словаре японского языка впервые появилось выражение «дэнгэкисэн» – «молниеносная война». Оно выражало суть предполагаемой японской стратегии в войне. Однако этому выражению не суж-дена была долгая жизнь. После блистательных побед в начальный период войны вооруженные силы Японии вступили затем в длительную полосу неудач и поражений. Хотя еще случались отдельные, временные успехи, однако стрелка барометра войны неуклонно двигалась к «ненастью». «Молниеносная война» на Тихом океане провалилась, так же как она провалилась на советско-германском фронте.

К середине 1943 г. японская армия в основном исчерпала свои наступательные возможности, все острее ощущался недостаток вооружения, морского транспорта, продовольствия. Нападение на СССР в планах японского командования в трудной для него обстановке летом 1943 г. уже не рассматривалось в качестве безотлагательной проблемы, хотя и не было окончательно снято с повестки дня.

Победы советских войск сначала под Сталинградом, а затем под Орлом и Курском окончательно подорвали военную и экономическую мощь гитлеровской Германии. Это дало возможность нашим союзникам выиграть время для развертывания военного производства и накопления резервов и начать наступление в Италии и на Тихом океане. Теперь японские войска повсеместно переходили к обороне, а англо-американские силы наносили непрерывные удары по островным гарнизонам, захватывали аэродромы в центральной части Тихого океана, где размещали свою авиацию с целью нанесения мощных воздушных ударов по территории самой Японии. Таким образом, военная обстановка к середине 1943 г. становилась прямо противоположной той, какая была год назад.

По мере приближения войны на Тихом океане к своему апогею флот и армия Японии несли все более значительные потери в боевой технике и людях. Все чаще до нас, живших в Токио, доносились не звуки победных фанфар, а погребальные гонги, заупокойные молитвы бонз. Уже не десятки, а тысячи урн прибывали с фронтов, целые поезда.

18 апреля 1943 г. во время воздушного сражения в зоне Соломоновых островов и Новой Гвинеи погиб командующий Объединенным флотом Японии адмирал Исороку Ямамото – один

из самых решительных сторонников южного варианта войны в 1941 г., автор плана разгрома главных сил флота США в Перл-Харборе. Похороны адмирала Ямамото проводились на самом высоком государственном уровне, как в свое время хоронили национальных героев – генерала Ноги и адмирала Того. Урна с его прахом была выставлена в мемориальном зале в парке Хибия для всеобщего прощания. Огромная кубическая урна, украшенная венками, траурными лентами, знаками высоких воинских почестей и императорскими наградами, стояла на высоком постаменте в центре зала. На одной из лент надпись гласила: «Адмиралу Ямамото – герою Пёрл-Харбора». Над урной висел в траурном обрамлении портрет адмирала Ямамото.

Вскоре после окончания войны военный обозреватель газет и радио Хаяси рассказал о гибели Ямамото следующее. После успешной операции в районе Рабаула, во время которой было потоплено 2 эсминца 25 транспортов и уничтожено свыше 150 самолету США, непосредственно руководивший операцией адмк рал Ямамото получил поздравление императора и намеревался, в свою очередь, поздравить личный состав и командиров, участвовавших в операции. Об этой стало известно командующему флотом США адмиралу Ноксу и командующему американской авиацией на Тихом океане генералу Арнольду, решившим «нака« зать» адмирала Ямамото за дерзость. 18 апреля утрой во время перелета с флагманского корабля «Мусасм на японскую авиабазу самолет адмирала Ямамощ сопровождаемый истребителями, был обстрелян труп« пой американских истребителей. Горящий самолет рух< нул на землю, а адмирал Ямамото был смертельно ранен.

Тот же Хаяси доверительно сообщил, что адмирал Ямамото, вопреки мнению большинства военачальни-ков, в 1940 г. выступал вместе с адмиралом ИонаИ против участия Японии в «Тройственном пакте». Было ли так в действительности, судить трудно.

В те дни уже чувствовалось назревание военнополитического кризиса блока фашистских государств, явственно ощущался наметившийся перелом в военной обстановке. Одним из первых симптомов этого кризиса явилась капитуляция фашистской Италии.

В Токио и раньше хорошо понимали, что фашистская Италия является наиболее слабым звеном в системе германо-японо-итальянского военного союза и что в случае серьезных военных испытаний она первой сложит оружие. Однако в японской столице явно не ожидали, что это произойдет так скоро и в такой форме. Как известно, 8 сентября 1943 г. итальянское

правительство во главе с маршалом Бадольо заявило об отстранении от власти Муссолини, о капитуляции Италии перед союзными державами и готовности воевать против нацистской Германии.

Первые известия об этих событиях были встречены японской пропагандой бранью в адрес Италии за ее «предательство» в отношении Германии и Японии.

Официальное заявление японского правительства также было проникнуто раздражением. В нем говорилось, что, хотя итальянское правительство без какой-либо договоренности с Японией и Германией пошло на капитуляцию, это якобы не оказало большого влияния на военное положение Японии, поскольку последняя, мол, заранее предвидела возможность дезертирства Италии. Далее указывалось, что японское правительство рассматривает Италию как вражескую страну и будет соответственно обращаться с ее гражданами. Не обошлось, конечно, без упоминаний о причастности Москвы и Коминтерна к итальянским событиям. Ну что ж, в какой-то мере японское правительство на этот раз было право. Уничтожение итальянских дивизий на Дону, разгром немецких армий под Орлом и Курском действительно были делом рук Москвы, ее доблестных Вооруженных Сил.

Нам, дипломатам в Токио, пришлось наблюдать, как от былой дружбы фашистских союзников в самое короткое время не осталось и следа. Еще за несколько дней до падения режима Муссолини с итальянскими дипломатами в Токио обращались как с особо привилегированными представителями союзной державы. Однако, как только Италия капитулировала, итальянских дипломатов тут же заперли в посольстве под надежной охраной военной жандармерии. Японское правительство немедленно отдало распоряжение также разоружить все находившиеся в зоне военной администрации Японии итальянские войска и интернировать военные корабли, ликвидировать итальянский сеттльмент в Китае, установить надзор над итальянскими учреждениями и гражданами. Дело дошло до курьеза: было объявлено, что итальянский посол в Токио ярый фашист Энджелли – участник коммунистического «заговора» и пытался накануне капитуляции Италии бежать из дружественной Японии в Китай.

Профессор японского языка итальянец Ваккари, женатый на японке и проживший в Японии много лет, рассказывал нам о нетерпимом обращении с итальянскими дипломатами после капитуляции Италии. Сам профессор имел двойное гражданство (итальянское и японское) и потому избежал интернирования. По

его словам, итальянскому послу было поставлено в вину, что он заблаговременно не предупредил японское првительство о надвигавшихся событиях. Когда пос проявил интерес к судьбе итальянских граждан и и щества Италии в Японии и Китае, ему было сказа» что он уже не глава дипломатического представительства, а об итальянских подданных и имуществе поб покоятся сами японские власти. В скором времени вс итальянцев выдворили за пределы столицы и содерж ли под строгим надзором.

Все чаще мы стали замечать перемены в отношен японских властей и к немцам. Гордый и надменн вид немецких дипломатов первых месяцев войны в больше сменялся подавленностью и замкнутостью, нас доходили слухи об усилившейся разобщенное членов немецкой колонии, о вражде между диплом тами в Токио и немцами в Шанхае. Поражения гитл ровских войск на Восточном фронте все более пове гали немцев в уныние и тревогу. Приезжавшие из Германии дипломаты и офицеры в неофициальных бесдах делились между собой мрачным настроение привезенным из Берлина, рассказывали об огромн жертвах, понесенных в результате грандиозных наступ тельных операций советских войск и бомбардировок со никами немецких городов. В самом немецком посол стве царила атмосфера взаимного недоверия и интри: Распоясавшийся руководитель местной нацистской ор; ганизации, в прошлом палач Варшавы, группенфюре Мэйзингер расправлялся с каждым по первому доносу, подбирался даже к послу генералу Отту. Посла уже давно ждали в Берлине, чтобы примерно наказать за то, что он слепо доверялся доктору Зорге. Отт каждый раз под тем или иным предлогом уклонялся от поездки в Германию, где его ждала расправа.

О Рихарде Зорге до нас доходили лишь отрывочные и крайне противоречивые сведения. Уже два года томился мужественный антифашист и блестящий разведчик в каменных казематах Сугамо. Он и в тюрьме с полным самопожертвованием защищал жизнь своих товарищей и порученное партией дело. Основываясь на нормах международного права, Рихард Зорге на следствии и в суде доказывал, что, как коммунист, он делал все, чтобы не допустить войны между советским и японским народами, никогда в своей работе не пользовался такими методами шпионажа, как подкуп, запугивание, террор. Зорге брал на себя всю ответственность за деятельность руководимой им организации.

Бесконечно веря в правоту общего дела и в нашу победу, Зорге перед лицом палачей сохранял самообладание и стойкость, вызывая у своих врагов чувство зависти и восхищения. После суда

и вынесения смертного приговора Зорге заявил: «Виновным себя не признаю. Октябрьская революция указала мне путь, которым я шел все 25 лет. Эта война еще больше укрепила меня в правильности избранного мной пути».

Рядом со светлым и благородным образом замечательного коммуниста и разведчика Зорге какими жалкими выглядели его враги. Взять хотя бы того же генерала Тодзио.

Мне довелось не раз видеть генерала Хидэки Тодзио на различных встречах государственных деятелей и манифестациях, в японском парламенте, в советском посольстве и, наконец, на скамье подсудимых на Токийском процессе над японскими военными преступниками.

Даже по японским масштабам того времени это был недальновидный политик и заурядный генерал. Долгое время он служил в Маньчжурии и Северном Китае, где командовал жандармскими силами. Во втором кабинете Коноэ он занимал пост военного министра, а с октября 1941 по август 1944 г. являлся премьер-министром. Военная конъюнктура позволила Тодзио всплыть на поверхность политической жизни, она же и была причиной его позорного провала.

Внешний вид Тодзио не внушал к нему расположения: это был человек ниже среднего роста, всегда в огромных очках, подстриженный под машинку, лицо и глаза совершенно невыразительны. Его гортанная и лающая речь даже у японцев вызывала улыбки. Своими словами никогда не говорил, заготовленный текст читал монотонно, без выражения. При этом всегда казалось. что он не убеждает, а как будто рубит сплеча, не заботясь о том, слушают и понимают ли его. Свои выступления на митингах Тодзио обычно заканчивал, вскидывая обе руки вверх и троекратно провозглашая: «Тэнно-хэйка банзай!» («Императору десять тысяч лет жизни!»).

Ему в полной мере были присущи характерные для японских военных самоуверенность и бестактность. Я был очевидцем, как однажды в японском парламенте при обсуждении законопроекта о всеобщей мобилизации Тодзио поднялся на трибуну и, не снимая с лица марлевой повязки, какую носят японцы, чтобы не заразиться, давал пояснения к проекту нового закона. Однажды премьер Тодзио посетил советское посольство по случаю празднования 7 Ноября. Войдя в вестибюль, он вдруг полез обниматься с сотрудником, выделенным для встречи гостей. Все мы в этот день надели парадную дипломатическую форму, расшитую позументами. Только по количеству золотых ветвей можно было отличить третьего секретаря от посла. Видимо, генерал Тодзио, считавший себя со времен Маньчжурии знатоком

русских обычаев, принял секретаря за посла и решил облобызать его.

Осенью 1943 г., когда дела на фронтах у японцев становились все плачевнее, а Красная Армия победно шла на запад, громя немецкие дивизии, премьер Тодзио на всякий случай решил оказать советскому посольству знак внимания. Он прислал в посольство небольшой мешочек кофе с запиской: «Посылаю советскому послу кофе, добытый японской армией на Филиппинах». Подобный дар был возмутителен с точки зрения протокола и дипломатического этикета, но не принять его посол не мог. Советскому послу, в свою очередь, пришлось ответить японскому премьеру подарком и тоже со значением. Он отправил ему большую банку черной икры с запиской: «Посылаю Вашему Превосходительству немного икры, добытой в русской реке Волге».

Генерал Тодзио питал лютую ненависть к коммунистической идеологии, беспощадно истреблял в годы войны всякое проявление свободомыслия в Японии. Именно он санкционировал казнь Зорге и Одзаки, многие тысячи политзаключенных при его правительстве нашли себе смерть в японских застенках и лагерях. После серии постигших Японию военных неудач и захвата американцами островов Сайпан и Тиниан Тодзио пытался реорганизовать правительство, стремясь сохранить за собой пост его главы, однако обстоятельства были против него. В июле 1944 г. дворцовая верхушка выразила недоверие генералу Тодзио и настояла на его отстранении.

В августе 1945 г., после заявления императора о капитуляции Японии, Тодзио пытался застрелиться, но промахнулся. На Токийском процессе над японскими военными преступниками Тодзио выглядел обреченным, на каждый, самый несложный вопрос обвинения он отвечал медленно, много раз переспрашивал, что-то уточнял, то и дело заглядывал в записную книжку. Его первым повесили как военного преступника в тюрьме Сугамо.

Прямым следствием военных неудач японской армии и флота в 1943 г. была вновь разгоревшаяся острая борьба в японском руководстве по вопросу о путях достижения победы или выхода из войны с наименьшими для Японии потерями. По-прежнему три главные силы участвовали в этой борьбе – крупные монополии, представители высших военных кругов и бюрократическая знать, тесно связанная с императорским двором. Каждая из групп преследовала свои цели в захватнической войне и в новой обстановке стремилась извлечь максимум выгоды. Борьба велась на всех уровнях, в том числе в самом правительстве,

представлявшем коалицию тех же трех сил.

Крупные монополии и финансовые круги, как и прежде, считали, что война принесла большие выгоды национальному капиталу, поэтому необходимо закрепить успехи первых лет решающими победами армии и флота, не останавливаясь перед любыми издержками. Военные руководители во главе с генералом Тодзио также видели единственный выход в продолжении войны всеми возможными средствами, форсировали тотальную мобилизацию и готовились к решающим схваткам на море. Дворцовая бюрократия и связанная с ней группа политических деятелей во главе с принцем Коноэ признавали, что выиграть войну только военными средствами в новой обстановке уже нельзя, необходимы более активная внешнеполитическая деятельность и обновление правительства Тодзио.

Внутри каждой из перечисленных групп были свои разногласия. Например, между армией и флотом шла борьба за большую долю военной продукции, по вопросам дальнейшей стратегии в войне.

В конечйом счете вёрх взяли представители дворцовой бюрократии. Их требование состояло в том, чтобы не расширять больше военных операций, не занимать новых территорий, а активизировать внешнеполитические действия с целью достижения достойного мира. Министром иностранных дел император назначил М. Сигэмицу, которому было поручено выполнение этой задачи.

Каждый внимательный наблюдатель не мог не заметить в 1943 г. смены настроений японской прессы, работавшей под контролем правительственного Информационного бюро во главе с Симомура. Все чаще проскальзывали нотки тревоги за исход войны, разочарование капитулировавшей Италией и терпевшей военное поражение Германией. Единственная выходившая на английском языке «Джапан тайме», считавшаяся официозом японского МИДа, время от времени в своих передовицах признавала, что на смену практиковавшейся в прошлом дипломатии грубой силы приходит более «гибкая дипломатия», порожденная новой обстановкой в мире. Кстати сказать, в годы войны только эта газета и журнал «Форин эфферз» от всех иностранцев, в том числе и от нас, принимали платные объявления и юбилейные публикации. Редакции этих органов можно было посетить в любое время, чтобы перекинуться парой фраз о новостях международной жизни. Руководители этих изданий бывали гостями на праздничных приемах в нашем посольстве.

С приходом Сигэмицу к руководству дипломатической

службой Японии (в связи с новым курсом во внешней политике Японии) в дипломатических и журналистских кругах стали поговаривать об улучшении отношений с Москвой и даже допускали возможность посредничества Японии в примирении Советского Союза с фашистской Германией. Как ни странно, но в Японии даже опытные дипломаты и журналисты не понимали классового характера войны советского народа против гитлеровских захватчиков, не сознавали готовности советских людей бороться до полного уничтожения фашизма.

В соответствии с новым курсом во внешней политике японская дипломатическая служба начала проводить активный зондаж в США, Англии и Китае с целью выявить существование среди правящих кругов этих стран настроений в пользу сепаратного мира. Особенно активно такого рода шаги стали проводиться в отношении Чунцина.

В ТИСКАХ ДУХОВНОГО РАБСТВА

Война пришла на японскую землю, опустошая города, уничтожая человеческие жизни, разрушая материальную и духовную культуру. Изменился столицы, неузнаваемыми стали ее поблекли краски Гинзы и базаров в Асакуса и Синдзюку. Люди разучились проводить веселые праздники с подарками и угощениями, не видно приветливых улыбок, не слышно привычного веселого гомона в общественном транспорте и универмагах. С тяжелой думой о войне вставали и ложились японцы.

Не стало фланирующих на улицах Токио красивых японок в праздничных кимоно и роскошных поясах (оби), с традиционными высокими прическами. Абсолютно все женщины теперь носили широкие шаровары (момпэ) и такие же блузы (хантэн), а также защищавшие от огня и осколков капюшоны. Не хватало топлива, люди месяцами жили в неотапливаемых летних помещениях. Не было мыла и многих других товаров первой необходимости.

Как всегда, больше всех от войны страдали дети. Для них, лишенных тепла, пищи и материнского ухода, война становилась катастрофой: резко поднялась детская смертность, в каждой семье больные дети, прекратили занятия начальные школы. На малейшую заботу о детях смотрели с осуждением, как на высокую прическу японской гейши. Война вносила перемены в жизнь, быт и традиции народа. В известной степени эти перемены коснулись и религии.

Среди религиозных верований в годы минувшей войны особое место принадлежало синтоизму («синто» — путь богов). Религия возникла на ранней ступени родового строя и пережила наряду с буддизмом и конфуцианством несколько подъемов и спадов.

Со времени революции Мэйдзи (1868 г.) синтоизм утвердился в качестве государственной религии. Особенно пагубную роль синтоизм сыграл в новейшей истории Японии, способствуя милитаризации страны, насаждению националистических и расистских теорий об исключительности японской нации. Это была одна из идеологических основ японского милитаризма и агрессии, источник фанатизма и мракобесия. Произошло слияние политики и религии, государство во главе с императором обрело теократический характер.

Автор этих строк, как и любой посетивший Японию иностранец, поражался обилию храмов и их служителей,

количеству верующих, разнообразию религиозных групп и сект, множеству обрядов и праздников. Токио, древние столицы Японии – Киото, Нара, Камакура, а также религиозные центры в прошлом – Никко и Исэ представляли собой скопище синтоистских и буддийских храмов с сонмом настоятелей и священников.

Японские храмы красивы по своей архитектуре. Основная часть здания и входные ворота (тории) строились из цельных стволов бука и секвойи, способных сохраняться веками. Крыши пагод делались из разноцветной черепицы. Храмы возводились лучшими мастерами и художниками без единого гвоздя. Такие храмы, как «Мэйдзи дзингу», «Ясукуни дзиндзя» и многие храмы Киото, Нара, и поныне являются шедеврами древнего архитектурного искусства. Храмы обычно строились на высоких холмах, чтобы их можно было видеть издалека. В подавляющем большинстве они окружены зеленью парков, утопающих весной в цветах сакуры, а осенью – в багряном разноцветий кленов, ясеней, декоративных кустарников. При каждом храме обязательно есть обнесенный узорчатой стеной участок или дворик с аккуратно выложенной и всегда чистой дорожкой, часовенками, небольшими прудами и мостами-переходами, карликовыми деревцами. Все в идеальном порядке, ласкает взор и слух верующего, порождает у него чувство благоговения, тем более что именно здесь зачастую погребены его предки. Очень часто крошечный дворик рядом с жилищем японца также оформлен по образцу двора какого-нибудь знаменитого храма, с теми же религиозными атрибутами, только в миниатюре.

По иронии судьбы несколько храмов располагалось неподалеку от советского посольства, а один из них даже соприкасался с посольским забором. Не вторгаясь в запретную обитель храма, мы иной раз из окон консульства наблюдали за тем, что делали священники (каннуси) и как выполнялись храмовые ритуалы. Можно было видеть, как вереницей брели в храм верующие и, проведя там несколько часов, прослушав молитвы и проповеди, возвращались, молчаливые и опустошенные, к своим очагам.

В Японии поклонение предкам – одна из самых глубоких, многовековых традиций. Она овеяна священными канонами религии, искусно культивируется мифологией. В величайшем смирении встречала в годы войны японская мать весть о гибели сына и мужа; умело скрывая обуревавшие ее чувства смятения и душевной скорби, принимала японская семья урну с прахом погибшего родственника. А поезда безостановочно везли и везли новые тысячи белых матерчатых ящичков с надписью «прах

героя». В доме урна устанавливалась в почетном углу комнаты. Каждый день начинался с того, что мать первой подходила к возвышению с урной, чтобы взглянуть на портрет сына, расправить обрамлявшие его ленты и цветы, привести в порядок дароприношения, зажечь курильницы с благовониями.

Молча присаживалась она перед прахом горячо любимого, может быть, даже единственного сына, и боролись в сердце матери два чувства: любовь к сыну и ненависть к смерти, отнявшей его в расцвете лет. Но синтоистская религия – «мудрая наставница»: она благословила нацию на войну, отняла сына у матери во имя чуждой для нее войны, она и научит, как надо пережить это горе. Устами синтоистского священника она объяснит матери, что ее сын погиб как герой и причислен к лику богов. Небольшое, но все-таки утешение японской матери.

Как бы ни были устойчивы обычаи и традиции народа, но и они в трагических условиях войны претерпевали вынужденные изменения. В связи с непрекращающимся ухудшением обстановки на фронтах потери японской армии продолжали катастрофически расти. Увеличилась также смертность от голода и болезней, особенно когда началась массовая эвакуация населения из больших городов. Аппарат учета погибших и захоронения явно не справлялся с резко возросшим объемом работы. В морских сражениях на Соломоновых островах и у острова Мидуэй, в заливе Лейте и в борьбе за Окинаву японский флот лишился не отдельных экипажей, а целых соединений. С началом воздушных бомбардировок городов жертвы войны в самой Японии уже достигали многих сотен тысяч. Поэтому составить точное представление о потерях, тем более организовать традиционное захоронение и отправку урн по месту жительства погибших почти не представлялось возможным. Военные власти ограничивались только письменным извещением родственников. Непрерывной вереницей двигались японские семьи в «День памяти предков» к синтоистскому храму в Токио «Ясукуни дзиндзя» – усыпальнице миллионов жертв войны. Подолгу в молитве стояли люди перед воротами и главным алтарем, доставали из пруда деревянными ковшами «священную» воду и бросали туда монеты.

В огне войны, когда вместе с городами сгорали люди, рассыпались в прах их очаги и религиозные храмы, рушилась также вера в божественное происхождение императора и империи, в бессмертие погибших. Но это случилось не сразу, не в один день, а происходило медленно, усиливаясь от одного военного поражения к другому. Естественно, что не в одинаковой степени было поколеблено сознание каждого верующего. Известно, что и поныне религиозный культ властвует над умами

миллионов японцев, служит духовному и экономическому угнетению масс крупным капиталом. Но «лед тронулся» уже тогда, в годы вызванных войной массовой гибели людей и колоссальных разрушений.

В не меньшей степени, чем религия, буржуазная пропаганда и традиционное воспитание, угнетению народа способствовала и бюрократическая административная система Японии с ее огромным чиновничьим аппаратом. Мне довелось наблюдать эту систему в действии в годы войны.

Существовавшая с давних времен в Японии система десятидворок (тонари гуми) в годы войны получила дальнейшее развитие. Десятидворка была низовой ячейкой организации населения по месту жительства,

над которой возвышалась громоздкая административная пирамида – участки, районные и городские управления, префектуральные ассамблеи, губернаторства и т. д.

Во главе десятидворки стоял ее руководитель (тонари гуми тё), рекомендованный властями из числа наиболее «уважаемых, обеспеченных и религиозных» жителей данного квартала. Каждая десятидворка была приписана к административному и полицейскому участкам, к религиозному приходу. Как сообщалось в «Правительственном вестнике» («Кампо»), основная функция десятидворки – учет проживающих в данном квартале жителей. Фактически же роль ее была значительно шире. Опираясь на десятидворки, власти проводили воспитание населения в духе «служения трону», мобилизовывали его на охрану жилых кварталов, борьбу с пожарами, поимку бродяг и воров.

Одна из функций десятидворки состояла в выслеживании крамольных мыслей среди ее членов. В обычае японцев – жить и работать всю жизнь на одном месте, поэтому состав десятидворок на девять десятых был постоянным, что облегчало контроль за ней. Не говоря о руководителе, каждый член десятидворки знал все обо всех до мельчайших подробностей: состав семьи, заработки и расходы, нужды и болезни, кто и куда уехал, откуда приехал, кто что говорил и даже что думает. Власти поощряли слежку членов десятидворок друг за другом и доносы. В условиях распространившейся в войну шпиономании в каждом постороннем человеке видели врага, а о появлении на территории десятидворки иностранца немедленно доносили властям. Запуганные слухами об иностранном шпионаже, взрослые и дети старались проявлять бдительность: во время ночных дежурств в своем квартале задерживали прохожих, ловили тех, кто, как им показалось, собирался подавать сигналы

вражеским самолетам, и т. д. Система организаций-десятидворок в городе и деревне насаждала в японском населении всеобщий дух недоверия и подозрительности. Она служила целям дальнейшей милитаризации страны, духовного порабощения масс.

Соседская организация (тонари гуми) готовится к тушению пожара. Июль 1943 г. Токио

Следует признать, что японская военщина и правящие круги затратили немало усилий для психологической обработки населения при подготовке «большой войны» в Азии. Все возможные средства пропаганды были пущены в ход, чтобы убедить японский народ б необходимости и неизбежности войн во имя спасения нации от гибели и порабощения ее другими, более сильными странами. Так, японцам внушили, что развязанная их правительством война была ответом на экономическую «блокаду» со стороны англо-американцев, а боевые действия против Китая и возможное нападение на СССР вызваны стремлением не допустить распространения враждебной «национальному духу» коммунистической идеологии на японской земле. Для обработки населения были пущены в ход и такие аргументы, как перенаселенность Японии, наличие «пустующих» земель в Китае и СССР.

Все это вместе с легендами о божественном происхождении японской нации, расистскими теориями о превосходстве

японского народа над другими народами, широко пропагандируемыми рассказами о прошлых самурайских походах и завоевательных войнах создавало атмосферу шовинистического угара. Спекулируя на этом, современные буржуазные фальсификаторы истории второй мировой войны пытаются выдать искусственно нагнетавшийся шовинизм за «высокий патриотизм» японской нации, а саму войну называют «всенародная» и «великоазиатская».

Довольно успешное внедрение в сознание японского народа националистических идей объяснялось рядом причин. По-видимому, одной из наиболее важных явилось то обстоятельство, что уровень политического самосознания японских трудящихся накануне и в годы войны в целом был еще весьма низким. Недостаточно прочные интернациональные связи японского рабочего класса с пролетариатом других стран, трудности политического руководства со стороны загнанного в подполье авангарда трудящихся – Коммунистической партии делали японские массы безоружными против войны, позволяли милитаристской пропаганде насаждать в умах мелкой буржуазии и части трудящихся любые представления об агрессивной войне как единственном средстве спасения нации, как «целительном бальзаме» от всех социальных несчастий.

Только учитывая многолетнюю психологическую обработку населения в шовинистическо-милитаристском духе, можно понять фанатизм и самопожертвование тех японцев, которые во время войны стали смертниками, а когда Япония потерпела поражение, предпочли покончить самоубийством.

Чашка сакэ — тоже часть ритуала смертника перед заданием. Август 1945 г. Токио

Создание отрядов особого назначения из смертников, именовавшихся «камикадзэ» («божественный ветер»), было не чем иным, как бредовой попыткой спасти проигранную войну. По мере приближения роковой развязки число смертников росло. Если в вероломном нападении на американские корабли 7 декабря 1941 г. участвовало всего 15 смертников, посаженных за штурвалы самолетов и карликовых подводных лодок, начиненных взрывчаткой, то в операции у острова Лейте на Филиппинах в октябре 1944 г. их уже было свыше 3 тыс. К концу 1945 г. было намечено подготовить около 300 тыс. одиночек, способных торпедировать объекты противника на море, в воздухе и на суше. В начале 1945 г. была создана бригада смертников в Квантунской армии, которая погубила тысячи жизней советских воинов.

Японское командование не скрывало массового использования смертников в войне, а газеты и радио регулярно выступали с сообщениями о смертниках, стараясь таким образом

поднимать боевой дух народа и армии. «Подвиги» смертников воспевали на все лады, прославляли их как героев, достойных всеобщего подражания. В дни войны очень часто можно было слышать легенду о нашествии монголов на Японию в XIII в., когда корабли Хубилая разметал у берегов Кюсю «божественный ветер – «камикадзэ». Тонко рассчитанные пропагандистские приемы вроде этой легенды о «божественном ветре» вдохновляли фанатиков, слепо шедших на верную смерть. Докладывая однажды императору, военный министр генерал Анами уверял, что если император прикажет, то все 10 миллионов личного состава армии и флота, не задумываясь, отдадут за него свои жизни.

Вопреки здравому смыслу военные лидеры Японии продолжали по инерции расширять агрессию, призывали к войне «до победного конца». Наиболее оголтелые фанатики, вроде генерала Анами, готовились в огне «решающих» сражений сжечь многомиллионную армию и флот, призывали японский народ «погибнуть, но не сложить оружия». Речь шла, таким образом, о жизни и смерти всей японской нации.

Однако пропаганда массового смертничества, призывы к всеобщему самоуничтожению не встретили широкой поддержки народных масс Японии. К счастью, нашлись трезвые политики и в самом японском руководстве. Отрезвляющую роль сыграло заявление Советского правительства от 8 августа 1945 г., которым объявлялась война Японии. Без сомнения, движение смертников, особенно в конце войны, находилось в глубоком противоречии со здравым смыслом и интересами всей японской нации.

НЕОБЪЯВЛЕННАЯ ВОЙНА

За несколько лет войны многих советских людей постигла безвременная смерть там, где, казалось бы, меньше всего ее можно было ожидать: не в открытом бою, а в результате неожиданного бандитского нападения. Немало их погибло в открытом океане. Я имею в виду неоднократные нападения на советские суда в дальневосточных водах военных кораблей Японии.

Мы не были в состоянии войны с Японией, наши отношения определялись пактом о нейтралитете, подписанным в апреле 1941 г. в Москве. Тем не менее советские корабли и люди гибли от рук морских пиратов, направляемых из Токио. Мне хочется рассказать о судьбе советского грузопассажирского судна «Кола» и его команды.

В свой последний рейс «Кола» вышла в 2 часа дня 13 февраля 1943 г., следуя из Владивостока в Петропавловск-на-Камчатке с грузом мазута и пассажирами. Среди них находились женщины и дети. Война была в разгаре, в Японском море и в Тихом океане шныряли подводные лодки японцев, подкарауливая вражеские корабли.

Как следует из рассказов очевидцев, ночью разыгрался шторм, поэтому видимость на море была плохой. Примерно в середине ночи, когда пассажиры и весь экипаж, кроме вахтенной команды, спали, раздался оглушительный взрыв. Сомнений не было, что корабль подвергся нападению: корпус его разваливался на части и кренился набок. Полураздетые моряки и пассажиры выскочили из кают и кубриков, перерубили крепежные канаты и спустили на воду шлюпки и спасательный бот. Корабль быстро уходил под воду, и люди спешно покидали его. Последними на палубе оставались капитан «Колы» и радист. Тех, кого удалось обнаружить в кромешной тьме, с трудом вытаскивали из ледяной воды и приводили в чувство. Большой бот был перегружен пассажирами. Здесь заранее был сосредоточен запас продуктов и пресной воды, на шлюпках таких запасов не было. Когда корпус «Колы» скрылся под водой, шлюпка с десятью моряками во главе со старшим помощником капитана В. М. Алексеевым следовала на буксире за ботом. Шторм не утихал, шлюпку кидало из стороны в сторону. Вскоре буксир оборвался, и шлюпку погнало ветром все дальше и дальше от бота.

Много дней и ночей отважные советские моряки вели борьбу со стихией. Из-за отсутствия воды люди быстро теряли силы и заболевали. На восемнадцатые сутки из одиннадцати спасшихся в

живых осталось всего четверо: радист Кириленко, старшие механики Смаричевский, Платонов и моряк Мотин. Опытный моряк, радист Кириленко, трижды испытавший кораблекрушения, отдавал все силы, чтобы спасти товарищей от неминуемой гибели, но его возможности были слишком ничтожными. Несколько раз мимо проходили японские военные и гражданские суда. Со шлюпки подавали сигналы бедствия: кричали, стреляли из ракетницы, поднимали на весле белый флаг, жгли остатки одежды. Однако все было бесполезным, японские суда уходили, не обращая на них внимания. Наконец на восемнадцатые сутки японское военно-транспортное судно случайно обнаружило шлюпку с четырьмя моряками, подобрало их и у берегов Японии передало морской полиции. Измученных и обессилевших советских моряков в течение месяца подвергали бесконечным допросам, подозревая их в морском шпионаже. При этом морякам постоянно внушали, что нападение на «Колу» совершили американцы.

Мне довелось в начале марта 1944 г. принимать этих четырех советских моряков от японских властей. Зрелище было ужасным. Вместе с врачом посольства мы прибыли на Токийский вокзал. Наших моряков привели в служебный кабинет начальника вокзала. Они шли раскачивающейся походкой моряков, шли медленно, в один ряд, поддерживая друг друга. Видно было, что от усталости и болезни они едва держатся на ногах. Лица их исхудали и заросли щетиной. Трудно было поверить, что это молодые люди (троим из них едва перевалило за двадцать). Одеты моряки были в жалкие латаные лохмотья, на всех шапки-ушанки, в каких японские солдаты еще в годы интервенции воевали в Сибири.

Хотелось броситься навстречу этим мужественным людям, по-братски обнять каждого и расцеловать. Но мы сдерживали себя, выполняя положенную в таких случаях процедуру «приема – передачи» людей одним государством другому. Японцы на этот раз явно спешили поскорее избавиться от советских моряков. Вместо положенного акта о передаче нам подсунули железнодорожную накладную, доставленную сопровождавшим полицейским. Зная щепетильность японских чиновников, их особую приверженность к формальной стороне любого дела, мы были удивлены и подумывали, нет ли здесь какого-либо подвоха. Еще больше удивило появление с накладной в руках уже известного нашему читателю полицейского Номура. Как потом стало известно, именно Номура вел «расследование» дела о моряках «Колы», принуждал оказавшихся в беде советских людей признаться в шпионаже, пытался выведать сведения о советском

флоте на Дальнем Востоке. Присутствовавший на передаче представитель японского МИДа вел себя как-то неуверенно, не брал на себя руководства процедурой.

Наши моряки держались скованно и угрюмо. Как выяснилось потом, они опасались, что будут переданы вместо работников посольства белогвардейским агентам. Моряки потребовали убедительных доказательств, что мы действительно официальные советские представители. Советскому паспорту они не верили, справедливо опасаясь его подделки. Мое положение оказалось нелепым. В конце концов я твердо потребовал выполнять мои указания, так как я являюсь советским консулом. Решительно и по-военному я опросил каждого, имеются ли претензии к властям, предложил предъявить книжки моряков. Это подействовало. Теперь моряки готовы были выполнять наши распоряжения. Получив приказание идти к машинам, чтобы следовать в советское посольство, радист Кириленко переглянулся с товарищами и кивком головы показал им на выход. И снова моряки зашагали в один ряд, крепко держась друг за друга, следя за тем, чтобы никто не отстал и никого не обидели.

В посольстве моряков приняли как героев. Посол и все свободные от дежурства сотрудники вышли их встретить во двор, поздравляли с благополучным завершением трагической эпопеи, с освобождением из японской неволи. После бани и необходимой медицинской помощи, когда моряки почувствовали себя среди своих товарищей, в посольской столовой произошла та необычная пресс-конференция, которую наверняка помнят все, кто жил в то время в посольстве. Мы восхищались мужеством и стойкостью советских моряков и гневно осуждали виновников случившегося.

После выздоровления советские моряки отбыли на Родину. Мне было поручено сопровождать их. Наш маршрут был таков: Токио, Симоносэки, Сеул, Харбин и далее до советской границы.

Из Токио выехали вечерним экспрессом. Всю дорогу моряки держались вместе. Грустные воспоминания не покидали их ни на минуту. То и дело кто-нибудь из них тяжко вздыхал, приговаривая: «Эх, „Кола“, ,,Кола“» Или с горечью восклицал: «И зачем больной Виктор Михайлович согласился выйти в море?» Речь шла о старшем помощнике капитана В. М. Алексееве, которого очень уважали моряки. Время от времени, беседуя со мной, Кириленко возвращался к первым минутам нашей встречи: «Вы нас извините, Михаил Иванович, что тогда на вокзале мы не сразу поверили вам, не подали руки. Думали, что японские полицейские подставили вместо наших людей каких-то белогвардейцев». Я в который уже раз заверял его, что не имею к ним претензий, что вели они себя тогда правильно.

Пока паром медленно двигался от Симоносэки к корейскому берегу, мы стояли на палубе и обсуждали события на фронте, обменивались впечатлениями о Японии. Старший механик Платонов затронул больной для дальневосточников вопрос о блокаде Японией советского флота в зимнее время. «Посудите сами, товарищ консул, – говорил он, – все северные проливы на Дальнем Востоке замерзают и в течение шести месяцев несудоходны. Сангарский пролив между островами Хоккайдо и Хонсю японское правительство закрывает для советских судов, поэтому для выхода в океан остается только Цусимский пролив. А он, видите, какой для нас коварный Выходит, что наш флот на Дальнем Востоке в течение полугода находится в блокаде и зависит от капризов японского правительства, помогающего в этой войне немцам».

Платонова поддержали другие моряки и снова, в который уже раз, воспроизвели картину потопления советского судна вражеской подводной лодкой. Ни у кого из них не было ни малейшего сомнения в том, что «Кола» была потоплена японской подводной лодкой. Они с гневом говорили о чудовищной провокации, задавали один и тот же вопрос: долго ли так будет продолжаться?

Я расстался с моряками на станции Маньчжурия. Далее их сопровождал советский консул на станции Маньчжурия А. И. Забелин, имевший право многократного пересечения границы.

Случаи с потоплением советских судов в годы войны были не единичными. Совершенно ясно, что цель морских диверсий состояла в том, чтобы столкнуть нас с американцами, вбить клин между союзниками, создать напряженность на наших морских границах. Одновременно преследовались и разведывательные задачи, как часть общей подготовки к агрессии против СССР. И наконец, незаконные действия японского военно-морского флота, который блокировал советское дальневосточное побережье, топил, обстреливал и задерживал советские корабли, несомненно, имели целью оказать практическую помощь гитлеровской Германии в ее войне против СССР.

Необъявленная война японских милитаристов против Советского Союза не ограничивалась только морским пиратством, как это было в случае с грузопассажирским судном «Кола» и другими советскими судами. В советское посольство в Токио поступала информация из всех советских консульств ,в Японии, Маньчжурии, Корее, из немногих действовавших советских учреждений на оккупированной территории Китая. Эта информация говорила о широком фронте враждебной деятельности против нашей страны. На Международном военном

трибунале в Токио генералы Х. Тодзио, О. Ямада, К. Тацуми, М. Томокацу и другие показали, что Япония не только планировала агрессивную войну против Советского Союза, но и вела активную к ней подготовку.

Японские милитаристы сотни раз нарушали государственную границу СССР, вторгались в территориальные воды СССР. Японские воинские части систематически обстреливали советскую территорию со стороны Маньчжурии и с моря, в результате чего было убито и ранено много советских граждан. На границе СССР в 1941-1945 гг. было задержано огромное количество японских шпионов. В этот период японской разведкой было переброшено на территорию СССР более десятка вооруженных банд для проведения диверсионных и террористических актов на территории советского Дальнего Востока[16].

В годы войны на территории Маньчжурии и в Корее существовало несколько советских консульств, в том числе: в Харбине и в Сеуле – генеральные консульства, в Дальнем и на станции Маньчжурия – консульства. Советское правительство не признавало правомерным захват Японией территорий Кореи и Маньчжурии, однако необходимость защищать свои интересы на этих территориях (имущество КВЖД, транзитное сообщение с Японией, консульская защита интересов местных советских граждан и др.) заставляла иметь в названных пунктах консульства. Япония, в свою очередь, имела консульства в ряде пунктов на нашей территории Дальнего Востока. Практика международных отношений допускала такой обмен консульскими учреждениями.

Во время посещения Кореи и Маньчжурии мне довелось воочию убедиться в том, что японские военные власти проводили большую по масштабам и разнообразную по характеру подготовку к войне с СССР на указанных территориях. Встречи и беседы с консульскими работниками еще больше подтверждали это. Подготовка велась главным образом по линии создания мощной группировки Квантунской армии, военного строительства, расширения базы военного производства и идеологической подготовки населения к войне. Насколько эта подготовка была всеобъемлющей, говорили многочисленные и неопровержимые факты. Кстати, само японское правительство и военное командование не стремились скрыть масштабы военных приготовлений в Маньчжурии и Корее, как бы демонстрируя помощь гитлеровской Германии и отвлекая силы СССР.

Так, советский консул в Дальнем П. С. Петров рассказывал, что Квантунская область Маньчжурии, доставшаяся Японии

согласно Портсмутскому договору 1905 г., превращена в одну из главных баз японской агрессии на Дальнем Востоке. Как и по всей Маньчжурии, в Квантунской области существовали десятки националистических легальных и тайных организаций, занимавшихся ультранационалистической пропагандой, подготовкой населения к войне, сколачиванием разведывательных и карательных отрядов для заброски на территорию СССР.

В городах Харбине и Дальнем – центрах скопления русской эмиграции и выросших на рубеже XIX-XX вв. в связи с постройкой КВЖД – преобладали русские нравы и русский уклад жизни, русская архитектура. Покинувшие Россию купцы и дворяне воздвигли здесь русские кварталы, гимназии, построили особняки, торговые лабазы, православные соборы. Что же касается рядовых русских служащих и рабочих дороги и порта, то им были уготованы грязные и прокопченные лачуги типа «собачеевок».

Еще до начала второй мировой войны офицерская часть белой эмиграции в Маньчжурии заметно деградировала. Бежавшие под ударами Красной Армии белые офицеры и чиновники успели промотать все награбленное и вывезенное ими из Сибири и, в потертых кителях царской армии и сюртучках, но неизменно с «Георгиями» на груди, а то и с «анной» на шее, дежурили в присутственных местах в ожидании очередной подачки или случайного заработка.

Наряду с чисто японскими националистическими организациями типа «Общество молодых патриотов» («Кёва кай»), «Общество черного дракона» («Кокурю кай») в Харбине и Дальнем активно действовали русские монархические и черносотенные организации, такие, как «Союз русских офицеров», созданный при покровительстве японских властей из остатков недобитых банд Колчака, Унгерна, атаманов Семенова, Калмыкова и др. Из белоэмигрантов усиленно комплектовали так называемую «армию спасения России», готовили карательные и разведывательные отряды для действий на советской территории в случае японской агрессии.

Руководители японской военной миссии в Харбине и губернаторства в Квантунской области в душе презирали местное русское население. Они с трудом переносили балы в русском собрании, престольные праздники с колокольным звоном и купеческими оргиями. Разложившиеся за годы безделья казаки атамана Семенова причиняли немало хлопот японским властям, и, наверное, те давно бы с ними распрощались, если бы не предстоящий поход на Советский Союз, о котором в 1943 г. еще

продолжали мечтать в Токио и в Чаньчуне, где квартировал штаб Квантунской армии. В японском Генеральном штабе строили фантастические планы о том, что на основе банды атамана Семенова в первые же дни японской агрессии развернется «армия спасения России», которая потопит в крови Советскую власть на Дальнем Востоке. Поэтому-то и мирились с белыми организациями бывших русских генералов Радзйевского, Нечаева, Токмакова, Ханжина и др.

Наш консул на станции Маньчжурия А. И. Забелин рассказывал, что японские военные и полицейские власти на границе все больше наглеют, демонстративно творят беззакония в отношении командированных и местных советских граждан. Националистические организации и фашистские молодчики из организации «Кёва кай», в которой активное участие принимали бывшие белые каратели Колчака и отпетые белоэмигранты, устраивали демонстрации перед советским консульством, угрожая погромом, блокировали консульскую территорию, выключали свет и воду, не давали пользоваться телефоном. Мэр города избегал встреч с советским консулом, а если и принимал его, то только в присутствии начальника полиции, причем старался говорить грубо. За советскими людьми на станции и в городе велась непрерывная слежка, из домов и лавок обычно слышались в их адрес грубая брань и злобные выкрики. Для сотрудников консульства в городе была выделена всего лишь одна улица для передвижения, на которой имелись далеко не все нужные лавки и учреждения; посещать же другие улицы можно было только с разрешения полицейских властей. Консулу и секретарю запрещали выходить к поездам и встречаться с проезжавшими через станцию советскими гражданами. В связи с разгромом немецких войск под Сталинградом на станции и в городе был объявлен траур. По этой причине на неделю закрыли все продуктовые лавки, рассчитывая вызвать возмущение среди населения и натравить его на советское консульство. Выходившая в Хайларе местная газетенка была полна грязных антисоветских измышлений, лжи и клеветы на советский народ. Нередко с ее страниц слышались прямые военные угрозы в адрес Советского Союза.

Помню, проведя пару дней на станции Маньчжурия, я убедился в том, что консул рассказал далеко не все о тех безобразиях, какие творились вокруг советского консульства. Покоя не было даже тогда, когда консул или кто-либо из сотрудников находился в помещении и не выходил в город. В какую бы комнату в консульстве ни входил человек, она просматривалась из ближайших домов, с соседних крыш и даже с

осветительного столба, на котором часами сидел человек и копался в проводах. Если окна занавешивались или закрывались ставнями, полицейские наблюдатели устраивали шумовые эффекты, бросая во двор металлические предметы и бьющуюся стеклянную посуду. Даже собака во дворе консульства боялась этих дикарей, не принимая от них никаких подачек. Выйдя с консулом на улицу, я отметил для себя, что она полна, точно в джунглях, таинственных и злобных взоров, вызывающих на скандал. Кто-то перед нами умышленно наступил на хвост кошке. Как только мы пытались войти в какую-нибудь лавку, с шумом захлопывались деревянные ставни, что означало «перерыв на обед». Участники этого хулиганского шабаша все делали нарочито, демонстрируя безнаказанность своего поведения.

Когда для японской военщины стало очевидным, что победить Советский Союз в честном и открытом бою невозможно, она начала подготовку к войне с применением ужасающих, бесчеловечных средств – бактериологического оружия. В Харбине активизировался бактериологический отряд № 731, руководимый генерал-майором Сиро Исии. Скрытая под землей вблизи Харбина центральная лаборатория отряда погубила не одну сотню и тысячу жизней китайцев и русских, чтобы на живом человеческом организме проверить болезнетворные сыворотки и затем со стопроцентной гарантией заражать обширные районы советского Дальнего Востока смертоносными бактериями. Многочисленные отряды – филиалы отряда № 731, расположенные вдоль всей советско-маньчжурской границы, в 1944 г. стали регулярно получать из харбинского отряда ящички с маркировкой «№ 731 / Исии Сиро». Содержимое этих посылок должно было принести на советскую землю массовые заболевания: дизентерию, холеру, брюшной тиф, сибирскую язву, сап и т. д.

Убийца в мундире японского генерала, казалось бы, все сделал, чтобы в дни капитуляции Японии замести следы злодеяний: взорвал подвалы центральной лаборатории, надежно спрятал документацию, умертвил живых свидетелей и лиц, причастных к подготовке бактериологической войны, наконец, сменил фамилию и даже внешний облик. Однако ему не удалось спастись от справедливого возмездия.

В дни работы Международного военного трибунала в Токио мне довелось видеть его на скамье подсудимых. Теперь он напоминал не генерала, а гнилого червя, извлеченного руками правосудия из зловонной жижи харбинских лабораторий. Исии держался неуверенно, на вопросы советских обвинителей отвечал вяло и невразумительно. Смертный приговор он уготовил себе давно всей своей омерзительной деятельностью, однако на суде

пытался скрыться за спину высших военных чинов, давших ему инструкции о подготовке бактериологической войны против СССР.

В конце 1943 – начале 1944 г. в Японии и на оккупированных ею территориях прокатилась волна репрессий против местных советских граждан и живших здесь русских. Эта политика была направлена на их изоляцию от советских учреждений. В Маньчжурии, Корее, Шанхае, Тяньцзине надругательства носили массовый характер, а отношение к советским гражданам и лояльным к СССР русским эмигрантам мало чем отличалось от отношения к гражданам враждебных стран. Примеров дискриминации местных советских граждан со стороны японских властей за годы войны было более чем достаточно.

7 ноября 1943 г. в советском посольстве в Токио, как обычно, устраивался прием по случаю 26-й годовщины Октябрьской революции. Как и в предшествующие годы, список гостей был весьма ограниченным: японцы неохотно шли к нам в гости, состав посольства был сокращен, ощущался недостаток в продуктах. Все же кроме членов дипкорпуса были приглашены некоторые депутаты парламента, представители газет, кое-кто из деятелей культуры, а также лица, соприкасавшиеся с нами в повседневной жизни: врачи, преподаватели, представители местных административных органов. Как правило, мы никогда не приглашали на прием членов императорской семьи, поскольку они по традиции никуда не выезжали. Воздерживались от приглашения реакционных деятелей, руководителей националистических организаций. Были приглашены и все находившиеся в Японии советские граждане.

Интересно и другое: японских гостей на прием явилось значительно больше, чем пригласило посольство, Гостем № 1 был министр иностранных дел Мамору Сигэмицу, который совершенно неожиданно для нас пришел за пять минут до объявленного времени. Двигался он, опираясь на палку, и сразу же попросил стул. Протокольное время для гостей кончилось, а Сигэмицу как ни в чем не бывало продолжал сидеть, поддерживая светский разговор и всячески уклоняясь от политических тем.

Для нас этот день был необычным: за несколько часов до приема московское радио сообщило приказ советского главного командования о форсировании нашими войсками Днепра и овладении Киевом. Откровенно говоря, мы хотели отпраздновать это известие в своем кругу, но Сигэмицу сидел и, кажется, не собирался уходить. Время приема давно уже истекло, а присутствующие не уходили, ожидая ухода главного гостя. В этот раз министр иностранных дел Сигэмицу пробыл в советском

посольстве более двух часов – случай беспрецедентный для того времени. Лишь во времена А. А. Трояновского, являвшегося полпредов СССР в Японии в 1927-1933 гг., было возможно подобное, когда советский посол бывал личным гостем императора, а японские министры посещали посольство и задерживались дольше обычного. Было похоже, что события на советско-германском фронте все больше дают о себе знать и японская дипломатия ищет пути улучшения японо-советских отношений.

Но удивило нас и другое. Никто из приглашенных местных советских граждан не пришел на прием, чего никогда раньше не было. Уже после праздника мы узнали, что японские власти сделали так, что ни один местный советский гражданин не смог прийти в посольство на праздник своей страны: им отказали в приезде в Токио или запретили в дни 26-й годовщины Октября выходить на улицу.

ПЕРЕЛОМ В ВОЙНЕ НА ТИХОМ ОКЕАНЕ

1944 год для Японии начинался в крайне неблагоприятной обстановке. Ее союзник – нацистская Германия – терпел на Восточном фронте одно поражение за другим. Сама Япония пыталась реализовать утвержденную императором 30 сентября 1943 г. «новую стратегическую систему и политический курс страны». Эта новая стратегия намечала проведение решающего морского сражения в южной и центральной частях Тихого океана, наступление в Бирме, в Восточной Индии, Центральном и Южном Китае, а также значительное усиление Квантунской армии. Успех этих планов означал бы разгром главных сил флота США и срыв его наступательных операций, ликвидацию бирмано-индийского фронта с полной изоляцией Англии от Китая и зоны Южных морей, разгром сил чунцинского режима и его капитуляцию, растущую угрозу границам Советского Союза. Новый политический курс предусматривал укрепление международных позиций Японии для благоприятного выхода ее из войны, дальнейшее усиление военной помощи Германии, укрепление внутреннего экономического и политического положения страны.

Вследствие просчетов высшего руководства Японии эти планы не принесли ожидаемых результатов. Основные военные операции закончились с огромными-для Японии потерями в живой силе и боевой технике, привели к потере отдельных территорий, истощению материальных ресурсов.

Чтобы яснее представить себе, как ухудшалось военно-стратегическое положение Японии, необходимо вспомнить основные события на фронтах со второй половины 1943 по 1945 г.

Август 1943 г. Японские войска окончательно оставляют Алеутские острова, и передовая линия их обороны на севере перемещается на Курильские острова.

Сентябрь 1943 – март 1944 г. В результате ожесточенных боев в зоне Соломоновых островов Япония вынуждена оставить ряд территорий, понеся при этом значительные потери (свыше 130 тыс. человек, более 70 боевых и 120 транспортных судов, не менее 3 тыс. самолетов).

8 марта – 10 шюля 1944 г. В ходе Импхальской операции в Бирме Япония терпит жестокое поражение, потеряв две трети личного состава и всей боевой техники, имевшихся у нее на данном стратегическом направлении.

Весна – лето 1944 г. Разворачивается наступление японских войск в Китае, которое, однако, не приводит к победе над Чунцином.

9-22 июня 1944 г. Морское сражение в зоне мандатных островов и в водах восточнее Филиппинского архипелага. За короткий период сражения Япония теряет: 90 военных кораблей (общим тоннажем 340 тыс. т), 850 самолетов, свыше 100 тыс. человек личного состава; оставлены острова Сайпан, Тиниа Гуам и много других.

Осень 1944 г. Морской бой в заливе Лейте. Японские войска терпят поражение и оставляют Филиппины.

Конец 1944 г. Начинаются массовые бомбардировки авиацией США островов Тайвань, Окинава, Кюсю, также Токио и других городов Японии.

О положении на фронтах мы узнавали из сообщений радио Сан-Франциско и сводок японского информбюро. Конечно, каждая из сторон допускала немалые искажения, занижая свои потери и преувеличивая победы, однако внимательное сопоставление публикуемых данных позволяло в известной мере выявить истинное положение дел.

Американские военные историки в последние годы, много пишут о том, что перелом в войне на Тихом океане произошел в результате морского боя в июне; 1942 г. у острова Мидуэй, называя его «решающим морским сражением» второй мировой войны, якобы определившим поворот от обороны к наступлению. Думается, что по масштабам и по степени влияния на ход всей войны морской бой у атолла Мидуэй в лучшем случае можно отнести к успехам оперативного значения. Известно, что и после июня 1942 г. американские и английские войска продолжали отступать на Тихом океане и в Южных морях, давая Японии возможность активизировать действия на других фронтах, а генерал Макартур вынужден был перенести свой штаб в Австралию, где он оставался до конца 1944 г. Сами японцы называли неудачный для них бой у острова Мидуэй всего лишь «досадной осечкой».

Как уже говорилось, благоприятные условия для побед наших союзников в войне на Тихом океане сложились после битвы под Орлом и Курском, когда Красная Армия в единоборстве с Германией сломила хребет фашистскому зверю. Англо-американские союзники использовали почти двухлетний период 1942-1943 гг. для накопления резервов и перехода в наступление.

В морских и воздушных боях, происходивших в зоне Соломоновых островов с сентября 1943 по март 1944 г., им удалось расшатать японскую оборону, а в ходе морского сражения

у острова Гуам прорвать ее. Наряду с провалом планов Японии на других фронтах, в том числе в Бирме и Китае, ее поражение в первом морском сражении за Филиппины в середине 1944 г. означало действительный перелом в войне на Тихом океане и в Азии.

Военные неудачи Японии весной и летом 1944 г. вместе с известиями о разгроме немцев на советско-германском фронте породили брожение в руководящих кругах страны и вызвали правительственный кризис. Наиболее ярким проявлением этого кризиса явилось падение в июле 1944 г. военного кабинета генерала Тодзио.

Как уже говорилось, новый военно-политический курс Японии, принятый в середине 1943 г., состоял еще и в том, чтобы, не ослабляя военных усилий, искать выход из войны путем дипломатических маневров и сепаратных переговоров. Высшему политическому руководству Японии скоро стало ясно, что кабинет генерала Тодзио не способен сочетать успешные военные действия и гибкую внешнюю политику. Нечего было надеяться, что какое-то правительство враждебных государств пойдет на переговоры с военной кликой, вероломно развязавшей войну, тем более в условиях резкого изменения военной обстановки в пользу союзников. Что касается Советского Союза, то он с самого начала решительно осуждал агрессию японского милитаризма и его симпатии целиком были на стороне союзников по антигитлеровской коалиции. После Тегеранской конференции (ноябрь 1943 г.) он еще был и связан определенными обязательствами перед союзниками.

По доходившим до нас слухам, в японском руководстве шла острейшая борьба по вопросу о путях продолжения войны и достижения достойного мира.

С 1941 г. & Токио никогда не высказывались столь разноречивые мнения о войне, как теперь. Во всех сферах руководства отлично понимали, что пик военных успехов Японии остался позади и шансов на окончательную победу становится все меньше и меньше. Вершители судеб страны в середине 1944 г., как никогда ранее, расходились в оценке перспектив войны и сложившегося международного положения. В этом заключались главные причины правительственного кризиса.

Выше уже говорилось о разногласиях основных враждующих групп в японском руководстве – крупного капитала, военщины и дворцовой бюрократии. Наиболее прочными были позиции высшей знати, тесно связанной с императором. А что же думал о войне премьер Тодзио?

Несмотря на однобокость и прямолинейность своего

мышления, генерал Тодзио, видимо, понимал серьезность военного, экономического и политического положения страны. Это видно хотя бы из его выступления на 82-й сессии японского парламента, когда он признал, что Япония переживает самый трудный момент во всей ее истории. При всей невыразительности речи Тодзио (мне довелось ее слушать) нельзя было не заметить, что его обуревают сомнения и колебания. Он то и дело задавал себе вопросы и тут же давал на них ответ. В частности, Тодзио, обращаясь к депутатам, спросил: «Правильно ли поступило правительство, начав в 1941 г. войну против блока АБСД?» И сам ответил: «Да, правильно! Другого пути у Японии не было!» Однако, несмотря на все сомнения, Тодзио твердо стоял на своем: война до победного конца.

Мне вспоминается беседа на борту японского парохода в июле 1944 г., когда я возвращался из Шанхая, с одним видным японским чиновником, ставшим позднее членом парламента, а потом и министром. Сначала судьба свела нас с ним на пути из Нагасаки в Шанхай, когда общие тревоги, связанные с нападением подводных лодок, сближали пассажиров разных стран и разных убеждений. В Шанхае мы снова случайно встретились и вместе обедали, а теперь возвращались одним пароходом. Как обычно, беседа велась о погоде, о море, о разных обычаях и, конечно, о политике. Вопрос об отставке кабинета Тодзио в то время был особенно злободневным.

Не могу из-за давности лет привести дословно высказывания японского чиновника, но общий смысл их таков. Накануне «большой войны» генерал Тодзио нужен был всем, он устраивал все группировки в японском руководстве. В военных делах он не являлся таким опытным, как маршалы Сугияма или Тэраути, однако обладал незаурядной волей и настойчивостью, не боялся рисковать. Тодзио хотел войти в историю создателем «Великой Японии». Его полушутя называли «рейхсканцлером Великой Восточной Азии». Мой собеседник напомнил историю полководца феодальных времен Тоётоми Хидэёси – выходца из простого самурайского рода, поднявшегося до положения главы правительства и прославившего себя объединением раздробленной феодальной Японии и завоевательным походом в Корею. Таким хотел стать и генерал Тодзио. По мнению моего собеседника, генерал Хидэки Тодзио был человеком временных успехов, поднявшимся на гребне военных событий 1941 г. Военные неудачи на Тихом океане, в Китае и Бирме повлекли за собой падение его правительства.

В японской столице разговоры о предстоящей смене правительства оттеснили на второй план все другие темы. Из

бесед с иностранными коллегами и моими товарищами по работе, из множества догадок и предположений, подчас самых невероятных, вполне определенно выявлялась первопричина сложившейся ситуации. Японские кабинеты никогда не играли самостоятельной политической роли. Не составляло исключения и правительство генерала Тодзио, также действовавшее по указке правящей дворцовой верхушки и в интересах крупных промышленно-финансовых магнатов – концернов «Мицуи», «Мицубиси», «Сумитомо», «Ясуда» и др. Выполняя волю крупного капитала, военщины и бюрократии, это правительство развязало войну и делало все, что было в его силах, для достижения скорейшей победы. Однако, будучи недальновидным политиком и заурядным военным деятелем, генерал Тодзио не понимал объективного хода событий и того, что Япония рано или поздно проиграет эту несправедливую войну. Тодзио тщетно искал причину неудач в частных ошибках и промахах, тогда как они крылись в общей политике колониальных захватов и военного разбоя, проводившейся японскими правящими кругами на протяжении многих десятилетий.

С ухудшением военной и политической обстановки, особенно после поражения в районе острова Гуам и Марианских островов и начала массовых налетов американской авиации на города Японии, в различных кругах усилилась критика правительства. Нельзя исключать и того, что эта критика не только не пресекалась, но и поощрялась какой-то частью правящей верхушки. Достаточно напомнить, как на одном из заседаний верхней палаты японского парламента принц Коноэ позволил себе выступить с заявлением о росте коммунистической опасности и недовольстве в стране деятельностью правительства, что, несомненно, бросало тень на кабинет Тодзио.

Летом 1944 г. Тодзио явился к министру двора маркизу Кидо и предложил реорганизовать военный кабинет, оставив за ним пост премьер-министра. Обязанности военного министра он предполагал передать маршалу Гэн Сугияма, а начальника Генерального штаба – генералу Усироку Дзюн. Тодзио еще не знал, что группа «дзюсинов» во главе с принцем Коноэ уже выразила ему недоверие и на пост премьера подбирают нового кандидата. Когда Тодзио узнал об этом, он понял, что ему не остается ничего другого, как собрать кабинет и подать прошение об отставке. 18 июля 1944 г. отставка правительства Тодзио была принята императором. Формирование нового коалиционного правительства поручили генералу Куниаки Коисо и бывшему премьеру и члену группы «дзюсинов» адмиралу Мацумаса Ионаи.

Появление на политической арене генерала Коисо немало

удивило иностранных наблюдателей. В течение всей войны это был малозаметный руководитель японской колониальной администрации в Корее, не проявивший себя ни в политических, ни в военно-стратегических областях. В те годы в Японии имелось много гораздо более крупных политических и военных деятелей, таких, как принц Коноэ, бывшие премьеры Хирота, адмирал Окада, генерал Абэ, бывшие министры в ранге маршалов и генералов Сугияма, Тэраути, Угаки. Каждый из них по своему опыту и авторитету стоял на голову выше генерала Коисо. Позже, когда время поставило все на свое место, стало совершенно очевидным, что коалиционный кабинет Коисо – Ионаи был временным, переходным на пути к созданию правительства капитуляции.

22 июля 1944 г. на страницах токийских газет появилось программное заявление нового правительства. В нем, в частности, говорилось, что оно полно решимости «сплотить нацию Ямато, чтобы разгромить ее противников и энергично довести войну до успешного завершения».

Как показали дальнейшие события, генерал Коисо не был готов к новой для него роли главы военного правительства, оказался не способен оценить всю глубину военной опасности, нависшей над страной, понять сложную политическую игру, в результате которой он стал премьером. Ему казалось, что военные неудачи в Южных морях и в Китае послужили истинной причиной падения кабинета Тодзио, тогда как они явились лишь предлогом для его отстранения. У Коисо не было своего плана продолжения войны в Азии и на Тихом океане, поэтому добиться перелома в войне он не мог, тем более что военные руководители игнорировали его, важнейшие стратегические решения принимали без его участия.

По мнению высшего руководства Японии, для того чтобы закончить войну почетным и выгодным миром, нужно было скорее избавиться от наиболее одиозной фигуры – военного диктатора Тодзио и создать правительство, способное прийти к миру с помощью хитроумных комбинаций оружия и дипломатии. Однако генерал Коисо менее всего подходил для осуществления этого нового курса.

Пока шла обычная процедура формирования кабинета и передачи обязанностей членами правительства, наступило резкое ухудшение международного и внутреннего положения Японии.

Советские войска, развивая стремительное наступление по всему фронту от Баренцева до Черного моря, гнали гитлеровцев с советской земли и вступили на территорию Восточной Пруссии, Польши, Болгарии и Румынии, оказывая помощь народно-

освободительным силам этих стран в борьбе с нацистами и их ставленниками. В Нормандии союзники наконец-то открыли долгожданный второй фронт, вследствие чего усилилась антигитлеровская борьба народов Западной Европы. Все это увеличило боязнь японских правителей, что после поражения Германии они окажутся в полной международной изоляции.

После освобождения Марианских островов, расположенных в центральной части Тихого океана, США приступили к созданию на островах Гуам, Сайпан и Тиниан передовых баз для предстоящих операций против самой Японии, а также Филиппин, Окинавы и т. д.

В самой Японии к осени 1944 г. создалось чрезвычайно сложное экономическое положение. Сокращение стратегических резервов шло значительно быстрее, чем предполагалось ранее. Запасы горючего, металла и продовольствия могли обеспечить активные военные действия максимум в течение четырех – шести месяце. Потери военных и торговых судов в ходе боевых операций и при перевозках возмещались судостроитель ной промышленностью не более чем на 35-40%. Ні хватало самолетов, танков и боеприпасов. Это диктовало необходимость решительных экономических мер прежде всего расширения военного производства и па полнения запасов продовольствия.

Такова была реальная обстановка, в которой пришлось действовать правительству Коисо – Ионаи, призванному «спасти нацию от военного поражения и да вести войну до полной победы». Не следует, однако думать, что положение Японии к середине 1944 г. было совершенно катастрофическим. Оно было крайне трудным, но не безнадежным. Новое правительство действовало в заданном ему режиме: кое-что изменило, кое-что из того, что считало целесообразным, старалось довести до конца. Главным в его деятельности оставалось дальнейшее превращение страны в военный лагерь, подчинение всей ее жизни задачам войны.

Чтобы упрочить свое положение в качестве главы военного правительства, генерал Коисо внес ряд предложений по реорганизации военного управления. В частности, он стремился стать основным докладчиком императора по военным и внешнеполитическим вопросам, настаивал на слиянии военного и морского министерства и создании единого Генерального штаба. Себя он прочил на посты главы объединенного военного министерства и председателя Верховной ставки, а также министра иностранных дел. Цель реорганизации состояла в том, чтобы ликвидировать постоянные антагонизмы флота и армии при дележе ассигнований, морского тоннажа, самолетов и

боеприпасов и устранить двойное командование на смешанных театрах воины.

Хотя Коисо встретил твердую оппозицию со стороны военных и политических деятелей (первые были против его вмешательства в сугубо военные дела, а вторые во главе с Коноэ не хотели допустить совмещения им постов премьера и министра иностранных дел), все же ему удалось добиться некоторого упорядочения в системе управления. Был образован Высший совет по руководству войной. На первых же заседаниях Высшего совета с участием премьера Коисо, морского министра Ионаи, военного министра Сугияма, начальника Генштаба армии Умэдзу, начальника морского штаба Оикава и министра иностранных дел Сигэмицу были рассмотрены вопросы международного положения и дальнейшего ведения войны в Азии и на Тихом океане. Высший совет просуществовал до конца войны. Наряду с ним продолжали действовать Тайный совет, вырабатывавший рекомендации императору, и Верховная ставка, которая по-прежнему выполняла функции главного органа стратегического планирования и руководства операциями на театрах войны.

Одним из первых мероприятий Высшего совета по руководству войной было указание провести решающую операцию у Филиппин, известную в дальнейшем как «второе морское сражение за Филиппины». Оба могущественных соперника – Соединенные Штаты Америки и Япония – долго и тщательно готовились к новому сражению, сосредоточив свои главные силы в западной части Тихого океана. Японское командование ставило задачей разбить главные силы США на море, укрепить линию японской стратегической обороны, создать благоприятную обстановку для переговоров о мире. Американцы же стремились освободить Филиппины, превратив их в базу для нападения на собственную территорию Японии и отрезав японские войска на юге и в Китае от метрополии.

Обе стороны сосредоточили у Филиппин до 400 боевых кораблей различных классов, около 2 тыс. военных транспортов, свыше 3 тыс. самолетов, более 450 тыс. войск. Американцы превосходили противника в авиации и боевой технике, японцы же имели некоторое преимущество в маневренности. Японское командование впервые прибегло тогда к массовому использованию отрядов специального назначения – смертников.

Первыми в бой на сей раз вступили американские ВВС. С 10 по 15 октября они подвергли массированной бомбардировке военные объекты на Тайване, Филиппинах и Окинаве. 17 октября части морской пехоты США под прикрытием артиллерии кораблей флота и авиации начали высадку десантов на острове

Лейте. Японцам потребовалось несколько дней, чтобы собрать силы для отражения десанта.

Самые жаркие бои на море и в воздухе разгорелись 25-26 октября, когда американцы мощными ударами флота и военно-воздушных сил нанесли большой урон Объединенному флоту Японии и вывели из строя почти всю авиацию. Японский флот потерял 3 линкора, 3 авианосца, 6 крейсеров, 8 подводных лодок, 12 эсминцев, сотни малых судов и военных транспортов. Общие потери Японии в боях за Филиппины были много значительнее. В результате японская морская и сухопутная авиация навсегда утратила инициативу в воздухе. В начале 1945 г. японские войска вынуждены были оставить Филиппины.

Поражение Японии в морском сражении за Филиппины вместе с неудачами в Бирме и Китае означало для Японии переход от наступления к длительной и тяжелой обороне, потерю всюду японскими войсками стратегической инициативы.

Таким образом, перелом в войне на Тихом океане и в Азии произошел не после одного морского боя в июне 1942 г. у острова Мидуэй, как об этом пишут американские историки, а значительно позднее – в конце 1944 г. и вследствие всей неблагоприятной для Японии международной и военной обстановки, сложившейся в результате внушительных побед Советских Вооруженных Сил над силами гитлеризма и совместной борьбы сил антигитлеровской коалиции во главе с Советским Союзом.

В ГОРЯЩЕМ ТОКИО

Наши отношения с Японией в последний период войны продолжали претерпевать самые неожиданные перемены. Временами казалось, что правящая верхушка Японии готова в новой и сложной обстановке пойти на пересмотр своей политики в отношении Советского Союза. Однако очень скоро выяснилось, что это всего лишь видимость изменения курса. Правящие круги и в 1944 г. продолжали тешить себя надеждой на раскол антигитлеровской коалиции, на изоляцию от нее СССР. Это находило отражение в японских радиопередачах на заграницу и даже в выступлениях некоторых членов японского правительства и депутатов парламента. В частных беседах об этом говорили еще более откровенно. К сожалению, определенные основания для таких надежд давали отдельные выступления представителей наиболее реакционных кругов западных стран – наших союзников в войне с фашистской Германией, как, например, посла США в Советском Союзе Буллита.

По мнению токийских политиков, раскол среди союзников накануне военного разгрома Германии в условиях растущих военных неудач Японии был бы равносилен победе стран фашистского блока. Из Токио один за другим направлялись с тайными миссиями послы в Чунцин, Швейцарию, Швецию для дипломатического зондажа и проведения сепаратных переговоров. В одном из номеров вышедшего во втором полугодии 1944 г. журнала «Форин эфферз» его издатель и главный редактор Оно в редакционной статье, обращаясь к союзникам, намекал, что не в их интересах окончательно разрушать немецкое государство в центре Европы, к чему, мол, стремятся большевики России. В Токио с нетерпением ждали определенной реакции на подобные обращения, продолжали лелеять мечту, что они принесут свои плоды.

6 ноября 1944 г. И. В. Сталин выступал в Москве с докладом по поводу 27-й годовщины Октября. Полночь. Весь наш коллектив собрался у радиоприемника в клубе посольства, и каждый старался, несмотря на сильные радиопомехи и непрерывный треск динамика, не пропустить ни одного слова. Сталин говорил об успехах Красной Армии в истекавшем году и подводил слушателей к выводу, что недалек тот день, когда будет навсегда покончено с гитлеризмом. В разделе, содержавшем оценку международного положения, он назвал Японию агрессором. Вот она – реакция Москвы. Теперь надо ждать практических шагов Советского Союза. Все знают, что за словами советских

руководителей всегда следуют соответствующие дела.

На следующее утро токийские газеты вышли с самыми краткими отчетами о торжественном заседании в Москве, но слова из доклада Сталина, касавшиеся Японии, были приведены всеми ими полностью. Ясно, что заявление главы Советского правительства не по нутру японским руководителям, надо ждать новых резких выпадов и пакостей с их стороны. Так и есть: вскоре произошел очередной всплеск антисоветизма.

В середине ноября 1944 г. прокатилась широкая волна арестов в Токио и других городах Японии. Официальная причина у всех их была одна: нарушение закона «Об охране общественного спокойствия». Первым сигнал к наступлению реакции подал принц Коноэ. Выступая в верхней палате парламента, он с тревогой говорил о распространении среди некоторых слоев японской общественности антивоенных и пораженческих настроений. Новую волну арестов власти связывали с якобы возросшей коммунистической опасностью, причем делали прозрачные намеки на «причастность» Москвы. Прием достаточно избитый, однако в условиях военной Японии он неизменно приносил реакции известную выгоду.

Утром 7 ноября 1944 г. в токийской тюрьме Сугамо были казнены советский разведчик Рихард Зорге и японец Ходзуми Одзаки, приговоренные к смерти военным судом в 1943 г. Решение о казни через повешение, выбор дня казни – 7 ноября – говорили сами за себя. Теперь, когда война шла к своему финалу, преступная военная клика спешила совершить еще одно кровавое злодеяние. Лишив жизни мужественных антифашистов, она рассчитывала посеять страх у всех, кто осмеливался бороться против войны. Суд и казнь свидетельствовали о неукротимой злобе японских палачей, бесновавшихся от сознания собственной обреченности.

Ненависть японской реакции к Советскому Союзу и его представителям подрывала и без того ненормальные отношения между нашими странами. Местные власти не без ведома Токио создали совершенно невыносимые условия для деятельности советских консульств в Хакодатэ и Цуруге, искусственно усложняли переговоры по рыболовству, развязали в печати кампанию антисоветской клеветы, поощряли шпиономанию. В Токио резко возросло число провокаций в отношении советских сотрудников, участились случаи проникновения ночью на территорию посольства агентов полиции под видом преследуемых властями корейцев и китайцев, усилились притеснения русских эмигрантов. В тот период сводки событий показывали увеличение количества нарушений японцами

советской границы и советских территориальных вод. Это была традиционная для японских империалистов тактика «твердого курса». Однако подобный курс не мог принести терпящему поражение агрессору никакой реальной пользы.

Начиная с ноября американские военно-воздушные силы совершали регулярные воздушные налеты на города и промышленные центры Японии. Воздушные бомбежки и вызванные ими пожары в городах в годы войны стали подлинным национальным бедствием Японии. Если бы меня спросили те, кто хочет знать всю правду о войне, например дети, потерявшие своих родителей, хорошо или плохо уничтожать города вместе с мирным населением и культурными ценностями, я бы, наверное, ответил: плохо, но неизбежно во время войны. Войну можно исключить из жизни общества. Но если она началась, избежать разрушений и жертв почти невозможно. Однако есть моральные нормы войны, ее законы и обычаи, выполнение которых обязательно для всех ее участников. К примеру, нельзя убивать пленных, когда они безоружны или сознательно отказались от борьбы; нельзя убивать женщин, детей и стариков, беззащитных перед лицом врага; нельзя из мести превращать в руины сокровища национальной культуры и т. п. Что касается минувшей войны, мне, как очевидцу, представляется, что японское командование первым нарушило законы и обычаи войны, а американцы ответили тем же и в немалой степени приумножили жестокость и варварство войны, используя напалм и атомное оружие.

16 июня и 8 июля 1944 г. американские ВВС предприняли с баз в Китае массированные дневные налеты на промышленные объекты острова Кюсю. Прибывший с Кюсю очевидец рассказывал, что бомбардировщики Б-24 и Б-29 группами по 10 самолетов заходили с моря на города Модзи и Симоносэки и далее шли на металлургические заводы в Явате и Кокуре. Японские истребители были заранее оповещены соответствующими службами и вылетели навстречу двигавшимся на разной высоте самолетам. Над проливом Модзи – Симоносэки японские зенитные орудия и пулеметы открыли яростный огонь. Им удалось подбить несколько самолетов. Американские летчики пытались выброситься с парашютами, однако японские истребители и зенитчики расстреливали их в воздухе, а тех, кто достигал земли, добивали чем попало местные жители.

Видимо, этот рассказ соответствовал действительности, поскольку вскоре после налета 16 июня правительство США обратилось к правительству Японии с протестом против бесчеловечного обращения населения с американскими

летчиками, что являлось нарушением Гаагских конвенций о военнопленных.

После падения островов Сайпан и Гуам во второй половине июля 1944 г. газета «Асахи» поместила схему американских баз, с которых возможно воздушное нападение ВВС США на японские города. Из этой схемы следовало, что авиабазы США на островах Сайпан и Тиниан (Марианские острова) находятся от Токио на удалении 3 тыс. км, базы на Алеутских островах – на удалении 4 тыс. км, базы в Китае – 3,5 тыс. км. Тут же приводилась справка, за сколько летных часов американские бомбардировщики Б-29 («Летающая крепость») и палубные самолеты Б-25 способны достигнуть Японии и какой бомбовый груз они могут сбросить на ее города и промышленные центры. Публикацией подобных материалов японские газеты, несомненно, пытались подготовить общественное мнение к предстоящим бомбардировкам и заодно оправдать проводимые в стране мобилизационные мероприятия.

Примерно в то же время (август – сентябрь) японская печать, видимо инспирируемая правительственными службами, не без умысла развернула дискуссию о том, разрешит ли Советский Союз использовать свою территорию на Дальнем Востоке для промежуточного базирования американской авиации, участвовавшей в рейдах на Японию.

Осенью 1944 г., ввиду того что японская строительная фирма не справилась со сроками строительства бомбоубежища в посольстве, нам разрешили эвакуировать семьи и часть сотрудников в местечко Гора. Там они проживали до последнего дня войны.

24 ноября 1944 г. самолеты США совершили очередной налет на Токио. В середине ночи жители вдруг услышали сигнал воздушной тревоги и предупреждение по радио о приближении со стороны океана американских бомбардировщиков. Примерно через 30 минут после объявления воздушной тревоги с оглушительным ревом промчались над посольством на небольшой высоте несколько тяжелых машин, скрытых от наблюдения низкими дождевыми облаками. В первый же заход они сбросили зажигательные бомбы, образовав на территории посольства и вокруг него сплошной очаг пожара. Поднявшись на крышу одного из зданий, мы наблюдали за первым «гостинцем», доставленным нашими союзниками.

Столица была погружена во мрак, вокруг ни единого проблеска света. И вдруг одновременно с рокотом десятков моторов из нависших облаков хлынул огненный ливень. Было такое впечатление, что из небесной темноты на наши головы выливали котлы с горящим асфальтом. Температура

содержавшихся в бомбах зажигательных смесей была настолько высокой, что пламя пожара сразу охватило жилые и служебные строения посольства, деревья сада, машины, предусмотрительно выведенные из гаража. Горела даже земля. Похоже было, что из-за плохой видимости самолеты вели бомбежку бесприцельно, вследствие чего советское и американское посольства оказались первыми объектами воздушного налета авиации США. За забором посольства японцы что-то в панике кричали. Стоял шум и гвалт, какой бывает только на пожарах, отовсюду слышалась пальба зениток, сигналы пожарных машин. Японских истребителей в воздухе не было, лишь несколько прожекторов шарили по небу. Все говорило о том, что столица Японии по-прежнему не готова к воздушной обороне.

Услышав сообщение дежурного: «В посольстве пожар!» – все сотрудники, как один, покинули подвал клуба, бросились с лопатами, кирками, баграми и ведрами бороться с огнем. Благодаря нашим стараниям ущерб от первого налета был незначительным: сгорели две машины и несколько деревьев, обуглились стены домов. Американское посольство пострадало более основательно, поскольку на его территории никто не жил, а японцы тушить здесь пожары и спасать чужое имущество не захотели.

На другой день японские газеты злорадствовали по поводу неудачного налета, не без основания называя американцев плохими летчиками: вместо токийского порта они-де обстреляли своих союзников, а вместо правительственного района сбросили «зажигалки» на собственное посольство. Однако ирония оказалась преждевременной, главная опасность была впереди.

После первого налета японская столица подвергалась ударам с воздуха более 200 раз. Наиболее крупные налеты были совершены 27 декабря 1944 г., 9 марта, 13 апреля и 25 мая 1945 г. Развязав преступную войну против других народов, японские агрессоры одновременно принесли неисчислимые бедствия и своему народу.

Воздушный налет 9 марта 1945 г. был одним из самых разрушительных. Огромный город с населением более 10 млн. жителей, раскинувшийся на площади в 100 кв. км, за несколько часов потерял лишь убитыми 75 тыс. человек, а всего пострадало около миллиона человек.

Весь тот день в Токио шел снег, что вообще является большой редкостью для японской столицы. К вечеру снежный покров достигал 20-30 см. Местные жители в деревянных сандалиях (гэта) с трудом передвигались по протоптанным в снегу узким тропинкам, городской транспорт, не приспособленный к зимним

условиям, остановился. Никто не ожидал в такую погоду воздушного налета. С наступлением темноты улицы опустели. Город спал. Около 10 часов вечера раздались сигналы воздушной тревоги. Диктор призывал к спокойствию и организованности, однако говорил взволнованно и торопливо, чем вызвал еще большую сумятицу.

Американские самолеты двигались своим излюбленным маршрутом: с острова Сайпан, через острова Огасавара к горе Фудзи и далее на Токио. «Священная» Фудзияма служила американским летчикам надежным ориентиром для выхода на цель. По заведенному обычаю, вначале над Токио появились самолеты-разведчики, развесив на парашютах ракеты, обозначавшие границы района бомбежки. В то время как в воздухе шла к ней планомерная подготовка, на земле уже царили паника и смятение. Через 10-15 минут на высоте 9-10 км, доступной лишь береговым прожекторам и недосягаемой для японских истребителей и зенитных орудий, появился первый эшелон американских бомбардировщиков. Они шли сомкнутым строем с большой по тем временам скоростью 650-700 км в час. Небольшая пауза – и сотни, если не тысячи тонн горящего напалма обрушились на центральные районы Токио. Сброшенные баки с горючей смесью вызывали пожары на огромной территории. Город превратился в море огня.

За первой волной последовали вторая, третья, и так до самого рассвета, пока снова не появились самолеты-разведчики, чтобы сфотографировать результаты ночной бомбежки. Ни о какой организованной борьбе с пожарами в Токио не было и речи. Там. где пожарные команды пытались остановить стихию огня, их настигала смерть от фугасных и осколочных бомб.

И на этот раз наше посольство также понесло значительный ущерб: сгорела Жуковка – жилой поселок из коттеджей, разрушена ограда посольства, имелись легкораненые из числа дежурных комендантов и наблюдателей.

Утром, несмотря на запреты, кое-кому из нас удалось прорваться в город, чтобы своими глазами увидеть масштабы ночной вакханалии. Некоторые районы полностью выгорели, каналы были заполнены трупами, многие японские семьи сгорели или задохнулись от дыма в убежищах, наспех отрытых во дворах и под домами. В ряде мест из-за обилия деревянных построек и тесных улиц пламя пожаров было настолько плотным, что спастись никто не смог. Бежавшие от пожара люди натыкались на стену огня или попадали в заполненные грязной водой каналы и погибали.

Жертв налета на столицу невозможно было точно учесть. По

предварительным данным, сгорело и было разрушено не менее половины всех жилых и административных зданий. Еще вчера по-своему красивый город, с его неповторимыми храмами, парками и улицами, за одну ночь был превращен в руины, искалечен до неузнаваемости. Непохожей на себя стала всегда веселая Гинза – главная торговая магистраль столицы, сильно пострадал театр «Кабуки дза», сгорели или были наполовину разрушены здания вокзалов, делового квартала Маруноути. В воздухе стоял тошнотворный смрад. Оставшиеся в живых бродили по пожарищам в поисках останков родственников, копошились у своего сгоревшего жилья. Обращаться к ним с вопросами было совершенно бессмысленно: обезумевшие от горя люди не были способны в те минуты контролировать свои поступки. В моего спутника кто-то со злобой швырнул большим камнем, который поломал велосипед и сбил седока на землю, к счастью не причинив ему особого вреда. Уныло стояли на перекрестках постовые полицейские, утратившие за одну ночь свой воинственный вид. Команды спасателей собирали обгорелые трупы и на ручных тележках свозили к месту сбора, где складывали их штабелями для последующей эвакуации в пункты сжигания. Никто не соблюдал обрядов захоронения, не собирал пепел в урны. Мы посетили прилегавшие к посольству синтоистские храмы. Здесь та же картина, что и везде: обуглились «священные ворота» – тории, полностью сгорели часовенки, во дворике ютились погорельцы с детьми. На всей территории храма было единственное должностное лицо – сторож. Настоятелей не видно. В минуту смертельной опасности священнослужители, вероятно, эвакуировались в горы.

25 мая 1945 г. американцы совершили не менее жестокий налет на Токио. В нем участвовало более 600 самолетов, базировавшихся на Филиппинах, Окинаве и кораблях авианосных соединений. В результате налета, продолжавшегося более шести часов, город превратился в огромную груду развалин. Пламенем был объят весь центр столицы. Американцы, как всегда, чередовали фугасные бомбы с зажигательными, бомбы замедленного действия – с термитными снарядами.

Деловой квартал Токио после налета 25 мая 1945 г.

Из-за вызванного пожарами неравномерного нагревания воздуха и сильного ветра возник огромный огненный вихрь, сметавший на своем пути все живое. Люди, застигнутые этим ураганом, теряли самообладание, многие тут же погибали.

В нашем посольстве сгорела большая часть строений, уцелело лишь основное служебное здание. Все мы, начиная от посла и кончая рядовым сотрудником, не жалея сил, вели борьбу с огнем. Здание консульства после прямого попадания термитных зажигательных снарядов вспыхнуло ярким факелом, и спасти его было невозможно. Основное здание посольства, построенное из железобетона, находилось как раз на пути огненного урагана, поэтому горящие головни и даже бревна влетали в разбитые окна, и таким путем пожар проникал во внутренние помещения. Борьбу с огнем мы вели из последних сил. Некоторые сотрудники получили травмы и ожоги, несколько человек отравились угарным газом. Но никто не оставил своего поста, да и некуда было скрыться от стихии огня. Кругом бушевало пламя: догорал район Мита с университетским городком Кэйо, бросили на произвол судьбы свое посольство китайцы-ванцзинвэевцы, горели храмы и каменные здания полицейских участков.

В результате всех налетов Токио выгорел на две трети, понес колоссальные человеческие жертвы. Оставшееся в живых население срочно покидало столицу, направляясь группами и в одиночку в горы. Сгорели правительственные и деловые кварталы, были разрушены вокзалы, окружная дорога, полностью

прекратились водоснабжение, подача электроэнергии, телефонная связь. Израненным выглядел Токио в конце мая 1945 г.

В большей или меньшей степени такую же участь испытали многие другие города Японии. Наибольший урон от воздушных налетов и пожаров понесли Иокогама, Нагоя, Сэндай, Осака, Фукуока, Хамамацу, Фукуи и, конечно, Хиросима и Нагасаки. По японским данным, в течение 1945 г. из 206 крупных городов страны массированным налетам подверглись 98. Общее число погибших при налетах составило 665 тыс. человек. Лишились имущества и получили увечья около 4 млн. человек. Сгорело 2,3 млн. построек, или 20% всего жилого фонда. Общий ущерб национальному богатству страны от воздушных налетов достиг 60 млрд, иен (в ценах 1935 г.).

По отзывам американской Комиссии стратегических бомбардировок, командование США придавало огромное значение массовым разрушениям японских городов и бомбардировкам мирного населения Японии, целью которых было подавление морального духа противника. Однажды я спросил американского журналиста Марка Гейна, автора известного советскому читателю «Японского дневника», хотели ли руководители США вызвать бомбардировками организованное выступление японцев против войны с США и Англией. Журналист долго думал, а затем ответил: «Конечно, нет. Это была бы революция».

Нельзя также пройти мимо такой особенности налетов, как избирательный подход к объектам воздушных бомбардировок. За многие месяцы войны американцы, например, ни разу не бомбили императорский дворец в Токио, не совершали налетов на летнюю резиденцию императорской семьи в Хаяме, на древние столицы и храмы Киото, Нара, Исэ, Никко, регулярно посещаемые императором и его родственниками. Видимо, уже во время войны американцы думали о сохранении некоторых атрибутов империи, которые могли им пригодиться в будущем. Интересно и другое: до последнего дня войны американские летчики не бомбили городов Хиросима и Нагасаки, поскольку этим городам была уготована роль атомных полигонов, первых в истории человечества жертв ядерного оружия.

Однако, в то время как жители незащищенных городов Японии гибли от пожаров и бомб, оставались без крова, имущие классы продолжали жить и управлять страной в спокойной, тихой обстановке. Тяготы войны обходили их стороной. Мне довелось увидеть это собственными глазами.

Японское лето обычно начинается после сезона тропических

ливней, сопровождаемых высокой температурой и колоссальными испарениями. Примерно в первой декаде июля ливни неожиданно прекращаются и наступают два-три месяца тяжкой жары. Привыкнуть к такому перепаду температур и капризам погоды человеку средней полосы России бывает очень трудно. Ни днем ни ночью не находит он себе покоя. Голова не перестает болеть от влажной жары. Ослабленный организм легко подвергается простудным и желудочно-кишечным заболеваниям. Одежда и обувь не просыхают неделями, покрываясь грибковой плесенью.

Так было в то на редкость жаркое лето 1943 г. с каждым из нас, поэтому посольство и консульский отдел настойчиво добивались от японского МИДа разрешения советским дипломатам наравне с сотрудниками других посольств выезжать в курортное местечко Каруйдзава для кратковременного отдыха. Избранная часть дипломатического корпуса (немцы, итальянцы, испанцы, послы марионеточных государств) жила в Каруйдзаве каждое лето. В августе 1943 г. право посещать Каруйдзава неожиданно распространилось и на советских дипломатов. Мы догадывались, что меняются времена, меняются и отношения. Кстати, после капитуляции Италии ее дипломатов немедленно изгнали из Каруйдзавы.

Местечко Каруйдзава в летние месяцы напоминало богатый, фешенебельный европейский курорт с роскошными летними виллами аристократов, площадками для гольфа, теннисными кортами, частными конюшнями, велосипедными прокатными станциями. Кто-то из предприимчивых русских эмигрантов догадался подвести с гор воду и разводил в прудке форель. Здесь часто можно было встретить принца Коноэ, барона Хиранума, бывшего премьера Хирота, многих министров и крупных дельцов. Центром всего местечка была торговая улочка Хонмати, до отказа заполненная различными лавочками, антикварными магазинами, туристическими бюро, прокатными станциями, главным назначением которых было вытряхивать из дипломатов и курортников деньги. Лучшее место на солнечной стороне Хонмати занимал магазин «Микимото жемчуг», хозяин которого умудрялся в самые тяжелые годы войны обогащаться на культивировании жемчуга и сбыте его в Австралию, Северную и Южную Америку.

Дипломаты и их семьи обычно проживали в гостинице «Мампэй». Советских дипломатов и немцев администратор гостиницы старался поселить на разных этажах, дабы не допустить «нежелательных инцидентов». Немцам и их сателлитам соседство с нами страшно не нравилось, но положение в мире складывалось таким образом, что не представители фашистской

Германии, а советские люди все больше становились объектом внимания и уважения.

Жизнь в Каруйдзаве протекала в соответствии с общими законами курортного бытия, как бы на время возвращая каждого к приятным воспоминаниям мирных дней. Верные своим обычаям, японцы рано поднимались, в течение дня куда-то спешили, над чем-то хлопотали и только с наступлением вечерней темноты успокаивались. Мы поражались неугомонной энергии трудовых жителей городка. С первыми голосами птиц поднимались японки и начинали прибирать свои сказочные дворики, переставляя раздвижные перегородки – фусума. Еще солнце не поднялось из-за гор, а служители гостиниц, лавочники, дворники все, как один, уже были на ногах. Громыхал на старой кляче водовоз, развозя по домам родниковую чистую воду. Опережая один другого, летели на велосипедах поставщики зелени, фруктов, молока, яиц, рыбы и прочих товаров, спешили развезти газеты почтальоны.

Десятки пожилых людей и подростков, мужчин с полотенцами на головах и женщин в белых косынках мчались на велосипедах и мотоколясках, чтобы скорее заступить на службу своим господам.

Что касается господ, которым принадлежали виллы, конюшни и псарни, они также не любили по-обломовски долго нежиться в постели. Именитые князья и бароны в 7 часов утра совершали предписанный врачами моцион и занимались приятными для них делами: принц Коноэ в полном спортивном оснащении отправлялся в сопровождении оруженосца с клюшками к площадке для игры в гольф, где проводил два-три часа; барон Хиранума копался в своем саду, собирая гусениц в жестяную коробку; господа помоложе играли в теннис, совершали прогулки верхом или на велосипедах. Этот мирок, заброшенный в тяжелую для страны пору в горы Нагано, создавал иллюзию, что страшной войны с пожарами и жертвами нет, что она никогда не коснется этого божественного уголка.

Высокопоставленные господа сочетали отдых и развлечения с более серьезными занятиями, связанными с их государственным и общественным положением. Часто можно было видеть, как к их виллам и особнякам подкатывали роскошные «кадиллаки» и «роллс-ройсы» с сидевшими в них видными деятелями Японии. В Каруйдзаве мы встречали министра двора Мацудайра, министра Киси, принца Хигасикуни. В период особо значительных событий число таких гостей всегда увеличивалось.

Я привожу эту зарисовку жизни в Каруйдзаве исключительно для того, чтобы показать разительный контраст в судьбах

миллионов рядовых японцев, брошенных в бездну кровопролитной войны, и высшей знати, которая без тревог и волнений отсиживалась в те страшные годы в своих «бестах», таких, как Каруйдзава, Хаконэ, Хаяма, Атами, Дзуси и др.

В ПОИСКАХ ВЫХОДА ИЗ ВОЙНЫ

В начале января 1945 г. открылась сессия японского парламента, не пользовавшегося влиянием в стране и выполнявшего роль юридического прикрытия диктатуры бюрократической верхушки. Пришедшая на смену прежним буржуазно-помещичьим партиям новая монархо-фашистская организация – Политическая ассоциация помощи трону – стала единственной партией парламента. Фактически было упразднено и традиционное деление парламента на две палаты.

Новогоднюю сессию по традиции открыл сам император. На эту церемонию приглашались члены дипломатического корпуса. Советский посол и советники посольства старались не посещать тех мест, где в прямой или скрытой форме делались выпады против нашей страны, поэтому рядовым дипломатам чаще удавалось посещать парламент.

В 10 часов утра император, одетый в дипломатический фрак, занял свое место на троне. Он бледен, взгляд его устремлен вдаль. Члены правительства во главе с премьером Коисо, депутаты и гости замерли в молчаливом поклоне. На императора не положено смотреть, его нельзя фотографировать. Когда был зачитан указ об открытии очередной сессии парламента, император не спеша встал, сделал легкий поклон в сторону депутатов и медленно удалился.

После церемонии открытия сессии премьер Коисо выступил с докладом об обстановке в стране и в Азии. В его словах сквозили напускной оптимизм и ложное бахвальство. Голос премьера был едва слышен, кое-кто из депутатов дремал, другие тихо переговаривались. Неожиданно раздался сигнал воздушной тревоги, и депутаты сразу заволновались. Председатель парламента объявил перерыв в работе и предложил всем сойти в подвал – парламентское убежище. Так закончила свою работу первая сессия японского парламента в 1945 г. Вместе с депутатами зал заседаний покинули и гости, которых от сессии к сессии становилось все меньше.

Уже давно в дипкорпусе не видно послов Италии, Румынии, царской Болгарии, Финляндии, правительства Филиппин и Виши. После смерти предателя китайского народа Ван Цзин-вэя охладели отношения Японии с правительством Нанкина. Скоро оставят свои посты марионеточные представители Бирмы, Индокитая, Таиланда, Индии, Малайи и начнут один за другим переходить в ряды «почетных» эмигрантов. Пустеют дипломатические ложи в парламенте, закрываются уцелевшие

посольские особняки на Адзабу. Все это еще один верный признак надвигающегося краха японской империи.

Как и в гитлеровской Германии накануне ее краха, в высшем руководстве Японии также шла грызня пп вопросам дальнейшего ведения войны и путей почетного выхода из нее. Конечно, мы тогда знали далеко не все, что происходило на самом деле в правящей верхушке, однако и из того, что доходило до нас, нетрудно было представить действительную картину. В то время как высший генералитет в лице маршалов Сугияма, Тэраути, Хата, генералов Умэдзу, Анами, Итагаки, Ямасита, Доихара, Танака, адмиралов Нагано, Тоёда, Симада и других видел единственный выход из военного кризиса в решающих победах на фронтах и требовал от правительства Коисо – Ионаи подчинения всех усилий страны интересам войны, правящая бюрократическая верхушка и дворцовые круги все больше склонялись к поискам приемлемого мира. Представители военных концернов и крупнейших банков, продолжавшие грабеж национальных богатств оккупированных стран, набивая сейфы золотом и ценными бумагами, настаивали на проведении такой политики, которая бы создавала базу для благоприятного окончания войны и сохранения их прибылей в послевоенный период. Точно между молотом и наковальней находилось правительство, подвергавшееся все большему давлению со стороны правящей бюрократии и крупного капитала и не способное оказать решающего влияния на военное руководство.

В каждой из трех враждующих группировок существовали еще и внутренние разногласия. Например, в группе старейших политических деятелей – дзюсинов, куда теперь по указу императора входил и генерал Тодзио, возникли серьезные противоречия по вопросу о мире. Бывшие премьеры Тодзио, Хирота, Окада, Абэ и Хиранума считали, что сначала необходимо добиться решающей победы и только после этого вступать в переговоры о мире. Принц Коноэ, барон Вакацуки и Того торопили императора скорее дать санкцию на ведение переговоров. Маркиз Кидо и Мацудайра временно воздерживались высказывать свое окончательное мнение.

Принц Коноэ полагал, что если Япония кончит войну немедленно, то удастся сохранить императорский государственный строй, в противном случае последний благоприятный шанс будет упущен. Докладывая императору в марте 1945 г., он утверждал, что продолжение войны вызовет революцию. «В освобожденных Японией странах, – говорил Коноэ, – развертывается народное движение, внутри Японии создается все больше условий для возникновения коммунистической

идеологии». Однако император и его приближенные в то время воздерживались высказывать определенное мнение о войне и мире.

Премьер Коисо пытался использовать созданный им Высший совет по руководству войной, чтобы санкционировать предварительные неофициальные переговоры с Чунцином. В сложившейся тогда обстановке Высший совет не мог играть той руководящей роли, какую отводил ему Коисо. Это скорее был орган согласования противоречивых точек зрения по вопросам войны. Поражение на Филиппинах в конце 1944 – начале 1945 г. в значительной степени объяснялось слабой деятельностью совета. Что касается сепаратных переговоров с враждующими странами, то здесь шансы на успех имелись лишь до тех пор, пока не произошли коренные изменения в международной обстановке. Тегеранская и Ялтинская конференции изрядно волновали правительство Коисо, тем более что в Токио далеко не все было известно о решениях этих конференций.

Переговоры с Чунцином велись по личному указанию премьера и под его руководством. О содержании и технике ведения этих переговоров я не раз слышал в шанхайских кругах.

В августе 1944 г., сразу после образования кабинета Коисо – Ионаи, Высший совет по руководству войной принял решения по некоторым международным проблемам. Одной из первых таких проблем считалось достижение мира с Чунцином. Была выдвинута следующая задача: путем переговоров добиться объединения режимов Чан Кай-ши и Ван Цзнн-вэя, установить с новым правительством Китая отношения благожелательного нейтралитета, после чего вывести из Китая войска.

Решение этой задачи премьер Коисо поручил советнику при нанкинском правительстве Мио Хину, китайцу японского происхождения. Резиденция Мио Хина находилась в Шанхае. Связь с ним поддерживалась через специального корреспондента газеты «Асахи» и директора информационного бюро Симомура. Связь Мио Хина с Чан Кай-ши осуществлялась через вице-президента нанкинского правительства и гоминьдановскую разведку. Мио предоставили личный самолет, радиостанцию, специалистов по связи, шифры, курьеров и деньги.

В марте 1945 г. Мио Хин доложил Коисо о том, что установлены контакты с начальником канцелярии Чан Кай-ши. Вызванный в Токио Мио Хин изложил премьеру и принцу Хигасикуни свой план, предусматривавший упразднение нанкинского режима и прекращение военных действий со стороны Чунцина с последующим выводом японских войск из Китая. После заключения перемирия Япония при содействии Чан

Кай-ши должна вступить в переговоры с американцами и англичанами о всестороннем мире.

С самого начала деятельности Мио Хина представитель японского командования в Нанкине и министерство иностранных дел Японии выступили против его затеи, назвав ее авантюрой. В тот период они серьезно рассчитывали на предательство военного министра чунцинского правительства Хо Ин-цина, которому обещали после свержения Чан Кай-ши пост президента Китая. Они всячески мешали осуществлению прямой связи Токио с Чунцином. Когда Мио Хин прибыл в Токио с докладом о своем плане, военные власти решительно выступили против вывода японских войск из Китая. Министр иностранных дел Сигэмицу добился через маркиза Кидо распоряжения императора о приостановке работы над планом Мио Хина. Вскоре правительство оказалось вынужденным уйти в отставку, и этот план был похоронен.

Насколько серьезное значение японские правящие круги придавали сепаратным переговорам с правительствами враждебных стран, говорят и другие примеры.

В начале 1945 г. бывший министр иностранных дел, а затем посол в Лондоне Сигэру Ёсида с одобрения министра двора Мацудайра вступил в тайные переговоры о сепаратном мире с официальными представителями английского правительства, возглавляемого в то время Черчиллем. Переговоры велись через шведского посланника в Токио Багге. Поскольку этот шаг не был санкционирован Высшим советом и правительством Коисо, Есида пришлось давать объяснения в министерстве внутренних дел и жандармерии, взявшем на себя в годы войны функции политического и идеологического надзора.

Не менее настойчиво делались попытки сепаратных переговоров и с США. Такие попытки предпринимались одновременно по нескольким каналам. Главным была Швейцария, где постоянно находился официальный представитель правительства США и крупнейший разведчик Аллен Даллес. Аккредитованные там японский военный атташе генерал-лейтенант Окамато, посланник Кавасэ, а также резидент японской разведки капитан второго ранга Фудзимура и управляющий Банком международных расчетов Китамура активно вели секретные переговоры с американскими представителями.

Таким образом, японские правящие круги видели выход из сложного военно-политического положения в сепаратном мире, что привело бы к ослаблению совместных усилий союзников в борьбе с Германией и Японией. Они также пытались, играя на формально нейтральных отношениях с Советским Союзом,

оторвать нашу страну от государств антигитлеровской коалиции. Советское правительство решительным образом отвергало в принципе сепаратные переговоры с агрессорами о мире и добивалось того же от своих союзников по совместной борьбе. Однако несмотря на это, с первого и до последнего дня войны в Токио не верили в единство антигитлеровских сил, в «союз русского медведя, британского льва и американской пантеры». Здесь надеялись, что с приближением победы над Германией неизбежно возникнет вражда в союзной коалиции.

Крымская конференция руководителей трех союзных держав в феврале и ее решения в отношении Германии и Японии свидетельствовали о том, что вторая мировая война подходит к своему финалу. Мощное советское наступление зимой и весной 1945 г. привело фашистскую Германию на грань военного поражения, предопределило перевес сил союзников в Европе. В Токио все чаще с тревогой посматривали в сторону Советского Союза. Японские правящие круги понимали, что главной цементирующей силой союзной коалиции является Советский Союз, одержавший самые крупные победы над гитлеровской армией, обладавший огромной военной мощью и решимостью довести войну против фашизма до победного конца.

Сразу после совещания в Ялте «большой тройки» в Токио еще не знали, какие решения вынесла конференция и какие обязательства взял Советский Союз. Здесь не предполагали, что эти обязательства сводятся к готовности СССР через два-три месяца после окончательного разгрома Германии выступить против Японии, если последняя не проявит благоразумия и не капитулирует. Догадки и предположения на этот счет строились разные. Все они свидетельствовали о том, что в японских правящих кругах усиленно размышляли о том, как предотвратить катастрофическое для Японии развитие событий, как помешать Советскому Союзу выступить на стороне ее противников. Нередко к нам обращались знакомые и незнакомые японцы с вопросом, будет ли война между СССР и Японией. Мы понимали, что это не простое любопытство, ведь от этого зависел исход войны для Японии. Иногда чувствовалось, что этот вопрос инспирирован японскими властями и разведкой. Мы старались избегать бесед на эту щекотливую тему, дипломатически уклонялись от ответа на поставленные вопросы, тем более что и сами знали тогда очень мало.

Но вот 5 апреля 1945 г. произошло знаменательное событие: Советское правительство информировало японского посла в Москве Сато о том, что денонсирует пакт о нейтралитете с Японией. Этот шаг был равносилен объявлению войны. Премьер

Коисо немедленно посетил императора, и в тот же день коалиционное правительство Коисо – Ионаи в полном составе ушло в отставку. За восемь месяцев своей деятельности оно не решило ни одной из поставленных перед ним в июле 1944 г. задач, включая главную – достигнуть решающей победы и добиться мира.

Генерал Коисо ушел со сцены, кто следующий?

Помню, как много спорили в те весенние дни о возможных кандидатах на пост главы кабинета. Говорили об «ответственном» правительстве, о премьере «твердой руки», называли кандидатами в премьеры принца крови Хигасикуни, принца Коноэ, маршала Сугияма. Меньше всего вспоминали старого адмирала Кантаро Судзуки, а именно ему довелось возглавить последнее правительство войны.

Новое правительство барона и адмирала Судзуки было нацелено на решение одной главной задачи – окончить войну, одержав победу в борьбе за территорию собственно Японии. На следующий же день после сформирования нового кабинета токийские газеты вышли с большими заголовками, призывавшими к продолжению войны до полной победы. В своем программном заявлении премьер Судзуки сказал: «Если мне придется погибнуть за нацию, продолжайте идти вперед, перешагнув через мой труп!» Это заявление и тон официальной прессы удивляли и настораживали. Помнится, приведенная выше фраза нового премьера вызвала самые противоречивые толкования. Большинство сходилось на том, что программное заявление премьера Судзуки есть не что иное, как призыв продолжать войну до последнего дыхания. Однако позднее, в книге «Впечатления об окончании войны», вышедшей уже после капитуляции, сам Судзуки так разъяснил свои слова: «Я твердо решил покончить в самое короткое время с войной, даже в том случае, если мне придется пасть жертвой какого-либо убийцы».

В правительстве Судзуки, как и в предшествовавшем ему кабинете Коисо – Ионаи, не было единства взглядов по вопросам войны и мира. В него входили как поборники продолжения войны до полной победы, так и сторонники немедленных переговоров о мире. Первых возглавляли военный министр генерал Анами, главный инспектор сухопутной армии маршал Сугияма, начальник штаба генерал Умэдзу, вторых – министр иностранных дел Того, морской министр Ионаи, министр без портфеля Симомура. Последних поддерживал и премьер Судзуки. Среди влиятельных политических кругов и дворцовой знати имелись покровители той и другой групп. Однако в самом правительстве и вне его было много деятелей, которые не имели собственного

мнения, колебались в выборе решения, ориентируясь главным образом на позицию императора.

ПРЕДДВЕРИЕ КРАХА

Успехи Советского Союза и его Вооруженных Сил на советско-германском фронте, проводимый им твердый курс на полный разгром блока фашистских государств еще больше поднимали авторитет нашей Родины, утверждали ее ведущую роль в борьбе с фашизмом. Поражение союзников в Арденнах в январе 1945 г. на какое-то время посеяло в японском руководстве надежду на затягивание войны в Европе, а следовательно, и на Тихом океане, но этим надеждам не суждено было сбыться. Судьбу войны решал Восточный фронт.

В высшем японском руководстве, видимо, понимали всю трагичность создавшегося положения; окончание войны в Европе и разгром гитлеризма обрекали милитаристскую Японию на полную изоляцию, позволяли западным союзникам сосредоточить все свои силы против нее. Не до конца ясной для японского правительства оставалась позиция Советского Союза, пришедшего к финалу войны как никогда сильным в военном и политическом отношении.

В апреле 1945 г., в разгар дипломатических маневров, связанных с поиском сепаратного мира, в Токио пришла весть о смерти президента США Франклина Рузвельта, отстаивавшего принцип единства действий трех великих держав. С нескрываемой радостью узнали здесь о приходе к руководству США Гарри Трумэна. Японская официальная пропаганда открыто высказывала предположение, что новый президент вместе с Черчиллем изменит курс Запада, поэтому он-де заинтересован в скорейшем окончании войны с Японией.

В Сан-Франциско 25 апреля 1945 г. открылась первая сессия Организации Объединенных Наций, принявшая Устав этого международного форума и провозгласившая основные принципы послевоенного мира. В Токио по-прежнему не верили в единство великих держав, в возможность установления длительного послевоенного мира, поэтому к сообщению о сессии отнеслись с изрядной долей скептицизма. Здесь все еще надеялись, что стремление союзных держав к разделу побежденной Германии неизбежно породит войну между СССР и западными странами. Исходя из своего опыта участия в Лиге наций, руководители Японии не отнеслись всерьез к созданию ООН, к международным договорам и соглашениям в Тегеране и Ялте, полагая, что в случае необходимости каждая из сторон не задумываясь превратит их в пустую бумажку.

В последних числах апреля, накануне падения Берлина, в

японской столице начались смятение и паника. Как уже говорилось, на протяжении всей войны японская информационная служба крайне необъективно освещала положение на советско-германском фронте. Неожиданно, как гром среди ясного неба, прозвучали сообщения печати о решающих сражениях за Германию, об ожесточенных боях на улицах и площадях Берлина. Для большинства японцев, приученных безоговорочно верить каждому печатному и официально сказанному слову, известие о надвигающейся катастрофе Германии было поистине ошеломляющим.

Японская пропаганда, пытаясь ослабить впечатление от сообщений о поражении Германии – последнего союзника Японии, еще больше увязала во лжи. Пресса и радио наводняли страну слухами о «варварстве» и «бесчеловечном» обращении советских войск с жителями Германии, измышлениями о «кровопролитных боях» между советскими и англо-американскими войсками западнее Берлина. Людям навязывали абсурдную мысль о том, что поражение Германии должно еще сильнее сплотить японскую нацию для достижения полной победы.

И без того напряженная обстановка в Токио, нагнетаемая ежедневными сводками о боях на Окинаве и у берегов Кюсю, массовыми налетами авиации на города Японии, еще больше подогревалась сенсационными сообщениями японских спецкоров из Берлина. И только Советское информационное бюро неизменно передавало точную и правдивую информацию о положении в Германии. Благодаря спокойному и уверенному голосу Москвы мир узнавал правду о событиях, светлую правду о Великой Победе.

Незабываемо 9 мая 1945 г. Небольшой коллектив посольства жил в эти дни ожиданием сообщений из Москвы. И вот они пришли. Сообщение о капитуляции Германии мы услышали по радио в 7 часов утра 9 мая. В едином порыве, с возгласами восторга и ликования выбежали все мы во главе с послом Я. А. Маликом на центральную часть двора, обнимали и поздравляли друг друга с замечательной победой. У всех на глазах слезы радости, все взволнованны и счастливы. Мы забыли, что последние ночи из-за непрерывных воздушных налетов провели в сыром и холодном убежище, что долгие месяцы недоедали, недосыпали, жили в постоянной тревоге за свою страну и порученное нам дело. Многие из нас в течение всей войны не видели своих жен и детей.

Проходившие мимо посольства японцы с любопытством останавливались, не в состоянии понять, что происходит с

советскими дипломатами. Часть из них поднялись на крышу соседнего здания министерства связи и оттуда наблюдали за нашим торжеством. Рассвирепевшие полицейские свистками и дубинками старались рассеять скопление людей.

Окончилась война с фашистской Германией, мир пришел в Европу – мир долгожданный, завоеванный такой огромной ценой. Но не было еще мира на Дальнем Востоке и в Азии. Раненый японский зверь готовился к последней схватке. Правящей клике Японии нужна была внушительная победа, чтобы получить возможность вступить в переговоры о почетном мире. По мнению японского командования, решающее сражение с главными силами флота, армии и авиации США должно было произойти в конце 1945 г., в момент высадки американцев на территорию Японии.

Американское командование иначе оценивало сроки окончания войны. По его мнению, решающая операция по овладению собственно Японией была возможна не ранее середины 1946 г., после того как русские союзники «протаранят» японскую оборону в Маньчжурии и Корее, а Соединенные Штаты соберут силы для завершающего удара. За это время предполагалось путем массовых бомбардировок японских городов разрушить военно-экономический потенциал Японии и подорвать моральный дух нации. Начиная с февраля 1945 г. каждая из сторон готовилась к решающему сражению, которому не суждено было произойти.

На оценку возможных перспектив окончания войны, как нашими союзниками, так и Японией, огромное влияние оказала операция на Окинаве весной 1945 г. По моему глубокому убеждению, именно эта операция привела в замешательство американское командование и лишила войска США их наступательного пыла. Упорство японцев при обороне собственных островов, заметно возросшие людские и материальные потери, видимо, обескуражили наших американских союзников.

После победы на Филиппинах и овладения островами Огасавара американское и английское командование подготовило высадку десанта на Окинаве – крупнейшем из островов архипелага Рюкю. Целью десанта было окончательно разорвать коммуникации Японии с бассейном Южных морей и Китаем, создать выгодное стратегическое положение в Восточно-Китайском море для предстоящей высадки союзных войск на территории Японии. Японское же командование стремилось удержать острова Рюкю, нанести противнику наибольший урон и выиграть время для усиления обороны собственно Японии.

По своим масштабам Окинавская операция была одной из

крупнейших на Тихом океане – она продолжалась свыше 80 дней (с 1 апреля по 23 июня). В начале апреля союзники высадили на Окинаве около 180 тыс. человек морской пехоты. Операцию поддерживали не менее 2 тыс. самолетов и 1,5 тыс. боевых и вспомогательных кораблей. Силы японцев были значительно меньше. Однако они превосходили противника в стойкости и обеспечили более выгодное стратегическое расположение войск и боевых средств. В активной борьбе за Окинаву помимо обороняющейся там 32-й армии и маневренных соединений флота участвовали также авиация и флот, базировавшиеся на Тайване, в Китае, Корее и западных районах Японии.

Бои за Окинаву носили исключительно ожесточенный характер. Японские солдаты, моряки и ополченцы сражались до конца. Большой урон наступавшим нанесли смертники. В конце боев командующий 32-й армией генерал-лейтенант Усидзима покончил с собой традиционным харакири.

В битве за Окинаву американцы и англичане, по собственным признаниям, потеряли более 750 самолетов, около 400 боевых кораблей, в том числе 9 линкоров, 24 авианосца, 29 крейсеров, 90 эскадренных миноносцев, свыше 100 военных транспортов и кораблей малых классов.

Об ожесточенных боях за Окинаву мы в Токио узнали вскоре после высадки американского десанта. Несмотря на цензурные запреты, печать и радио не могли скрыть этого факта. Американские информационные службы в подробностях оповестили об операции весь мир. В течение апреля американцы, используя новые авиабазы на Окинаве, регулярно бомбили западные и центральные районы страны. При каждом налете американские летчики, сбрасывали листовки, сообщавшие об успехах союзников в операции на Окинаве и даже о местах базирования там их авиации. Поэтому японским службам информации было бессмысленно молчать. В поездах и очередях упорно распространялись слухи о том, что десант на Окинаве – это решающий шаг к высадке американцев на Японские острова. Органы пропаганды, включая и религиозную, на все лады трубили, что «священная война» за землю Ямато уже началась и будет продолжаться до последнего японца.

Военные действия на Окинаве были использованы как новый стимул ко всеобщей мобилизации нации. Несмотря на то что в армии и флоте под ружьем уже находились более 5,5 млн. человек, усиленная мобилизация в армию, ополчение и трудовые отряды продолжалась. Шло активное комплектование добровольцев в отряды специального назначения – камикадзэ. Школы превратились в пункты военной подготовки, занятия с

учащимися были сведены до минимума.

Оценивая значение Окинавской операции, японские военные деятели утверждали, что они благодаря ей выиграли около трех месяцев, необходимых для подготовки страны к обороне собственной территории. Размах проводимых тогда мероприятий был действительно огромным. Страна с каждым днем превращалась в полном смысле слова в военный лагерь. Гражданскую администрацию заменила военная, действовавшая по строгим законам военного времени. На территории самой Японии было создано шесть фронтов; кроме того, существовало еще три фронта в Маньчжурии и Корее и два в Китае и на Тайване. Каждый фронт обладал своей промышленно-технической базой, запасами боевых средств, средств воздушного прикрытия, продовольствия и военного снаряжения для автономного существования и борьбы в полном окружении. Была проведена тотальная мобилизация военной и гражданской промышленности, транспорта, создавались запасы продовольствия и медикаментов, развернута медицинская служба, организована консервация крови для переливания. Продолжалась эвакуация предприятий и населения в горы, строились рубежи обороны, убежища и склады.

Японское командование не теряло надежды на возможность нанесения противнику таких неожиданных ударов, которые заставили бы его отказаться от дальнейшего наступления. На судостроительных заводах компании «Мицубиси» строилось около десятка специальных подводных лодок водоизмещением 5-6 тыс. т для разрушения Панамского канала и изоляции Атлантического флота США от Тихоокеанского. Готовился запуск из центральной части Тихого океана большой партии воздушных шаров с зарядами тротила, которые должны были обрушиться на города западного побережья США. Крупнейшая лаборатория ядерной физики под руководством профессора Нисина торопилась с созданием космических «лучей смерти». Десятки лабораторий выращивали смертоносные бактерии, чтобы в критический момент заразить ими войска противника и районы их расположения. Многие тысячи японцев-смертников, оснащенных простейшими самолетами, микролодками, торпедами, взрывчаткой и автоматическим оружием, были готовы пойти на смерть, ждали команды умереть за императора. И хотя некоторые приготовления имели скорее пропагандистский эффект, все же чувствовалось, что в Японии готовятся к отчаянной схватке на своей территории.

После Окинавской операции командование США, по всей вероятности, понимало, что оно платит непомерную цену за

каждый клочок земли в океане и еще большую вынуждено будет заплатить в борьбе за территорию собственно Японии. Видимо, это играло не последнюю роль в расчетах американцев, когда они летом 1945 г. заметно застопорили подготовку к высадке своих войск в Японии, перенеся ее на середину 1946 г.

Как-то незаметно вконец развалился дипломатический корпус в Токио. Кроме советского посольства, в котором осталось полтора-два десятка дипломатов и сотрудников, причем половина из них жила с семьями в местечке Гора, в Токио находились еще три-четыре представительства марионеточных режимов (Бирмы, Таиланда, Нанкина). Прекратилась всякая представительская деятельность, давно уже не было протокольных визитов, банкетов.

Немецких дипломатов постигла та же участь, что и итальянских: послу Штаммеру и двум старшим дипломатам разрешили жить под присмотром в столичных отелях, остальным пришлось выехать в Шанхай, Циндао, Тяньцзинь. В поездах и гостиницах больше не было слышно выкриков «хайль!» и торжествующего смеха гитлеровцев. Куда девалась петушиная спесь и надменность вчерашних «победителей». К одному из наших дипломатов на вокзале подошел теперь уже бывший германский военный атташе генерал Крейчмер и попытался выяснить судьбу фельдмаршала Паулюса, под началом которого он якобы служил. Как бы между прочим Крейчмер сказал, что японцы обращаются с немецкими дипломатами хуже, чем с военнопленными. В полушутливой форме генерал Крейчмер добавил, что, возможно, придется им просить у советского посольства в Токио консульской защиты. Что ж, времена менялись. Но то, о чем говорил немецкий генерал, было еще не самое худшее. Кое-кто из руководителей германского посольства в Токио реально опасался оказаться на скамье военных преступников. Ведь посольство было главным связующим звеном между Берлином и Токио в течение всей войны.

ВСТУПЛЕНИЕ В ВОЙНУ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Война подходила к своему логическому завершению. В руинах и пепле лежали многие японские города. Больше половины населения Токио покинуло город: богачи и знать отсиживались на курортах Каруйдзава, Хаконэ, Атами, императорская семья укрылась в своей летней резиденции, а рядовые жители, кто добровольно, а кто и по принуждению, устремились в деревни, уходили в горы.

После воздушного налета 25 мая обычный ритм деловой жизни столицы как-то сразу нарушился. Поезда приходили с опозданием на 10-12 часов, если вообще приходили, газеты издавались нерегулярно, закрылись университеты и школы, уже давно не работали театры и кино. Люди потеряли счет дням, перестали различать время суток: ночью токийцы боролись с пожарами, отсиживались в бомбоубежищах, днем – в полусонном состоянии отправлялись работать на предприятия, в конторы. Продолжалась эвакуация уцелевших предприятий и учреждений, в городе велась расчистка улиц. По приказу военных властей население было брошено на возведение оборонительных рубежей на подступах к Токио. В столице не было света, не работал водопровод. Погорельцы, не успевшие эвакуироваться в горы, старались устроиться вблизи рек и водоемов, где можно спастись от пожаров, отмыться от грязи и копоти.

Бригады по поддержанию общественного порядка и полицейские патрули по нескольку раз в день прочёсывали город, задерживая подозрительных лиц и дезертиров от трудовой повинности. Впервые за все время пребывания в Японии мне довелось увидеть, как ловили вора. Вооруженные чем попало жители оцепили наполовину сгоревший квартал близ станции Симбаси и с возгласами «доробо!» (вор) двигались к месту, где спрятался преступник. Наконец преступник обнаружен. Им оказался 15-летний юноша, грязный и голодный. Его преступление состояло в том, что он пытался похитить у старухи небольшой запас сладкого картофеля – батата. В другое время состоялся бы самосуд и вора, наверное, забили бы до смерти, сейчас же ограничились тем, что дрожащего от страха парнишку передали полицейскому.

Теперь, на восьмом году войны в Китае и в конце четвертого года войны на Тихом океане, в стране гораздо резче, чем раньше, обозначились противоречия в отношении различных слоев

населения к войне.

О единстве нации, к чему так долго и настойчиво призывала японская пропаганда, не могло быть и речи.

Японский народ вынес главную тяжесть развязанной правящей кликой войны, кровью и нечеловеческими страданиями заплатил за преступления своих поработителей, за то, что не нашел в себе сил своевременно подняться и сказать грабительской войне «нет!». Но японский народ многому научился за эти годы, многое осознал. Война открыла глаза на преступный характер политики японских милитаристов, ускорила процесс политического и социального пробуждения народных масс, хотя и не подвела их еще к пониманию необходимости организованного выступления против войны, за мир, за социальное переустройство общества. Отдельные вспышки недовольства в народе жестоко подавлялись. Решающую роль сыграло то обстоятельство, что японские трудящиеся в годы войны оказались без своего революционного авангарда – Коммунистической партии, ставшей жертвой жесточайших репрессий довоенных и военных лет. Внутренним классовым чутьем японские промышленные рабочие, трудовое крестьянство, рабочие промыслов, мелкие служащие ощущали, что поражение Японии в войне принесет избавление от дальнейших жертв, но собственными силами они не могли найти революционного выхода из кризиса войны.

Совершенно противоположной позиции в вопросах окончания войны придерживались крупная буржуазия и тесно связанные с ней военщина и бюрократическая знать. Для них война, от первого до последнего дня, была «золотым дном», источником неслыханного обогащения. Крупная буржуазия требовала от правительства и генералов продолжения войны любой ценой. В то же время, поскольку было очевидно, что война проиграна, она была озабочена главным образом тем, как сохранить награбленное богатство. Война еще продолжалась, а доверенные лица крупнейших монополий тайно отправились в Европу и Южную Америку, чтобы выгодно пристроить капиталы своих хозяев, чтобы не дать пропасть им в случае военного поражения. Только некоторая часть крупной буржуазии и высшей знати, включая отдельных членов последнего военного кабинета адмирала Судзуки, обладавшая необходимой долей благоразумия, понимала неотвратимость поражения и стремилась к выходу из войны с наименьшими потерями. Этой группе и суждено было сказать решающее слово в августе 1945 г.

Что касается «промежуточных» слоев населения – чиновничества, офицерства, буржуазной интеллигенции, мелких

буржуа, служителей религии и пр. – в их среде царили полный разброд и шатания. Они продолжали по инерции служить императорскому государству, но уже не поддерживали его безоговорочно, как это было вначале. Людские и материальные жертвы этих категорий населения, как и у всего японского народа, были значительными. После первых же налетов авиации США многие из них покинули столицу и крупные города, предпочитая жить в небольших населенных пунктах, где угроза бомбардировок и пожаров была меньше, а решение продовольственной проблемы проще. Многочисленные колониальные чиновники, занимавшие различные посты на оккупированных японской армией территориях, подавлявшие и грабившие местное население, устремились в метрополию, спасаясь от ударов активно развивавшегося национально-освободительного движения, боясь оказаться отрезанными от своей страны в случае капитуляции Японии. Это было подлинное бегство с «тонущего корабля». Представители этой группы к нам, советским представителям, относились особенно скверно, значительно хуже, чем все другие группы населения и даже официальные власти. Объяснялось ли это обуревавшим их страхом или воспитанной годами ненавистью к нашей стране, сказать трудно. Не случайно именно из этой среды вышли фашистские вожаки типа Сэйго Накано и Акао Бин, социал-предатели, вроде Суэхиро Нисио, и так называемые социал-демократические вожди типа Рикидзо Хирано. В дни капитуляции все они быстро перестроились, сделали вид, что изменили свое отношение к нам и к союзникам, создавали многочисленные политические партии, революционные по названию и реакционные по существу.

В последние недели войны японская пропаганда и идеологи войны, озабоченные разочарованием масс и ходом войны, без устали призывали к – «единству нации», требовали отдать жизнь за «божественного императора», бороться с «красными смутьянами». Стремясь подогреть верноподданнические чувства, они распространяли молву о том, что император страдает-де за свой народ, что, посещая выгоревшие районы Токио, он будто бы в глубокой скорби поклонился праху жертв бомбардировок и пожаров, выразил душевное соболезнование семьям погибших.

В руководящей верхушке накануне поражения усилилась борьба двух противоположных мнений: продолжать войну до конца или искать пути к миру на приемлемых для Японии условиях. Группа деятелей, занимавших промежуточную и компромиссную позицию, не имела сколько-нибудь серьезного влияния. По мере приближения агрессии к позорному концу

клика военных – Тодзио, Сугияма, Анами, Умэдзу, Итагаки, Танака, Доихара, Ямасита, Хата и другие – все ожесточеннее настаивала на продолжении войны «до полной победы». Преступления участников этой клики были настолько очевидны, что отступать было некуда. Позднее, в дни капитуляции, они пытались дать последний бой так называемым «капитулянтам» и когда проиграли этот бой, пошли на самоубийство.

В июне 1945 г. Высший совет по руководству войной заседал чуть ли не ежедневно. Некоторые его заседания проходили с участием императора. Военные решительно отстаивали курс на продолжение войны, пытались склонить на свою сторону старейших политических деятелей, вышедших из среды кадровых военных (генерала Абэ, адмиралов Окада, Ионаи и др.). Не получив твердого согласия совета, военный министр Японии генерал Анами спешно разослал во фронтовые объединения своих людей с целью получить поддержку с мест и призвать продолжать войну до «победного конца». Начальник Генерального штаба генерал Умэдзу выехал в Квантунскую армию для проверки ее готовности к войне с СССР.

Большинство «дзюсинов» считали войну проигранной, однако ясного выхода из положения не видели и действовали крайне нерешительно. Пожалуй, только принц Коноэ, располагавший поддержкой барона Хиранума, министра иностранных дел Того и премьера Судзуки, последовательнее других придерживался линии на переговоры о мире. Отсутствие заметного перевеса какой-либо из соперничавших групп привело к компромиссному решению: продолжать войну и одновременно искать почетного мира. Это и был генеральный курс японского политического и военного руководства в июне – июле 1945 г.

В послевоенной литературе и даже в ходе работы Международного военного трибунала в Токио была предпринята попытка представить большую группу политических и военных деятелей, выступавших в 1945 г. за скорейшее окончание войны и установление мира в Азии, чуть ли не противниками японской агрессии в Азии. В числе непременных участников этой группы называли принца Коноэ, генерала Угаки, бывшего премьера и министра иностранных дел Сигэру Есида и др. После войны многие видные деятели Японии, включая и названных, опубликовали свои мемуары, в которых делалась попытка отмежеваться от военной клики и ее преступной деятельности, оправдать себя перед мировым общественным мнением.

Можно со всей определенностью утверждать, что это всего лишь запоздалая попытка сторонников военной агрессии снять с себя ответственность перед народами, приукрасить свою

неблаговидную роль в годы войны, особенно накануне поражения Японии. История уже сказала свое слово и вынесла справедливый приговор. Миролюбивые народы мира, в том числе и японские трудящиеся, в дни кровавых битв не слышали призывов к миру тех, кто пытался после войны объявить себя противниками агрессии и поборниками мира. Не слышали их голосов и мы, советские люди, очевидцы многих ужасов развязанной японским империализмом агрессии. Грызня же в японском руководстве, существование группы политических деятелей, выступавших против бесперспективного авантюризма военщины, говорили лишь о том, что в японском руководстве были и более трезво мыслящие. Они, так же как и другие представители крупного капитала и военщины, участвовали в развязывании агрессии и поддерживали ее, пока это было им на руку. И только осознав опасность военного поражения и расплаты за политические просчеты, они попытались отвести от себя угрозу, чтобы заодно сохранить силы для нового удара по противнику, в первую очередь по Советскому Союзу.

Июль 1945 г. – самый ответственный период в жизни тогдашней Японии и ее народа. Готовились к решающим событиям и мы, маленький коллектив советских людей в Токио. После окончания войны в Европе ряд сотрудников посольства возвратились в Москву. Руководство Народного комиссариата иностранных дел СССР учитывало, что личный состав советских учреждений бессменно оставался в течение всей войны в Японии. Годы напряженного труда без отдыха, под бомбежками, при постоянном недоедании и в отрыве от семей подорвали силы людей, некоторые нуждались в серьезном лечении. Разрешили в первую очередь выехать тем, кого можно было отозвать без большого ущерба для дела, чтобы после короткого отдыха и лечения использовать их в Наркоминделе или направить на восстановление народного хозяйства. Часть товарищей вернулась на Дальний Восток и в Забайкалье для работы в местных дипломатических и административных учреждениях.

В Токио оставалась небольшая группа сотрудников во главе с послом Я. А. Маликом. О полном свертывании советского дипломатического представительства не могло быть и речи. Надвигалось самое ответственное время, и наше пребывание в центре событий, как любили тогда выражаться – в «логове врага», было куда важнее любой другой работы. Все мы это понимали, никто не хныкал, никто не искал работы полегче.

Одним из первых признаков приближавшейся грозы были сброшенные 29 июля листовки с требованием о капитуляции. Стоял жаркий июльский полдень. Кое-кто из нас находился по

разным делам в городе. Массового налета американской авиации не ожидалось: город и так уже был на две трети сожжен. Неожиданно над Токио появилось несколько американских палубных истребителей. Они промчались с востока на запад на небольшой высоте, оставляя за собой шлейфы из разноцветных листовок. Один из самолетов пролетел над дворцовой площадью, сбросив листовки над территорией императорского дворца. Было время обеденного перерыва, и масса служащих из контор, расположенных на Маруноути, находилась на улицах. Все они с любопытством смотрели на падающие листовки, однако подбирать их боялись, помня о строжайшем запрещении читать их. Но некоторые все же осмеливались поднять листовку. Спешно прибывшие на грузовиках полицейские собирали листовки, дубинками загоняли людей в подъезды. Несмотря на все их старания, часть листовок все же оказалась в руках жителей, попали они и к нам. В них, в частности, говорилось: «Англо-американское командование предупреждает преступную военную клику и народ Японии о важных решениях союзников в Потсдаме и предлагает безоговорочно принять условия капитуляции. В противном случае, так же, как в отношении Германии, последует военный разгром со всеми вытекающими последствиями».

Первый раз население Токио своими глазами прочитало документ, содержащий недвусмысленное требование безоговорочной капитуляции. Угрозы со стороны американцев раздавались и раньше, особенно в связи с нападением на Пёрл-Харбор, но они, как правило, были малоубедительными, не подкреплялись соответствующими делами. Теперь в голосе наших союзников слышались твердость и уверенность.

Конференция в Потсдаме, несомненно, явилась поворотным моментом в войне с Японией. Решение Советского Союза выступить против Японии, его готовность выполнить взятые на себя обязательства делали решение в Потсдаме документом огромной исторической и политической важности. Несколько дней мы гадали о том, что ответят японцы и какие конкретные шаги предпримут англичане и американцы, чтобы подкрепить свои грозные заявления, сделанные в Потсдаме и доведенные до японцев по различным каналам, включая листовки. Мы предполагали, что англо-американское командование возобновит воздушные налеты на японские города, возможно, даже обрушит бомбовый удар на императорский дворец. Однако оно избрало другой способ воздействия на Японию – атомные бомбардировки.

6 августа 1945 г. самолеты ВВС США сбросили на Хиросиму первую в истории атомную бомбу, а 9 августа повторили «эксперимент» над городом Нагасаки.

Военные власти и правительство Японии были потрясены масштабами разрушений и жертв в Хиросиме. Первым их шагом было не допустить панических слухов среди населения и в армии. Даже после обнародования 7 августа заявления президента США Трумэна о том, что на Хиросиму сброшена атомная бомба, японские эксперты не верили в использование американцами столь грозного оружия массового уничтожения. Только прибывшая на место бомбардировки специальная правительственная комиссия во главе с генерал-лейтенантом Арисуэ (начальником разведки Генштаба) и крупнейшим специалистом по атомной энергии, лауреатом Нобелевской премии профессором Нисина установила, что действительно была сброшена атомная бомба. Как стало известно позднее, в заключительном акте этой комиссии говорилось, в частности, следующее.

6 августа 1945 г. в 8 часов 15 минут утра над городом Хиросима появились два военных самолета США типа Б-29. Жители города продолжали заниматься своими делами, не обращая внимания на прилетевшие самолеты. Примерно в то же самое время один из самолетов выбросил над центром города парашют с атомным устройством, после чего последовала ослепительная вспышка и раздался оглушительный взрыв. Это был взрыв атомной бомбы. Над городом поднялось огромное облако земли, пыли и дыма в виде гриба. Объятый пламенем город Хиросима превратился в огненный ад. Из 350 тыс. жителей города около 80 тыс. человек погибли в первые минуты взрыва, свыше 50 тыс. других получили ранения и ожоги различной степени. Число пропавших без вести и пострадавших от излучающей радиации не установлено. Предположительно общие жертвы достигли 200 тыс. человек. Полностью разрушено 48 тыс. жилых и административных зданий, частично пострадало 22 тыс. зданий, что в совокупности составляет 90% всех городских построек.

Впервые это сообщение в сокращенном виде было дано в 20-х числах августа 1945 г., позднее оно неоднократно в различных вариантах излагалось в протоколах Комиссии стратегических бомбардировок США, в различных трудах по истории войны на Тихом океане, в печати. Примерно в таком же стиле было выдержано сообщение и об атомной бомбардировке 9 августа города Нагасаки, где жертвы и ущерб исчислялись несколько меньшими цифрами.

Однако 9 августа 1945 г. произошло еще одно событие, которое имело неизмеримо большее значение для скорейшего окончания войны, чем атомные бомбардировки. В этот день

Советский Союз начал боевые действия против милитаристской Японии. В японскую столицу сообщение об этом пришло буквально через несколько часов после начала боевых действий.

В 9 часов утра (по токийскому времени) территория советского посольства была оцеплена жандармскими подразделениями, у наглухо закрытых ворот были выставлены жандармские и усиленные полицейские посты. Еще раньше проходившие по посольской улице Мамиана японцы останавливались перед воротами и с любопытством заглядывали на нашу территорию. Видимо, уже рано утром 9 августа в Токио знали о войне.

Сообщения о боевых действиях Советской Армии в Маньчжурии, Корее, на Сахалине и Курилах повергли японское правительство и императорский двор в полное смятение. Разом отошли на задний план все другие тревоги, включая атомную бомбардировку Хиросимы, забыты сгоревшие японские города, военные неудачи на море и на суше. Япония оказалась в огненном кольце, в блокаде вооруженных сил крупнейших держав мира. Рушились всякие надежды на затяжную войну, на сепаратные переговоры и почетный мир. Для Японии с 9 августа 1945 г. начался новый отсчет времени.

Нельзя сказать, что в Японии в последние перед 9 августа месяцы не понимали, насколько неблагоприятно складывались в течение всей войны ее отношения с Советским Союзом. Однако в Токио, вероятно, не допускали и мысли о том, что однажды, проснувшись утром, японцы и весь мир узнают о войне, объявленной Советским Союзом. Здесь привыкли к тому, что Япония во всей истории отношений с нашей страной всегда была нападающей стороной. Она совершала бесконечные вооруженные провокации на советской границе, вела фактически необъявленную войну против СССР в течение всех лет его смертельной борьбы с фашистской Германией. И вот настало это памятное для японцев утро, когда СССР, после решительного предупреждения, выступил с ответными действиями.

Участие Советского Союза и его Вооруженных Сил в войне против империалистической Японии было актом величайшей исторической справедливости. Его единственной целью было приблизить всеобщую победу, сократить сроки войны, уменьшить страдания и жертвы, оказать помощь национально-освободительному движению в Азии.

Начиная с 9 августа все мы, сотрудники посольства и других советских учреждений, находились на положении интернированных. Военная жандармерия и полиция блокировали территорию посольства, где мы были размещены, отключили

телефон, электроэнергию, воду, организовали наблюдение за всеми передвижениями по территории посольства. Во второй половине дня 9 августа посольство посетили чиновники иностранного отдела полиции и министерства иностранных дел Японии, чтобы изложить условия нашего проживания: нам запрещалось выходить в город, вступать по телефону и лично в контакты с японцами и иностранцами, пользоваться газетами и радио.

С первых же дней возникли различные бытовые трудности. Нужны были продукты питания, питьевая вода, электроэнергия, в случае заболеваний – медицинская помощь. Единственным каналом связи с внешним миром оставался полицейский пост у ворот. Всякий раз, когда мы обращались к постовому с каким-либо вопросом, следовал стандартный ответ: будет доложено по инстанции. Проходили часы и дни, а все наши просьбы оставались без ответа.

Труднее всего было с водой. Городская водопроводная сеть разрушена, насосные станции не работали, запасы водохранилищ иссякли. Местное население пользовалось водой из рек и непроточных водоемов, большому городу грозила эпидемия тропических желудочных заболеваний с ее роковыми последствиями. Предвидя такое положение, на территории посольства заранее был вырыт нами колодец, однако из-за каких-то капризов почвы вода там то появлялась, то исчезала. Кипяченая вода из колодца содержала превышающий норму осадок, способный вызвать заболевания. Так оно и произошло: вскоре у одного из сотрудников обнаружилось острое желудочно-кишечное заболевание. На просьбу поместить больного в международный госпиталь, где всегда лечились иностранные дипломаты, последовал ответ чиновника японского министерства иностранных дел: советские дипломаты относятся к категории «интернированных» (на японском языке это звучит как «арестованных»), а им пользоваться госпиталем запрещено. Пришлось нам самим лечить больного собственными средствами, поскольку посольский врач сопровождал семьи с детьми, находившиеся в эвакуации в горах.

Все нерешенные вопросы откладывались до посещения советским послом министра иностранных дел Японии, который всячески уклонялся от этой встречи, совершено необходимой и предусмотренной международной дипломатической практикой. Зная, что в городе и на ближайших дорогах появилось много хулиганствующих фашистских молодчиков, способных в любой момент организовать вооруженный налет на посольство, мы бдительно охраняли всю его территорию, входы в основное

здание, следили за тем, чтобы не допустить провокаций в отношении тех, кто нес дежурство ночью. Рассчитывать приходилось только на свои небольшие силы.

После 9 августа американская авиация продолжала совершать налеты на Токио по системе «челночных операций». Размещавшиеся на авианосцах палубные самолеты, появляясь в разное время суток и с разных направлений, сбрасывали свой смертоносный груз и уходили в направлении сухопутных баз на Филиппинах, островах Огасавара, Окинава. После налетов то и дело в городе ухали взрывы бомб замедленного действия, за стенами нашего посольства слышались вопли пострадавших.

Запертые в посольстве, мы, естественно, не представляли всей обстановки, сложившейся в Японии после вступления Советского Союза в войну. Ясно было одно: наступил критический момент войны, пришел час расплаты, и руководителям Японии надо было принимать безотлагательное решение. Возможностей для поисков различных вариантов решения уже не было. Теперь все споры вращались вокруг единственной альтернативы: война или мир? Борьба в японском руководстве стала небывалой по ярости и ожесточенности. Несмотря на непримиримость взглядов враждующих сторон, все сходились на том, что необходимо любой ценой сохранить императорский строй.

Во главе враждующих лагерей стояли два противоположных по складу ума и политическому весу лидера: самолюбивый и неуравновешенный генерал Анами, военный министр, лидер военной клики, и принц Коноэ, опытный и дальновидный государственный деятель. За каждым из них стояла определенная группировка. Анами и возглавляемые им военные действовали методом ультиматумов и угроз. Коноэ и его сподвижники опирались на свое влияние на двор и обширные международные связи.

Чтобы читатель полнее представил себе борьбу в правящих кругах Японии в те дни, приведу некоторые факты, ставшие мне известными в первые дни после капитуляции. Деятель японского социалистического движения Сюнити Оно о событиях в дни, предшествовавшие капитуляции Японии, доверительно рассказывал, а затем изложил в своих трудах примерно следующее.

Глубокой ночью с 8 на 9 августа генеральный секретарь кабинета Сакомидзу узнал от сотрудника информационного агентства Домэй цусин о сообщении радио из Сан-Франциско о том, что Советский Союз объявил войну Японии. Тотчас же Сакомидзу прибежал в частную резиденцию премьера Судзуки и

молча вручил ему перехваченное сообщение. Читая его, премьер пробормотал: «Этого надо было ждать. Наконец пришел конец войне!»

Ранним утром того же дня в резиденцию премьера спешно явился министр иностранных дел Того, по-видимому для того, чтобы настаивать на капитуляции. В это время премьер Судзуки находился на аудиенции у императора, который накануне получил информацию об атомной бомбе, сброшенной на Хиросиму. По возвращении от императора премьер Судзуки приказал Сакомидзу оформить документ с заявлением об окончании войны на основе Потсдамской декларации. Вероятно, на встрече премьера с императором было лри-нято предварительное решение начать переговоры о перемирии. Судзуки заявил Того, что последовавшие одно за другим события – атомная бомбардировка и объявление Советским Союзом войны – разом изменили всю военную обстановку. «Теперь нет никакой надежды, – говорил премьер Судзуки, – изменить ход событий сражением за собственную территорию Японии. Есть только два пути: принять Потсдамскую декларацию или ждать полного развала государства. Правильным будет только первое».

В первой половине дня 9 августа открылось заседание Высшего совета по руководству войной, на котором премьер-министр Судзуки заявил, что в настоящее время окончание войны на базе принятия Потсдамских решений признается совершенно неизбежным шагом. Судзуки просил членов совета высказать их мнения, после чего разгорелись ожесточенные споры, сопровождавшиеся грубыми выпадами и угрозами по отношению друг к другу.

Министр иностранных дел Того подчеркнул необходимость принятия Потсдамской декларации при условии сохранения в Японии существующего государственного строя во главе с императором. Министр морского флота адмирал Ионаи поддержал мнение Того. Военный министр генерал Анами, начальник Генерального штаба генерал Умэдзу и начальник морского штаба адмирал Тоёда заявили, что помимо сохранения существующего строя необходимо добиваться выполнения союзниками трех следующих условий: 1) территория Японии не будет оккупирована; 2) армия и флот проведут самостоятельное разоружение и демобилизацию; 3) Японии будет предоставлено право самой наказать военных преступников.

Военные считали, что только при условии принятия трех названных условий можно вести переговоры о мире. В частности, генерал Умэдзу говорил: «В японских уставах нет слова „капитуляция“. Солдаты Японии воспитаны на принципах

бороться до конца: если потеряно оружие – драться руками, если руки отказали – воевать ногами, если руки и ноги отказали – кусаться. Если это не помогает, крепче прикуси язык и заколи сам себя. Учитывая такое воспитание, есть серьезные сомнения в том, что приказ о капитуляции и сдаче оружия на фронте будет выполнен».

В разгоревшемся споре министр иностранных дел Того отстаивал свою точку зрения, подчеркнув, что если в заявление об окончании войны включить условия военных, то вряд ли состоятся сами переговоры о мире. Заседание совета завершилось злобной пикировкой противников, не придя к окончательному решению.

В то же время за стенами Высшего совета шли непрерывные встречи и обсуждения путей выхода из кризиса. Вначале маркиз Кидо не возражал против условий военных, и это весьма беспокоило группу Коноэ, в которую входили 9 августа кроме Коноэ министры Того, Сигэмицу и Ионаи. По просьбе Коноэ Сигэмицу специально ездил к маркизу Кидо, чтобы убедить последнего отклонить условия группы военных. В течение 9 августа маркиз Кидо неоднократно посещал императора, склоняя его к принятию Потсдамской декларации на условиях признания союзниками японской государственности во главе с императором.

В полдень открылось заседание кабинета. Министр иностранных дел Того информировал членов правительства о вступлении СССР в войну с Японией. Военный министр Анами сделал сообщение о военном положении, в котором, в частности, сказал: «Не существует такой победы, которую можно было бы заранее рассчитать до мелочей, тем более нельзя было учесть заранее вступление в войну Советского Союза и применение США атомной бомбы. Япония имеет шансы выиграть войну и при нынешнем положении. Законы войны диктуют: всегда надо рассчитывать на благоприятное изменение военной обстановки, а не ждать поражения». Свое выступление он заключил словами: «Надо отказаться от заявления о капитуляции и дать решающее сражение за Японию!»

Министры, отвечающие за военное производство и экономику страны, единодушно высказались в том плане, что с материальной точки зрения видов на победу нет, руководимые ими отрасли хозяйства пришли в упадок, продолжать войну равносильно самоубийству всей нации.

На вторичном заседании кабинета министров продолжались ожесточенные споры между военными и той частью гражданских министров, которые все больше склонялись к принятию условий капитуляции. Однако мнение военной группы было

непреклонным. В ходе заседания кабинета прибыл заместитель министра иностранных дел Мацумото и сообщил еще одну новость: утром 9 августа на Нагасаки также сброшена атомная бомба. Тем не менее и второе заседание кабинета закончилось безрезультатно.

Поздно вечером 9 августа в бомбоубежище императорского дворца собрался Высший совет по руководству войной для выработки окончательного решения. На совете присутствовали император и члены императорской семьи. Премьер Судзуки доложил об отсутствии единства мнений членов правительства по главному вопросу. Вновь разгорелись споры, которые показали, что обе противоборствующие группировки не намерены менять своих позиций. Наконец состоялось голосование. Большинство членов совета высказались за капитуляцию на условиях Потсдамской декларации.

Я специально остановился подробно на грызне в японском руководстве, возникшей в первый же день войны Советского Союза с Японией, чтобы показать, насколько сложной оказалась политическая и военная обстановка в стране. Однако борьба в японском руководстве не закончилась. Оголтелая военная верхушка во главе с генералом Анами до последнего вздоха сопротивлялась разумному решению принять Потсдамскую декларацию и закончить войну. И только решительное наступление советских войск в Маньчжурии, Корее, на Сахалине и Курилах, полный разгром японского противника на суше и на море явились убедительным аргументом, вынудившим прекратить вооруженное сопротивление и принять условия безоговорочной капитуляции.

БЕЗОГОВОРОЧНАЯ КАПИТУЛЯЦИЯ ЯПОНИИ

Начатое 9 августа 1945 г. наступление советских войск с участием Забайкальского, 1-го и 2-го Дальневосточных фронтов, Тихоокеанского флота, Краснознаменной Амурской флотилии, а также вооруженных сил Монгольской Народной Республики успешно развивалось на всех стратегических направлениях. Преодолевая высокогорные хребты Большого Хингана и мощные укрепленные рубежи японской обороны вдоль всей границы, ломая бешеное сопротивление японских гарнизонов, непрерывно получавших подкрепления из внутренних районов, наши сухопутные силы при поддержке авиации и кораблей Тихоокеанского флота нанесли сокрушительный удар по главным силам Квантунской армии в Маньчжурии и крупным японским группировкам в Корее, Северном Китае, на Сахалине и Курильских островах.

Сегодня, оглядываясь на события прошлых лет, невольно поражаешься грандиозности свершений нашего народа, доблести Советских Вооруженных Сил в годы Великой Отечественной войны. Только что отгремели последние бои в Германии, возвестившие о полном разгроме фашизма в Европе, а советские воины уже выступили в новый поход с целью отстоять правое дело освобождения народов Азии от японских угнетателей, положить конец кровопролитию на Дальнем Востоке. За короткие сроки нашей страной был создан решающий перевес в силах и технике над армией милитаристской Японии, определивший победный исход последнего сражения Великой Отечественной войны.

Японское командование долго и тщательно готовилось к активным боевым действиям против Советского Союза. К августу 1945 г. численность вооруженных сил Японии составляла свыше 7 млн. человек, не считая ополченцев, входивших в «Добровольный резервный корпус», и национальных формирований в оккупированных странах. Из 5,3 млн. человек сухопутных сил в Маньчжурии находилось свыше 1 млн. человек, в Корее – около 300 тыс. Кроме того, Япония имела свыше 400 боевых кораблей, 20 тыс. орудий артиллерии, 3 тыс. танков, около 6 тыс. боевых самолетов.

Квантунская армия являлась наиболее компактной и сильной группировкой японских войск на континенте. Она была огромной по численности, хорошо оснащенной технически, подготовленной

в военном и идеологическом отношении для нападения на советский Дальний Восток. Быстрый разгром Квантунской армии привел к утрате Японией важных военных преимуществ, лишил ее возможности продолжать длительную вооруженную борьбу.

Приняв предварительное решение и получив санкцию императора на переговоры о перемирии, японское правительство, преодолевая внутренние трудности, пыталось связаться с правительствами СССР, США и Англии, чтобы передать заявление о готовности принять Потсдамскую декларацию с оговоркой о сохранении императорского строя.

Днем 10 августа министр иностранных дел Того вызвал в свою резиденцию на Касумигасэки советского посла Я. А. Малика и в крайне раздраженном тоне изложил ему позицию японского правительства. Заявление советского посла, поставленные им вопросы Того обсуждать не захотел. Таким образом, Советский Союз первым из воюющих государств узнал о решении японского правительства принять Потсдамскую декларацию и, верный своим союзническим обязательствам, немедленно уведомил об этом правительства Соединенных Штатов Америки, Англии и Китая.

Однако было похоже, что своим заявлением о принятии Потсдамской декларации японские руководители прежде всего стремились предотвратить неблагоприятное для них развитие военных событий, задержать лавину наступающих советских войск в Маньчжурии и только потом начать переговоры о мире. Это предположение подтверждалось разнобоем в действиях политического руководства и военного командования. Не считаясь с заявлением правительства о капитуляции, военный министр генерал Анами и начальники штабов армии и флота генерал Умэдзу и адмирал Тоёда продолжали усиливать накал вооруженной борьбы в Маньчжурии, Корее и у берегов Советского Союза со стороны моря.

Людям, не искушенным в политике, могло показаться, что японское правительство находится в растерянности и делает не то, что следовало бы, что механизм капитуляции еще не отработан и дает перебои. Но это было обманчивое впечатление. Опытная японская дипломатия делала все возможное, чтобы любыми путями отсрочить окончание войны на условиях безоговорочной капитуляции и попытаться вырвать выгодные для Японии уступки на переговорах о мире. Ведущие дипломаты: Того, Сигэмицу, Мацумото, возглавляемые премьером Судзуки и советниками двора, борясь за спасение императорской системы, выискивали малейшие разногласия между воюющими державами по этой, считавшейся ими коренной проблеме перемирия, хотя времени для таких поисков оставалось крайне мало. Военное

командование, пытаясь изменить стратегическую обстановку, продолжало переброску резервов из Китая и района Южных морей в Маньчжурию, направило командующему Квантунской армией генералу Ямада невыполнимое требование разгромить советские войска в Приморье и Забайкалье. Двойственная позиция высшего руководства Японии, проводимые им маневры с целью обмануть противника и оттянуть катастрофу принесли некоторые результаты. Сбросив 9 августа атомную бомбу на Нагасаки, американские военно-воздушные и военно-морские силы приостановили бомбардировку городов и обстрел японского побережья, выжидая исхода сражения японских и советских армий в Маньчжурии.

Игнорируя заявление своего правительства о капитуляции, военная верхушка Японии все еще рассчитывала добиться продолжения войны и срыва переговоров о капитуляции. С ее благословения в стране вспыхнул военный путч, целью которого было запугать правительство Судзуки и оказать давление на императорский двор. События в японской столице с 12 по 14 августа приняли особо взрывоопасный характер. Сложившаяся здесь обстановка и от нас в посольстве требовала высокой бдительности.

В ночь с 12 на 13 августа на улицах Токио стоял несмолкаемый гул машин и танков. Кое-где была слышна стрельба. Подвижные части Восточного военного округа и гвардейской дивизии, охранявшей императорский дворец, с ведома военного министра пытались окружить дворец и устранить высших сановников, чтобы навязать руководству страны решение о продолжении войны во что бы то ни стало. Группы вооруженных офицеров врывались ночью в штабы и комендатуры и принуждали находившихся здесь военных присоединиться к выступлению столичного гарнизона против «капитулянтского» правительства и дворцовой знати. Тех, кто отказывался, тут же расстреливали. Несколько грузовиков с вооруженными солдатами промчались мимо советского посольства. С машин слышались злобные выкрики в адрес Советского Союза и сотрудников посольства. Благодаря вмешательству высших чинов армии, сохранивших лояльность к императору, военный путч экстремистов был сорван, хотя и после этого новые вспышки террора и неповиновения могли произойти в любое время.

Между тем советское наступление успешно развивалось. Сдержать его японские войска в Маньчжурии, Корее, в бассейне Японского и Охотского морей были не в силах. Победа Советских Вооруженных Сил уже не вызывала сомнений, становой хребет

врага был сломлен. Могучие клещи Забайкальского и 1-го Дальневосточного фронтов к 15 августа замкнули кольцо окружения основной маньчжурской группировки японских войск и изолировали ее от остальных сил в самой Японии, Корее и Северном Китае. Военное и политическое руководство Японии окончательно поняло безвыходность положения и 15 августа устами императора заявило о безоговорочной капитуляции.

15 августа 1945 г. осталось у меня в памяти как день победы и торжества миролюбивых сил.

В 7 часов утра (по токийскому времени) по всем радиостанциям Японии и в экстренных выпусках газет было объявлено о предстоящем «важном сообщении по радио». Население уведомляли о том, что в 12 часов дня «все вы услышите голос тэнно-хэйка». Уже само известие о выступлении императора явилось потрясающей сенсацией.

15 августа, 12 часов. Страна замерла в ожидании: остановились заводы, поезда на железной дороге, автомашины.

Пустынно и безлюдно на улицах Токио. Дворцовая площадь, где всего сутки назад собирались путчисты, оцеплена верными императору войсками и жандармерией, проходы ко дворцу перекрыты дорожными заграждениями. С раннего утра над столицей волна за волной барражируют американские самолеты, готовые в любую минуту обрушить на нее шквал пулеметного огня и бомб. Аккомпанемент ревущих моторов – звуковое оформление, достойное такого исторического события, каким явилась капитуляция милитаристской Японии.

Диктор радио призвал слушателей к вниманию, и затем послышался неторопливый скорбный голос императора. Основной смысл его речи был таков. Сегодня, принимая Потсдамскую декларацию, Япония капитулировала. Колонии подлежат возврату, армия должна быть распущена. Те, кто начинал эту войну, в скором времени будут удалены от руководства страной. Великая японская империя, существующая со времени «реставрации Мэйдзи», подлежит упразднению, а дела и мысли императора отныне будут посвящены заботе о народе и т. д.

Сообщение о капитуляции Японии для ее народа явилось полной неожиданностью и вызвало огромное потрясение. Японских трудящихся долго и жестоко обманывали, и в этом состояло одно из главных преступлений правящей клики. Руководители Японии не спросили свой народ ни в дни начала Тихоокеанской войны, ни в дни горького поражения. Воспитанные на традициях «божественной» мифологии, обманутые военной пропагандой, оглушенные всевозможными националистическими

и великодержавными теориями, японские трудящиеся самоотверженно отдавали войне все, чем располагали. Они гибли на фронтах во имя чуждых им целей, работали в тылу не покладая рук, умирали от голода и болезней, в огне пожаров и под бомбами «летающих крепостей».

И все же, несмотря на выпавшие на его долю страдания, японский народ еще не сбросил оковы духовного рабства, в котором его держали десятилетиями. С чувством покорности и верноподданнического трепета слушали японцы 15 августа заявление императора Об окончании войны, не выражая при этом ни гнева по поводу напрасных жертв, ни ненависти к тем, кто повинен в постигшей страну катастрофе. Большинство просто радовалось, что самое страшное позади.

У нас, невольных очевидцев событий тех дней, сложилось впечатление, что для американского командования на Тихом океане решение Японии о капитуляции также было неожиданным. Всего за несколько дней до капитуляции оно заявляло, что война на Дальнем Востоке кончится не ранее середины 1946 г., готовило высадку десанта в Японии к концу 1945 г. И вдруг – капитуляция. Это предположение еще больше укрепилось, когда стало очевидным, что американская сторона все еще не готова принять безоговорочную капитуляцию Японии. После 15 августа американское командование несколько раз переносило сроки первой высадки своих войск на территории Японии. Подтверждение того, что в США не ожидали столь быстрой капитуляции Японии, мы находим и в некоторых заявлениях американских руководителей. В частности, тогдашний министр обороны США Стимсон писал: «В связи с заявлением о капитуляции Японии президент Трумэн собрал высокопоставленных лиц в Белом доме. Вашингтон был взволнован, мало кто верил в правдоподобность случившегося». Государственный секретарь США Э. Стеттиниус утверждал следующее: «Накануне Крымской конференции начальники американских штабов убедили Рузвельта, что Япония может капитулировать только в 1947 году или позже, а разгром ее может стоить Америке миллиона солдат»[17].

Неожиданная для наших союзников капитуляция Японии 15 августа 1945 г. на самом деле не была каким-то чудом. Она явилась следствием прежде всего сокрушительного удара, нанесенного Вооруженными Силами Советского Союза, разгромившими цвет японской армии. Не будет преувеличением сказать, что советские войска спасли Соединенным Штатам тот миллион солдат, который бы им понадобился для достижения полной победы, не приди наша страна своевременно на помощь.

Вечером 15 августа к нам в посольство неожиданно прибыл сотрудник японского МИДа, предложивший обеспечить нас всем необходимым для жизни и работы. Он поинтересовался, как мы жили без продуктов, без воды, без света, спрашивал, имеются ли больные. Я вел переговоры с этим сотрудником, стараясь держаться как можно увереннее и спокойнее. Мы обсудили все практические вопросы. Уходя, японский чиновник сказал: «Не беспокойтесь, теперь все будет хорошо» Давно уже никто из японцев не разговаривал с нами так доброжелательно и с живым участием. В тот же день японские власти сняли блокаду ворот посольства, включили телефон, дали воду и электричество. С 16 августа власти обещали обеспечить нас хлебом, овощами и рыбой, к тому же без карточек. Это уже кое-что.

Мне было поручено срочно навестить наши эвакуированные семьи. Я выехал немедленно поездом до станции Одавара. В поезде меня сопровождали два полицейских чина, приставленные на случай возможных эксцессов со стороны обезумевших фанатиков. Один из полицейских постоянно находился рядом со мной, второй же держался на некотором удалении, готовый в любой момент прийти на помощь мне и своему партнеру. К счастью, на всем протяжении поездки охрана не понадобилась. Я нашел наши семьи в нормальном состоянии, никаких происшествий за эти дни не произошло. Здесь неотлучно были специально выделенный послом сотрудник посольства, хорошо знавший японский язык, и врач. Выходить из помещения, где размещались наши семьи, в дни войны не разрешали, но в самом помещении не было каких-либо притеснений и грубостей. Возвращать семьи в Токио японские власти пока не рекомендовали, ссылаясь на то, что в последние дни в стране появилось много вооруженных групп и одиночек, нарушавших общественный порядок и занимавшихся бандитизмом.

Мир и покой крайне медленно и нерешительно возвращались на опаленную пожарами и исковерканную взрывами японскую землю. Люди еще не освободились от психологического шока последних дней. В небе на всякий случай постоянно дежурили американские самолеты, так как не было особой веры заявлениям о капитуляции. Впервые за много месяцев сотрудники посольства отдыхали в своих квартирах, у кого они уцелели. Однако у всех нервы по-прежнему взвинчены и спалось плохо. Каждую ночь в городе происходили какие-то странные передвижения, в расположении воинских частей и во дворах министерств полыхали огромные костры, напоминавшие недавние пожары во время бомбежек. По отдельным признакам мы догадывались, что повсюду началось поспешное устранение улик военных

преступлений: сжигались архивы, следственные документы, ликвидировались центры разработки и изготовления секретного оружия, прятался золотой запас, растаскивались склады армии и флота. Вот когда нужен контроль оккупационных властей, но они не спешат. По некоторым данным, первые оккупационные войска прибудут в Токио лишь в конце августа.

После 15 августа японские Генеральный штаб и Ставка не торопились с отдачей войскам и штабам приказов о прекращении военных действий. Не везде эти приказы были тотчас же приняты к исполнению. Японские армии в Китае отказались сдать оружие, оправдывая это нежеланием оказаться в плену у коммунистов. Командующий Квантунской армией генерал Ямада дополнительно запрашивал из Токио подтверждений и уточнений, а войска продолжали яростно сопротивляться наступающим советским войскам. Прежде чем капитулировать со своим штабом, генерал Ямада еще раз перенес свой командный пункт из Тунхуа в Чанчунь и только 18 августа предстал перед советским командованием. Военным авантюристам в Токио не было никакого дела до того, что лишний час войны уносил сотни человеческих жизней. Не полагаясь на благоразумие военных руководителей, японское правительство отправило на важнейшие направления членов императорской семьи, чтобы оказать определенное давление на военных, а в случае их отказа провести в жизнь указ императора о капитуляции. И все же даже после опубликования указа императора среди генералов и офицерства продолжалось брожение.

Связь столицы с фронтами в Маньчжурии, Китае и Южных морях была нарушена, и по путаным сообщениям газет и радио было трудно, живя в Токио, представить себе, прекратилось сопротивление японских войск или же отдельные части и группы не хотят сложить оружие и в предсмертной судороге продолжают сеять смерть среди тех, кто нанес решающий удар по японской армии и флоту.

Вслед за провалом путча гвардейской дивизии в Токио прямо в кабинете покончил жизнь самоубийством генерал Анами, оставив. записку следующего содержания: «Приношу в жертву одного с молитвой о всех». Вскоре его примеру последовали маршал Сугияма, генерал Танака, контр-адмирал Ониси и многие другие.

В дни капитуляции самоубийства высших должностных лиц, политических деятелей и генералов стали массовым явлением. На дворцовой площади Почти каждый день новые трупы. Подходить близко к месту готовящегося самоубийства рискованно: совершающий его человек приходит в состояние крайнего

аффекта и утрачивает над собой контроль. Но все же кое-кто из нас проникал на площадь, чтобы своими глазами увидеть эту ужасную картину. Издалека можно было наблюдать, как решившийся на самоубийство японец в сопровождении родственников или друзей приближался к месту добровольной казни. Отделившись от пришедшей с ним группы, он некоторое время молча стоял или садился по-японски, обратив лицо к императорскому дворцу, затем решительным движением меча вспарывал себе живот.

Японское харакири – древний обычай, воспетый в самурайских былинах и легендах. Самурайский кодекс «Бусидо» и религия воспитывали японского солдата и офицера в духе постоянной готовности к самопожертвованию. Многочисленные самоубийства, как и предшествовавшее им движение смертников, были страшным итогом милитаристского, ультранационалистического воспитания. Однако не все ответственные за развязывание войны японцы совершали над собой харакири: принц Коноэ принял яд, генерал Тодзио стрелял в себя. В Японии по традиции и сегодня не осуждают самоубийство, считают его проявлением силы духа. И по сей день нет закона, запрещающего харакири.

Тот, кто чувствовал за собой вину и не обладал волей сделать себе харакири, предпринимал последние шаги, чтобы уйти от возмездия, и бежал подальше от столицы.

16 августа на смену правительству адмирала Судзуки пришло правительство принца Хигасикуни, в задачу которого входило не допустить кровавых столкновений в стране и подготовиться к встрече оккупационных сил. Выступая в последний раз по радио, бывший премьер-министр Судзуки призвал народ соблюдать спокойствие и благоразумие. Напомнив причины, приведшие страну к необходимости сложить оружие, он выдвинул на первое место участие в войне Советского Союза.

Наступал кульминационный момент капитуляции Японии. Правительство принца Хигасикуни, готовясь к встрече союзников, спешило демобилизовать армию и флот, спрятать все, что только можно. Но оно не успевало сделать все намеченное до прихода оккупационных войск. Чтобы выиграть время, японское правительство неоднократно обращалось к американскому командованию в Маниле с просьбой об отсрочке. Объявленный Главнокомандующим союзными войсками в Японии генерал Макартур и сам не спешил с высадкой оккупационных войск. Наконец был назначен день высадки войск – 28 августа и день подписания акта о капитуляции – 2 сентября 1945 г. Представителем СССР в созданном союзниками контрольном

органе по Японии был назначен генерал-лейтенант К. Н. Деревянко. Назначили своих представителей также Англия и Китай.

Многолетняя война в Азии и на Тихом океане подошла к концу. Где-то на дальних островах Тихого океана еще бродили в одиночку и группами вооруженные японские солдаты, где-то стреляли из замурованных в сопках казематов отдельные смертники, еще рвались не обезвреженные саперами мины, но это были последние сполохи погашенного пожара войны. Теперь уже не оставалось никаких сомнений в том, что решительно покончено с опасным очагом военной угрозы на Дальнем Востоке.

Итоговые военные сводки убедительно говорили о том, что наголову разбита лучшая часть японских вооруженных сил – Квантунская армия. Наступательная операция советских войск в Маньчжурии завершилась блестящей победой. По своей организации, стратегическому замыслу и политическому обеспечению, методам и срокам осуществления, наконец, по конечным результатам эта операция не имела себе равных в истории мирового военного искусства. Победа на Дальнем Востоке явилась ярким свидетельством несокрушимой мощи объединенных сил антигитлеровской коалиции.

28 августа 1945 г. осталось в памяти как день вступления союзных войск на землю японского агрессора. В тот день рано утром, приведя себя в праздничный вид, мы с офицером нашего военно-морского аппарата отправились на посольской «эмке» в главную военно-морскую базу Японии – Йокосука, где предстояла высадка американских десантных войск. Это было едва ли не первым посещением советскими людьми цитадели японского флота. На базе нас встретил японский морской офицер и проводил к главному причалу.

Все было как-то необычно. Мы медленно ехали по чистому, правильно распланированному городу. Улицы вымощены брусчаткой, движение транспорта незначительное, регулировщики на перекрестках – военные моряки. Большая часть каменных зданий закамуфлирована. Сохранившиеся японские военные корабли сосредоточены у вспомогательного причала, орудия зачехлены, на мачтах и реях белые флаги.

Нас представили уже немолодому вице-адмиралу – командующему базой. Он вежливо поклонился и продолжал заниматься своим делом. Вид у него был очень мрачный. Впоследствии писали, что, сдав американцам базу, вице-адмирал покончил с собой ударом морского кортика. Всего в тот день совершили харакири 128 японских морских офицеров. Поднявшись на верхний этаж здания базы с хорошим круговым

обзором, мы увидели на внешнем рейде большое количество американских военных кораблей во главе с флагманским кораблем адмирала Нимица.

Около 10 часов утра несколько американских малых судов и десантных барж направились в сторону базы. На главном флагштоке штаба базы были подняты сигнальные флаги, которые, как объяснил наш спутник, означали «Приветствуем высадку».

Какая ирония судьбы. Почти через 100 лет повторился роковой для Японии визит американских военных кораблей в Токийский залив. Тогда, в 1853 г., коммодор Перри «открыл» для Америки далекую Японию и силой оружия навязал ей неравноправные договоры. Теперь сюда пришли несколько сот военных кораблей США с полумиллионной армией. И не под грохот корабельной артиллерии, а под раскаты атомных бомб.

Когда первая десантная баржа, сопровождаемая катерами, подошла к причалу, командующий не торопясь спустился вниз и через переводчика доложил какому-то незначительному чину флота США о сдаче базы. Больше его никто не видел. Нам было интересно наблюдать, как американские моряки, несомненно владея искусством проведения такого рода операций, медленно и осторожно, эшелон за эшелоном наращивали силы десанта, совершив затем высадку на берег. Возможно, союзники все еще опасались каких-то непредвиденных провокаций со стороны японцев, а может быть, просто хотели продемонстрировать свое мастерство. Высадка шла энергично, но неторопливо, с надежным артиллерийским и воздушным прикрытием. Насколько я помню, высаживалась отдельная дивизия во главе с полковником.

Со стороны японцев ни малейшего противодействия десанту. Передовые его подразделения очень быстро заняли базу и ведущие к ней дороги. Скоро между десантниками и местным населением завязался своеобразный диалог: высадившиеся янки что-то спрашивали, не переставая жевать резинку, а перепуганные жители пытались им отвечать. Конечно, никто друг друга толком не понимал. Многие из американских солдат доставали из карманов и пытались пользоваться англо-японскими разговорниками, тыча ими в лицо прохожему.

К 14 часам дня высадка десанта закончилась. Неожиданно к нам подъехал на большой скорости «виллис», в котором находились лейтенант и два американских солдата. Они стали выяснять, кто мы такие. Не разобравшись как следует, лейтенант приказал нашей машине следовать за его «виллисом». У здания бывшего офицерского собрания базы мы остановились, и лейтенант, вынув из кобуры пистолет, отконвоировал нас к командиру дивизии.

«Вот те русские, о которых докладывал майор из разведки», – сказал он полковнику. Последний, не дослушав рапорт лейтенанта, принялся распекать нас. В большом волнении он кричал: «На каком основании русские первыми прибыли в базу Йокосука, разве вам не известно указание Магкартура о том, что именно его дивизия занимает эту базу?» Когда полковник остановился, чтобы перевести дух, мы объяснили ему, что мы – советские дипломаты и прибыли из Токио, чтобы встретить наших союзников и поздравить их с успешной высадкой.

Картина моментально переменилась. Теперь полковник с тем же остервенением накинулся на майоре разведки, устроив ему взбучку за напрасную панику. Тут же он приказал подать шампанское и экспромтом произнес короткую речь. Подробностей ее не помню, но примерно было сказано следующее: «Ребята, это русские дипломаты и офицеры. Им пришлось всю войну провести под американскими бомбами в Токио. Они выполняли поручения своего правительства. Могу вас заверить, что русские парни – отличный народ. Я с ними воевал в Германии и пил русскую водку. Выпьем же теперь за встречу с русскими в Японии!» Затем полковник крепко пожал нам руки. Первый контакт с союзниками был установлен.

Вскоре к причалу подошли катера адмиралов Нимица и Хэлси, которым предстояло отправиться на аэродром Ацуги, куда через несколько часов должен был прибыть из Манилы генерал Макартур. Наш знакомый полковник, с недоверием посмотрев на нашу потрепанную «эмку», предложил ехать в его новеньком «плимуте».

К 15 часам того же дня на военно-морском аэродроме Ацуги все было готово к встрече генерала Макартура. Аэродром оцеплен японской военизированной охраной. У каждого солдата вместо оружия полутораметровая палка – символ разоружения и покорности. На аэродром никого, кроме иностранных гостей, не пускают. Точно в назначенное время со стороны моря появился американский турбовинтовой самолет «дуглас», сопровождаемый десятком истребителей.

«Дуглас», о котором рассказывали, что он всю войну служил генералу и якобы покрыт специальной непробиваемой броней, сел на взлетную полосу. Истребители же на огромной скорости с ревом пронеслись над нами, обдавая собравшихся на летном поле потоком воздуха.

Остановились моторы, и перед самолетом выстроилась шеренга двухметровых парней из личной охраны генерала. После некоторой паузы из самолета вышел усталый генерал Макартур. Он долгое время смотрел в сторону горы Фудзи и только после

этого повернулся к встречавшей его толпе генералов, офицеров и дипломатов. Первым к Макартуру направился главнокомандующий флотом США на Тихом океане адмирал Нимиц. Они дружески приветствовали друг друга. Затем подошли другие должностные лица из штаба Макартура, прибывшие в Токио раньше.

С аэродрома генерал Макартур в сопровождении эскорта американских машин направился в посольство США в Токио, откуда он отныне должен был управлять оккупированной Японией. С этого дня над американским посольством вновь поднят звездно-полосатый флаг США.

2 сентября 1945 г. на линкоре «Миссури» в Токийском заливе состоялась церемония подписания акта о безоговорочной капитуляции Японии. Накануне разными путями в Токио прибыли представители стран, участвовавших в войне против Японии. Прибыл и представитель Советского Союза генерал-лейтенант Деревянко. Советская делегация на церемонии была одной из самых представительных.

Мы прибыли на набережную в Иокогама к 7 часам утра, откуда всех приглашенных доставили катерами на линкор. Японских представителей перевезли на американском эсминце. В воздухе дежурят истребители. На рейде, как на военном параде, выстроились десятки военных кораблей США. Между берегом и линкором «Миссури» непрерывно снуют американские катера, всюду морская военная полиция.

Все готово к началу церемонии. Главные действующие лица разместились на верхней палубе линкора. Генерал Макартур стоял на некотором удалении от остальных, подчеркнуто сохраняя дистанцию. В составе советской делегации пять генералов и политический советник. Победителей и побежденных разделял длинный стол, покрытый зеленым сукном, на котором лежали документы. В японской группе впереди бывший министр иностранных дел Мамору Сигэмицу и бывший начальник Генерального штаба Японии генерал Есидзиро Умэдзу, за ними – сопровождавшие их лица. Нас интересовал вопрос, почему здесь Сигэмицу и Умэдзу. Видимо, потому, что они являлись последними руководителями дипломатического и военного ведомств Японии.

Генерал Макартур открывает церемонию. Он скуп на слова: по-военному кратко, одной фразой изложил суть происходящего. Первым к столу подошел, волоча протез и опираясь на палку, Сигэмицу. Он во фраке, лицо бледное, неподвижное. Сигэмицу медленно сел и сделал запись в акте о безоговорочной капитуляции: «От имени императора и правительства и по их

приказу. Мамору Сигэмицу». Поставив подпись, он на какое-то время задумался, словно взвешивая значение совершенного им акта, затем с трудом поднялся, поклонился в сторону генералов и заковылял на свое место.

Затем то же самое проделал генерал Умэдзу. Оставленная им запись гласит: «От имени Ставки и по ее приказу. Ёсидзиро Умэдзу». Генерал в военной форме, с орденами, но без традиционного самурайского меча: американские власти запретили иметь при себе оружие, поэтому ему пришлось оставить меч на берегу. Генерал держится бодрее, чем Сигэмицу, однако вид у него также траурный.

Генерал Макартур первым подписывает акт от имени союзных держав и США, затем подходят и ставят свои подписи представители Советского Союза, Великобритании, Китая, Австралии, Канады, Франции, Голландии и Новой Зеландии. Документ о капитуляции оформлен, теперь дело за выполнением. По окончании церемонии генерал Макартур приглашает участвующих в салон корабля на бокал шампанского. Японскую делегацию без промедления увозят с линкора.

ПОЕЗДКИ, ВСТРЕЧИ, ВПЕЧАТЛЕНИЯ

После заявления японского правительства о капитуляции и до прибытия первых оккупационных войск образовалась непредвиденная пауза в 10-15 дней, и руководством посольства было решено использовать ее для поездок консульских работников в места проживания местных советских граждан и нахождения советского имущества для их защиты. Так созрело решение о поездке в эти дни группы сотрудников посольства на Хоккайдо и в Нагасаки. Консульский отдел обратился к японским властям за разрешением на поездки в названные районы. Надо прямо сказать, власти неохотно согласились на поездки советских людей по этим двум Маршрутам, но отказать нам она не осмелились. Теперь мы представляли державу-победительницу, и с этим им приходилось считаться.

Наша поездка на Хоккайдо по маршруту Токио – Сэндай – Аомори – Хакодатэ – Саппоро – Атару – Асахигава – Мураран – Акита – Токио состоялась с 17 по 21 августа и оставила большое впечатление. Нам хотелось, не скрою, увидеть реальную обстановку на местах после окончания войны и выяснить отношение жителей севера страны к Советскому Союзу и к нам, его представителям. Прикрепленный в качестве переводчика и для нашей охраны японец, по всей вероятности, имел на этот счет соответствующие установки. Фамилия его не сохранилась в памяти, но помню, что это был опытный сотрудник полиции, хорошо знавший русский язык и конкретную обстановку в пути следования и в местах наших остановок. Наиболее острые и щекотливые эпизоды сопровождавший всячески старался от нас скрыть. Вместе с тем он усиленно обращал наше внимание на встречавшиеся повсюду огромные опустошения в результате бомбежек, на хозяйственную разруху в городах и на транспорте, на факты, свидетельствовавшие об усталости народа от войны, его лояльности к нам и «полном» раскаянии должностных лиц в совершенных ими преступлениях.

Очень скоро мы поняли, что в связи с капитуляцией наше положение настолько изменилось, что мы можем разговаривать с населением, не испрашивая на это специального разрешения у полиции. Наши наблюдения и беседы с местными жителями убеждали нас в том, что фактическое положение народа не является таким уж безнадежным, каким казалось нам в Токио и каким старались изобразить его японские власти.

По железным дорогам и на прибрежных пароходных линиях шло интенсивное передвижение людей и грузов. Расходилось по

домам мужское население, мобилизованное в последние месяцы войны в армию и в ополчение, возвращались из эвакуации многие семьи с детьми и домашним скарбом, у всех на лицах неподдельная радость: конец войне. На железнодорожных станциях и в поездах много солдат и офицеров из местных гарнизонов. Рядовые и младшие офицеры везли с собой большие узлы с обмундированием и продуктами питания. Видимо, их старались обеспечить всем необходимым, чтобы кадровый состав армии и флота уходил со службы без обид на военных руководителей. Старшие офицеры и генералы получали в качестве выходного пособия целые грузовики армейского добра и солидное денежное пособие. Все делалось в большой спешке, точно хотели к приходу оккупационных властей показать, что армии как орудия насилия и агрессии в Японии больше не существует.

Где бы мы ни появлялись, нам задавали один и тот же, видимо, особенно волновавший жителей Хоккайдо вопрос: будут ли советские войска участвовать в оккупации Японии, какими силами и в каких районах? Многие не скрывали, что в случае прихода советских войск рассчитывают получить землю и таким образом поправить свое положение. Кое-кто из местных жителей уже знал об экономических мероприятиях советских оккупационных органов в Восточной Германии. По всему чувствовалось, что население явно симпатизирует нам. Мы порой оказывались в затруднении, так как на некоторые вопросы не могли ответить. Мы и сами не представляли себе конкретно будущей экономической политики оккупационных властей в Японии.

Город Асахигава был военным центром острова Хоккайдо. Там дислоцировался штаб 5-го фронта и размещалось ядро сухопутных сил, нацеленных на советскую Камчатку, Северный Сахалин и Приморье. Как и в других городах, здесь занимались самороспуском военных учреждений и частей, раздавали военное имущество, и продовольствие. С нами местные офицеры держали себя надменно, с плохо скрываемой злобой: к нам не подходили, потихоньку переговаривались между собой, причем по отдельным доносившимся фразам чувствовалось, что речь шла о нас. Когда мы обращались с каким-нибудь вопросом к ним, они отворачивались, злобно сжимая кулаки, ругались и плевали в землю.

На одном перекрестке города мы увидели группу молодых людей в 30-40 человек, ожидавших погрузки в стоявшие рядом машины. Все они были хорошо обмундированы, что называется, «с иголочки», у каждого в руках новенький чемодан и полевая

офицерская сумка. Мы хотели подойти к ним, полагая, что это демобилизованные офицеры. Но сопровождавший нас сотрудник полиции объяснил, что это расформированный отряд смертников и беседовать с ними опасно. На вопрос, что с ними будет в дальнейшем, он ответил, что многие смертники, узнав о капитуляции, покончили с собой. Часть из них якобы отказалась повиноваться и с оружием в руках отправилась в Токио, чтобы расправиться с теми, кто допустил капитуляцию. Как он полагает, среди членов данной группы будет проведена разъяснительная работа о целях установления мира, их долге перед императором и страной, о правильном отношении к оккупационным властям. Наиболее спокойных и уравновешенных отпустят домой, а неисправимых на некоторое время изолируют от населения. Сопровождавший рассказал, что при увольнении из частей специального назначения все они получили большие денежные оклады. Все равно многие сделают себе харакири, как только израсходуют эти деньги, сказал сопровождавший, так как заниматься нормальным трудом они уже не могут.

В городе Мурорaн мы встретились с представителями администрации артиллерийского арсенала. Арсенал был крупным, многоотраслевым предприятием смешанного характера: две трети основного капитала принадлежали государству, одна треть — частным акционерам. Арсенал работал на привозном (из Маньчжурии и Кореи) сырье и местном угле, добываемом на Хоккайдо в шахтах Юбари. До и во время войны арсенал давал баснословные прибыли держателям акций. 22 тыс. рабочих жили здесь в довольно сносных условиях. Весной 1945 г. в результате нескольких воздушных налетов резко сократился выпуск вооружения. С началом войны с Советским Союзом владельцы поняли, что предприятие ожидает полный крах. Было отдано распоряжение произвести демонтаж основного оборудования, вывезти и спрятать запасы стали и чугуна. Несколько эшелонов готовой продукции были сброшены в море, взорваны подъездные пути и туннели, уничтожена документация. Администрация арсенала начала массовые увольнения рабочих без выходного пособия.

Когда мы с товарищем по поездке решили пройти в цехи и на склады, нас стали запугивать тем, что в среде рабочих сильна ненависть к Советскому Союзу, и даже снарядили целый эскорт сопровождающих. Однако, осматривая литейный, кузнечный и сборочный цехи, мы заметили, что рабочие охотно вступали в беседы о войне, рассказывали о событиях на заводе. Они все время посматривали на сопровождающих, которые подавали какие-то непонятные знаки рабочим, что-то записывали в

блокноты, все время посылали в управление завода гонцов с поручениями. Когда мы попросили оставить нас одних, тут же завязалась беседа, из которой мы узнали о растаскивании арсенала.

Рабочие откровенно выражали симпатии к нам, советским людям, которых они видели впервые в жизни. И снова звучал один и тот же вопрос: придут ли на Хоккайдо советские войска? В этот вопрос рабочие вкладывали и доброе отношение к нам, и тревогу за свое будущее. Как могли, мы утешали их, говорили, что все наладится после прихода оккупационных войск.

В заводоуправлении мы беседовали с управляющим и главным инженером. К нам относились весьма почтительно: подали чай, угощали сигаретами и яблоками. Но беседа не клеилась. Нельзя сказать, что руководители завода были очень напуганы. Напротив, они держались уверенно, наше присутствие на военном предприятии их ничуть не смущало. Тот и другой являлись крупными владельцами акций арсенала, поэтому их более всего заботило, будут ли конфискованы военные предприятия, а следовательно, какой урон они понесут от оккупации. Старались побольше узнать через нас, как будет осуществляться оккупация. На наши вопросы отвечали односложно и все время хитрили. Например, на вопрос, кто отвечает за сохранность предприятий арсенала и материальных ценностей до прихода оккупационных войск, управляющий ответил, что на сей счет никаких указаний из Токио пока не получено. Когда мы собрались уходить с завода, его руководители откровенно обрадовались.

На шахтах Юбари мы быстро установили с рабочими тесный контакт. Мое знание языка облегчало разговор, хотя горняки Хоккайдо обычно говорят на труднейшем шахтерском жаргоне. Это были приятные и искренние беседы с рабочими людьми. Из этих бесед мы вынесли много полезных знаний о жизни в военной Японии. В большинстве своем шахтеры, железнодорожники, рыбаки и крестьяне были обмануты милитаристской пропагандой и религией. Все они пострадали от войны, развязанной правящей военной кликой. Нас, советских людей, шахтеры встретили с нескрываемым любопытством. Им десятилетиями внушали, что русские похожи на медведей, живут в лесах Сибири, питаются сырым мясом. Некоторые из них, кажется, были даже разочарованы, увидев, что мы вполне нормальные люди. Нас даже пригласили спуститься в шахту, но это не входило в наши планы, и мы отказались. Беседа проходила живо, рабочие задавали вопросы и сами охотно рассказывали о себе, о тяжелом труде и быте шахтеров.

Из-за недостатка рабочей силы и в погоне былью владельцы шахт в годы войны широко использовали труд женщин и детей. Тяжелый шахтерский труд не был механизирован. Клеть спускали в шахту ручным воротом, подъем угля наверх осуществлялся с помощью вагонеток. Работа по многу часов в сырой шахте приводила к поголовному ревматизму. Шахтеры страдали от непосильного, каторжного труда, жили в тяжелых, антисанитарных условиях, переносили голод и болезни. Подавляющее их большинство не знали иероглифов и не могли читать даже газеты. Наемные пропагандисты запугивали рабочих коммунистической опасностью, уверяли, что только благодаря войне они имеют работу. Время от времени шахтеры стихийно поднимались на борьбу с предпринимателями, однако успеха не достигали, и тогда условия их труда и жизни становились еще хуже. Несмотря на то что законы военного времени категорически запрещали забастовки, рабочие угольных шахт Юбари неоднократно отказывались приступить к работе.

Лед недоверия был совершенно растоплен, когда мы стали рассказывать о Советском Союзе, о войне с немецким фашизмом, о причиненных войной страданиях советских людей. Когда мы объяснили, почему Советский Союз объявил войну японскому милитаризму, то, к нашему великому удивлению, это не вызвало какой-либо отрицательной и злобной реакции, и только один старик ядовито заметил: кто нападает, тот всегда прав. Многие интересовались условиями оккупации, в частности спрашивали, как будет оплачиваться труд рабочих, кто станет руководить предприятиями, иностранцы или японцы, разрешат ли устраивать забастовки и т. д. На все эти вопросы мы отвечали, как могли. Далеко не все ясно было нам самим. Известны были лишь сами принципы оккупации Японии, изложенные в Потсдамской декларации, но как они реализуются на практике, никто не знал.

Наша поездка подходила к концу. Оставалось провести несколько часов в Хакодатэ, где находилось наше необитаемое консульское здание, после чего мы намеревались возвратиться в Токио. Из отчетов консулов А. И. Савельева и П. В. Михайлова мы знали, что местные власти умышленно создавали нетерпимые условия для советских работников, пока не вынудили в 1944 г. закрыть консульство. Здание консульства то и дело оставляли без воды и света, консульским работникам и членам их семей разрешали ходить только по намеченным полицией улицам, не оберегали их от ругательств и оскорблений воинствующих антисоветчиков. Когда консул обращался к мэру с просьбой принять его, обычно следовал ответ: мэр занят. Если все же удавалось встретиться с кем-нибудь из городских властей, они

держали себя грубо и вызывающе.

Теперь, когда Япония потерпела поражение и капитулировала, мэр Хакодатэ, фамилии которого уже не помню, сам примчался для встречи к поезду. Властно командуя сопровождавшей его оравой переодетых полицейских, он открыл перед нами дверцу машины, льстиво заглядывал в глаза. Сам отнес мой чемодан. Мэр пригласил нас на обед к нему в резиденцию. Мы не хотели связывать себя услугами этого высокопоставленного холуя и предложили после осмотра консульского здания и земельного участка встретиться в ближайшем ресторане, так как оставалось мало времени до очередного парома через Сангарский пролив. Пока осматривали участок и здание, мэр неоднократно принимался извиняться за плохое отношение к советским людям, услужливо повторял вслух каждую нашу просьбу, сам записывал ее и тут же кричал на своего секретаря, чтобы тот не мешкал с выполнением. Это было жалкое зрелище. За обедом властители города, как сговорившись, старались уверить нас в том, что оии-де сами были жертвами военно-полицейского режима. Одновременно они не упускали возможности порицать американцев за бесчеловечное отношение к японцам, напоминали о жертвах Хиросимы и Нагасаки. Однако искренности в их словах не чувствовалось.

В ходе поездки на север Японии мы многое узнали о действительном положении трудящихся, составили некоторое представление об ущербе, понесенном японской экономикой в результате войны, еще раз убедились в растущих симпатиях трудовых слоев населения к нашей стране. Снова и снова мы приходили к выводу, что война, являвшаяся выгодным бизнесом для правящих классов, принесла неслыханное разорение трудящимся Японии. Она породила экономический упадок и политический застой в стране. В то же время настораживали отчетливо проявившаяся на севере тенденция к сохранению военных кадров, которые в будущем могли стать реальной основой для возрождения японского милитаризма, и к консервации военно-экономического потенциала, а также наблюдавшиеся здесь, как и повсюду, происки местной реакции, направленные на то, чтобы столкнуть интересы держав-победительниц. Обо всем этом по возвращении в Токио мы доложили руководству советского посольства.

22-27 августа 1945 г. мне представилась возможность совершить еще одну поездку, теперь в западные районы Японии, в том числе в города Хиросима и Нагасаки. Вторая поездка дополняла впечатления первой и была очень интересной.

В те дни американская пропаганда много шумела о

всемогуществе атомной бомбы. Уже тогда из выступлений государственных и военных деятелей можно было понять, что в США делают серьезную ставку на атомное оружие, рассматривая его как важнейшее средство политического шантажа. Никто из нас, находившихся тогда в Японии, не знал подробностей того, что произошло в Хиросиме и Нагасаки, поэтому увидеть своими глазами последствия первых атомных бомбардировок казалось нам весьма заманчивым. Разрешение на поездку было выдано, но японская полиция предупредила, что вся ответственность ложится на тех, кто отправляется в путешествие. Мы с офицером военного аппарата посольства взяли билеты от Токио до Нагасаки с намерением посетить на обратном пути города Кобэ, Осака и Нагоя.

23 августа в 9 часов утра поезд доставил нас в Хиросиму. Испытывая огромный интерес к этой поездке, мы одновременно с тревогой думали о том, правильно ли поступаем, отправляясь без всяких мер предосторожности на место атомной катастрофы. Мы так мало знали тогда о природе атома, что мысли о радиации или химико-биологических последствиях взрыва никому даже не приходили в голову. Я, как консул, больше интересовался социальной стороной массовых бомбардировок японских городов, а мой спутник, сотрудник военного аппарата, естественно, обращал основное внимание на военные аспекты разрушений в Хиросиме и Нагасаки.

В Хиросиме поезд остановился лишь на минуту, чтобы высадить нас и еще нескольких пассажиров – японцев, приехавших на розыск своих родственников. Когда мы вышли на перрон, оказалось, что вокзала, как такового, не существует, от него осталась лишь одна разрушенная стена. Платформа исковеркана, вместо паровозного депо и складов – груды железного лома, изуродованные конструкции, остовы обгорелых паровозов и вагонов.

На перроне мы увидели железнодорожника, который только что отправил прибывший из Токио поезд. Мы объяснили ему, что приехали осмотреть город, а вечером намерены продолжить путь до Нагасаки. Железнодорожник процедил сквозь зубы: «Приехали город осмотреть… А что смотреть, города-то нет!» Не обращая больше на нас внимания, он медленно побрел в сторону наскоро собранной лачуги, видимо служившей укрытием от дождя для служащих дороги.

Вскоре к нам подошел сотрудник местного управления безопасности. Чрезвычайно удивленный тем, что мы рискнули сойти с поезда в Хиросиме, он стал рисовать в самых мрачных красках картину разрушений. Говоря об опасности пребывания

людей в городе, он неоднократно употреблял выражение «заразная болезнь». Названия болезни, от которой погибли жители Хиросимы, он, видимо, не знал и только без конца повторял: «самая заразная болезнь». Он сильно волновался, в разговоре перескакивал с одного на другое, не зная, как вести себя с нами. Мы твердо сказали ему, что являемся советскими дипломатами, прибыли сюда в связи с капитуляцией Японии и ему не надо волноваться за нас. Нам хотелось самим увидеть пострадавших, поговорить с кем-либо из уцелевших. Поэтому мы обратились с просьбой показать нам хотя бы одного очевидца катастрофы 6 августа. Сотрудник и снова подошедший железнодорожник обменялись шепотом несколькими фразами, а потом ответили, что все пораженные при взрыве собраны в одном месте, но они являются «заразными больными», к тому же большинство уже умерло. Не доверяя их словам и полагая, что нас пытаются удержать от осмотра города, мы решили самостоятельно пройти по главной улице, обозначенной на туристской карте. Сотруднику безопасности ничего другого не оставалось, как отпустить нас. Сам же он поспешил в лачугу, где находилось еще несколько служащих, горела лампочка-времянка и беспрерывно звонил телефон.

Выбравшись из развалин вокзала, мы увидели перед собой широкую площадь, сплошь покрытую почти метровым слоем серого щебня. Кое-где из земли торчали обгоревшие пни деревьев, украшавших до катастрофы скверы и улицы города, да виднелись руины каменных зданий. Мы попытались ориентироваться по туристскому плану, но это оказалось невозможным.

Город Хиросима расположен в круглой, блюдцеобразной впадине, постепенно возвышающейся на окраинах. Взорванная над центром атомная бомба «Малыш», как ее нежно именовали американцы, равномерно поразила всю площадь города. Бомба вызвала колоссальной силы взрывную волну и выпадение радиоактивных заражающих веществ. Вследствие высокой температуры, достигавшей нескольких тысяч градусов, в городе возник гигантский пожар, который вслед за взрывной волной смел все на своем пути. От города с населением в 350 тыс. жителей и насчитывавшего более 70 тыс. деревянных и каменных построек остались практически одни руины. Погибло более 200 тыс. человек.

Окраина Хиросимы после атомного взрыва.
Август 1945 г.

Медленно пробираясь к центру города, мы предполагали увидеть огромную воронку, какие обычно образует взрыв авиационной бомбы, но ничего подобного не обнаружили. Центральная часть, как и весь город, напоминала пустыню из камни и пепла, к тому же выровненную каким-то огромным катком. Сделав здесь несколько фотоснимков и собрав немного бесцветных камней в качестве сувениров Хиросимы, мы направились к ближайшему уцелевшему жилью. Первые сохранившиеся от взрывной волны деревянные строения мы повстречали в удалении 5-6 км от центра взрыва, но и они оказались наполовину разрушенными.

Остаток дня и всю последующую ночь в ожидании поезда мы провели в гостинице на окраине Хиросимы. После всего увиденного и услышанного спать мы не смогли. Снова и снова мы задавали себе вопрос, зачем американцам потребовалось накануне вполне очевидного поражения Японии обращать огромный город в груды развалин, уничтожать сотни тысяч людей, безжалостно истреблять в округе все живое. Варварская бомбардировка, преступившая грани допустимого в войне, не имела здравого смысла. Она нужна была реакционным кругам США лишь как средство устрашения СССР и других миролюбивых государств.

На следующее утро мы выехали в Нагасаки. Атомная бомбардировка не оставила здесь таких опустошительных следов, как в Хиросиме. Гористая местность, близость моря,

преобладание каменных зданий в известной мере укротили взрывную волну, помешали распространению пожара. Однако воздействие радиоактивных осадков на живые организмы, почву и воду было еще более значительным, чем в Хиросиме. Число жертв от радиации, светового облучения, взрывной волны и пожара достигло 120 тыс. человек.

В годы войны мне трижды довелось бывать в Нагасаки во время поездок в Шанхай и Гонконг. Я посещал китайский и европейский кварталы, жил в старинной европейской гостинице, где, возможно, останавливались первый русский посол Путятин и писатель Гончаров, гулял по набережной залива, любуясь гигантскими черепахами, привезенными с юга и оставленными прямо на мостовой. Это был чудесный южный город, наполовину европейский, наполовину японский. Теперь я не узнал Нагасаки. Кругом множество развалин. Попытка найти здание бывшего русского консульства, построенного еще в царское время и значащегося как советское консульское имущество, оказалась безуспешной. Весь бывший иностранный квартал, здания на обоих берегах реки Уриками были сметены взрывной волной и огненной лавиной пожара. Мы осмотрели город, посетили порт, вышли на набережную залива, на дне которого покоилось 300 кораблей, затонувших при взрыве.

В Нагасаки осталось много переживших атомную бомбардировку людей, благодаря которым мы смогли пополнить наши впечатления. Очевидцы рассказывали, что прилетевший 9 августа утром, за час до атомной бомбардировки, американский самолет-разведчик сбросил на город тысячи разноцветных листовок, содержавших всего два слова: «Час пробил!» Одну такую листовку нам дали на память.

Нам показали место, где находилась школа. В то утро дети, игравшие на школьном дворе, следили за пролетавшим американским самолетом, сбросившим листовки. Через час занятий они вновь выбежали во двор. В это время поднявшийся до небес яркий шар осветил весь город и раздался оглушительный взрыв. Выскочившая из помещения учительница увидела, как невиданной силы ураган сбил детей с ног и понес к морю. Город был объят пламенем, стоял страшный грохот. Тут же учительница потеряла сознание.

В беседах с очевидцами, уцелевшими после взрыва атомной бомбы, мы услышали множество самых различных предположений. Некоторые утверждали, что американцы решили сбросить «адскую бомбу», так как не были уверены, что смогут сжечь обычными зажигательными и фугасными бомбами город, защищенный мощной береговой зенитной артиллерией. Другие

уверяли, что город пострадал из-за судостроительных доков компании «Мицубиси», способных после войны конкурировать с американскими. Было много и других высказываний на этот счет.

Памятник жертвам атомной бомбардировки.
Сентябрь 1975 г. Хиросима

Психологическое воздействие атомной бомбы в Нагасаки было менее ощутимым, чем в Хиросиме. Уже через две недели после взрыва в городе начались восстановительные работы: расчищались улицы от завалов, строились временные жилища, восстанавливался городской транспорт, налаживалось снабжение продовольствием, работали пункты медпомощи. По всему городу, в том числе и в выгоревших районах, встречались пешие и на

велосипедах полицейские патрули. Нам бросилось в глаза, что полицейские были без оружия, а их обращение с населением стало как будто менее грубым.

ПЕРВЫЕ МЕСЯЦЫ ОККУПАЦИИ ЯПОНИИ»

С капитуляцией Японии начался новый период в ее истории – период оккупации и крупных политических и социальных преобразований. В связи с новыми условиями произошли изменения и в составе и деятельности советского коллектива в Токио.

Сразу после капитуляции Японии советское посольство было упразднено. Добрая половина дипломатов и сотрудников, проработавших в течение всей войны в Токио, вместе с семьями возвратилась с первыми же рейсами самолетов и кораблей в СССР, и лишь небольшая группа была оставлена для работы в Японии. На смену уехавшим прибывали новые люди.

За несколько дней советский коллектив вырос с двух десятков человек до 250-300 и продолжал увеличиваться. Подавляющее большинство вновь прибывших составляли генералы и офицеры всех родов войск, прошедшие суровую школу Великой Отечественной войны и внесшие большой вклад в разгром фашистской Германии и милитаристской Японии, увенчанные многими наградами за доблесть и мужество в боях. Они были отобраны и направлены в Японию Коммунистической партией и Советским правительством для осуществления высокой миссии контроля за ходом разоружения и осуществления демократизации страны. Делали они это с присущими советским людям добросовестностью и великодушием. Вместе с военным персоналом в Токио прибыла большая группа опытных советских дипломатов и специалистов по экономическим, социальным и другим вопросам.

Все представители государств, участвовавших в войне против Японии, с легкой руки американского штаба именовались «оккупационным персоналом». Механизм контроля союзников в оккупированной Японии был достаточно сложным. В первые месяцы созданный для этих целей союзный аппарат назывался просто «оккупационным органом», а с декабря 1945 г. по решению Московского совещания министров иностранных дел СССР, США и Англии стал именоваться Союзным советом для Японии. На этом же совещании союзниками было решено создать директивный орган – Дальневосточную комиссию с постоянным местопребыванием в Вашингтоне.

Генерал Макартур – являлся главой Союзного совета, а представители СССР, Англии и Китая – членами совета.

Должности работников Союзного совета для Японии получили настолько замысловатые названия, что местное население зачастую было не в состоянии их прочитать или выговорить, поэтому нас японцы предпочитали называть просто «собэто» (советские). Например, моя должность именовалась так: «старший помощник политического советника при члене Союзного совета для Японии от СССР». В мою обязанность входило под руководством политсоветника изучать социальные проблемы Японии и разрабатывать необходимые мероприятия для их решения. Поскольку область социальных проблем крайне широка, приходилось заниматься множеством вопросов – от реорганизации государственного аппарата до перестройки образования, избирательной системы, демократизации политических и общественных институтов страны.

Уже первые шаги Союзного совета показали, что американское правительство намерено по своему усмотрению решать судьбы Японии, проводить здесь выгодную ему оккупационную политику. В опубликованном 29 августа 1945 г. правительственном заявлении США «О политике США в отношении Японии» прямо говорилось: «Конечная цель заключается в том, чтобы создать в Японии правительство, которое бы не нарушало мира и содействовало достижению всех целей США».

Довольно скоро стало ясно, что американский штаб и его командующий намерены проводить политику «американизации» Японии, а сам генерал Макартур повел себя как «некоронованный император».

Через некоторое время после описанной выше церемонии на линкоре «Миссури» состоялось первое заседание контрольного органа. Четыре его постоянных члена с составом своих рабочих аппаратов собрались в зале заседаний в здании «Мэйдзи билдинг», готовые приступить к осуществлению возложенной на них высокой миссии. Ровно в 15 часов из боковой двери появился, как всегда мрачный, генерал Макартур. Не повернув головы в сторону членов руководимого им органа, он прошел к трибуне и глуховатым голосом зачитал подготовленный им документ «Положение о деятельности контрольного органа для Японии». Закончив читать, без единого слова и каких бы то ни было эмоций Макартур удалился через ту же дверь, через которую вошел. Политический советник штаба тотчас же объявил заседание закрытым. Так начинал свою деятельность первый контрольный орган по Японии.

В 1950 г. мне снова довелось побывать в Японии и присутствовать на одном из заседаний Союзного совета. На

повестке дня стоял вопрос о выполнении правительством Есида директив Дальневосточной комиссии по Японии (ДВК) и рекомендаций Союзного совета о японских репарациях Индии, Бирме, Индонезии, Филиппинам и другим странам, которые оккупировала и грабила в годы войны империалистическая Япония. Ожидали прибытия самого генерала Макартура, но он не пришел. Открывая заседание, американский советник Сэболд спросил, есть ли у членов совета вопросы. Все ожидали содержательного сообщения, поэтому с вопросами не спешили. Тогда Сэболд объявил очередное заседание закрытым. На это заседание ушло всего 30 секунд. Как тогда говорили: снова установлен рекорд в деятельности Союзного совета.

Говоря об оккупационной политике США в Японии, нельзя пройти мимо личности генерала Макартура. Назначение его Главнокомандующим союзными войсками в Японии и главой контрольного органа являлось не случайным и было заранее предрешено западными союзниками.

Генерал Дуглас Макартур, судя по сообщениям его многочисленных биографов, был выходцем из родовитой шотландской семьи, близкой ко двору королей. Его отец после поражения Испании в 1898 г. был первым генерал-губернатором Филиппин, крупнейшим владельцем там каучуковых и сахарных плантаций. В 1904 г. отец и сын Макартуры участвовали в войне с Россией на стороне Японии. Свои недюжинные способности дипломата Дуглас Макартур проявил на посту личного адъютанта президента США Теодора Рузвельта, многое восприняв от этого глашатая колониализма.

Опуская его длинный послужной список, упомяну лишь, что в 1941 г. командующего вооруженными силами США на Филиппинах Макартура президент Ф. Рузвельт назначил Главнокомандующим объединенными силами США на Дальнем Востоке, и в этой роли он выступал вплоть до 1945 г. Историки и биографы намеренно преувеличивают военный талант Макартура, называя его «военным до мозга костей», «солдатом, храбрейшим из храбрых», в котором-де сосредоточились «сто наполеонов в одном», и т. д. Однако история второй мировой войны решительно опровергает это. В годы войны на Тихом океане генерал Макартур не раз терпел жестокие поражения. Как главнокомандующий он проявил себя бесцветным и безынициативным военачальником. Вплоть до 1944 г. он отсиживался в Австралии. Приписываемые ему успешные операции на Филиппинах в конце 1944 г. и на Окинаве весной 1945 г. были в решающей степени обусловлены победами в Европе и огромным перевесом англо-американцев в боевой

технике.

Мне многократно приходилось видеть Макартура. Он оставлял впечатление человека замкнутого, злого и надменного. Персонал штаба его не любил, вынужденный, однако, считаться с его высоким положением и тяжелым характером. Американский журналист Марк Гейн в своем «Японском дневнике» писал: «Даже его (Макартура –*М. И.*) сторонники соглашаются, что он эгоцентрист и позер, человек, который не терпит никакой критики и не способен признаться в ошибке, человек, который хочет, чтобы его признали „великим героем“ и „великим администратором“ в учебниках истории его собственной страны, Японии и Филиппин». Генерал Макартур чрезвычайно был склонен к саморекламе. Особенно он любил фотографироваться. Рассказывали, что, если номер армейской газеты «Старз энд страйпс» выходил без его портрета, он вызывал редактора и задавал ему вопрос: «Что, я уже не Главнокомандующий?» Толпа услужливых биографов постоянно окружала Макартура, а он охотно давал им пищу для славословий.

В Японии очень быстро уловили особенность характера Макартура. Японские власти вынуждены были раболепствовать перед ним. Генерал, например, любил вызывать к себе с докладами премьера Иосида и требовал, чтобы пресса подробно информировала об этом общественность. Весной 1946 г. Макартур принял в своей резиденции императора Хирохито, случай беспрецедентный в истории Японии, и санкционировал освещение этой встречи всеми видами информации, конечно, в благожелательном для себя тоне. Генерал Макартур был редким гостем в советском посольстве. Если он принимал приглашение, то заезжал буквально на две-три минуты и, поздравив главу представительства с праздником, по случаю которого устраивался прием, тотчас же уезжал. Однако, когда ему сообщили, что из Москвы прибыли известные кинорежиссеры (Зархи, Ошурков и др.), чтобы снять фильм о капитуляции Японии, Макартур немедленно приехал в посольство и долго позировал перед кинокамерой.

По своим политическим убеждениям Макартур был откровенным реакционером. Когда журналисты спросили, как он смотрит на установление республиканского строя в Японии, он не задумываясь ответил отрицательно, заявив при этом: «А что это даст США?»

Деятельность Макартура и его администрации в Японии была образцом двуличия, их слова и действия постоянно расходились. Например, в меморандуме о роспуске японских «дзайбацу» объявлялось о запрещении 15 крупнейших концернов, но

одновременно американский штаб разрешил деятельность десятков и сотен средних корпораций и банков, фактически являвшихся филиалами запрещенных концернов. Или в одном из меморандумов японскому правительству предписывалось провести чистку правительственных учреждений и арестовать военных преступников. На деле оккупационные власти освободили самых ярых из них, если они не воевали против США и лично против генерала Макартура. На аресте и казни генерала Яма-сита, разгромившего войска Макартура на Филиппинах и захватившего в феврале 1942 г. Сингапур, он настаивал особенно рьяно. В своем штабе в Токио Макартур создал «исследовательскую» группу из матерых японских разведчиков и обязал ее заниматься «изучением» территорий СССР и Китая. В своих заявлениях Макартур не раз говорил о демократизации Японии, введении свободы печати, неприкосновенности личности и т. д. И одновременно лично отдавал указания о закрытии всех прогрессивных изданий, запрещении японской компартии, отказе трудящимся в праздновании 1 Мая, об аресте и гонениях на коммунистических и социалистических деятелей Японии и т. п.

Макартур был отнюдь не случайной фигурой на посту Главнокомандующего союзными силами и главой Союзного совета. Выдвинувшие его реакционные круги США знали, на кого они делали ставку. Именно Макартур во многом способствовал тому, что с самого начала оккупации Японии, несмотря на огромные усилия и полезную деятельность в контрольных органах советских представителей, эти органы, созданные для демилитаризации и демократизации Японии, стали ареной «холодной войны».

Конечно, не генерал Макартур определял курс «холодной войны» во внешней политике США в послевоенный период. Прерогатива в этом принадлежала крупным монополиям, руководителям военно-промышленного комплекса и правительству США. Генерал Макартур же без колебаний следовал этому курсу, использовав оккупацию Японии, чтобы сделать большую политическую карьеру и выгодный финансовый и военный бизнес.

Уже первые месяцы и даже первые шаги оккупации Японии показали, что происходило смыкание интересов военно-промышленного комплекса, правительственной верхушки США, возглавляемой президентом Трумэном, и японской реакции во главе с императором. Скоро стала понятна и цель этого блока, состоявшая в том, чтобы сохранить Японию в качестве союзника империалистических кругов США в Азии, для чего необходимо было искоренить в Японии настроения антиамериканизма,

создать на базе остатков милитаризма мощный военный кулак. Поэтому важнейшие задачи оккупационной политики сводились к тому, чтобы на первом этапе умиротворить Японию, на втором – вооружить ее и сделать военным союзником.

В соответствии с указанными задачами американской оккупационной политики строились и органы ее руководства, ее рабочий аппарат, подбирались кадры. В руках Главнокомандующего генерала Макартура был свой мозговой центр – его штаб, где были собраны американские специалисты по военным, политическим, экономическим и социальным проблемам, в том числе по борьбе с «коммунистической опасностью» и национально-освободительным движением. Не было такой области жизни оккупированной Японии, где бы не хозяйничала американская военная администрация. Штаб Макартура имел право диктовать японскому правительству его политику, ликвидировать военные концерны, вести учет национальных богатств, регулировать финансы, направлять работу промышленности и транспорта, распускать армию и производить аресты военных преступников, запрещать фашистские и националистические организации, контролировать печать, систему образования, деятельность политических партий, профсоюзов и т. п. Одним из значительных мероприятий штаба Макартура в первые месяцы были мероприятия, связанные с разработкой новой конституции и пересмотром закона о выборах.

В проведении оккупационной политики в Японии мы, советские представители в Союзном совете, всегда строго руководствовались согласованными всеми союзниками решениями о демократизации политической и общественной жизни в этой стране, об искоренении остатков милитаризма и ультранационализма. Своим поведением и внешним обликом каждый из офицеров и дипломатов стремился не уронить достоинства советского человека – представителя СССР.

Теперь мы часто, чуть ли не каждый день, бывали в городе. У каждого на машине знак оккупационных войск, а в кармане документ о принадлежности к «офицерскому персоналу» Союзного совета, что обязывало население относиться с уважением. Мы, естественно, не злоупотребляли своим новым положением, соблюдали необходимый такт, и это, как правило, располагало к нам простых японцев.

Наши офицеры и генералы выходили в город только в военной форме, с орденами, без оружия. Где бы они ни останавливались, тут же собиралась толпа любопытных. Я заметил, что особенно пристальный интерес японцев вызывали взаимоотношения между советскими генералами и офицерами,

офицерами и рядовыми. Ведь закончившаяся война преподала им много примеров произвола японского офицерства, грубости с подчиненными и в отношениях с гражданским населением. Надо было видеть, с каким умилением японцы наблюдали за товарищескими отношениями генерал-лейтенанта К. Н. Деревянко и его шофера Вани Захарчука, в которых требовательность генерала и беспрекословное повиновение солдата сочетались с сердечной заботой друг о друге. И уже совсем не было конца удивлению и разговорам токийцев, когда за рулы автомобиля садился сам генерал.

Наши офицеры и генералы как-то естественно, без длительного и болезненного периода адаптации нашли общий язык с рядовыми японцами. В то время как в американских оккупационных войсках в Японии произошло большое количество правонарушений, вплоть до убийств и изнасилований, руководители советской части Союзного совета почти не знали забот в связи с взаимоотношениями личного состава с американцами и местным населением. Я сказал «почти», так как единичные эксцессы все-таки были.

Прибывшие из Владивостока наши морские летчики отправились на Гинзу, чтобы ознакомиться с городом. Проходя вдоль канала перед дворцом, они повстречали группу гуляющих американских солдат и сержантов. Один из американцев издевательски крикнул по-русски летчикам: «Эй вы, русские самовары!» Остальные поддержали его вызывающим хохотом. Это оскорбило наших парней, и они потребовали от хулигана извинения. В ответ американские солдаты принялись грубить, в результате чего завязалась драка. Пять американцев были избиты, а один к тому же угодил в канал. Собравшиеся вокруг японцы не вмешивались в драку, но явно были на стороне наших летчиков. Подоспевший военный корреспондент вооружился кинокамерой и заснял «битву союзников». На следующий день присланная из американского штаба бумага уведомила генерала Деревянко о случившемся. Командованию пришлось приносить союзникам извинение.

Или другой случай. Прибывший в составе роты обслуживания один из мичманов часто отлучался в город по делам, о которых никому не докладывал. Вскоре политрук роты заинтересовался поведением мичмана и установил, что тот якобы «коллекционирует» японские часы, скупая их по дешевке или добывая каким-то иным способом. При обыске мичмана было обнаружено около трех десятков часов различных систем, как он уверял, купленных им или «взятых в долг». Мичмана самолетом отправили во Владивосток. Генерал Деревянко приказал обойти

всех часовщиков Токио и возвратить добытые часы, принеся при этом извинения.

Я потратил не менее трех суток, чтобы объехать на машине всех часовщиков. Каково было наше удивление, когда через несколько дней к штабу советской части Союзного совета пришла большая группа токийских часовщиков с благодарностью генералу Деревянко «за великодушие и хорошее воспитание подчиненных». Тут же генералу они подарили музыкальную шкатулку.

Наряду с приведенными выше мелкими случаями были, конечно, и более значительные проблемы. Во взаимоотношениях с Японией одной из самых сложных явилась проблема военнопленных. Она доставила немало хлопот соответствующим советским властям и нам, сотрудникам советского представительства в Токио.

На территории Советского Союза сразу после войны оказалось много сотен тысяч военнопленных солдат и офицеров Квантунской армии и других японских соединений. Советское правительство с самого начала в обращении с ними, как и с военнопленными любой другой страны, строго руководствовалось нормами, определенными в международных конвенциях. Пленные обеспечивались независимо от служебного положения в японской армии высококалорийным продовольственным пайком, включавшим рис, а также одеждой, обувью, медицинской помощью. Большое внимание уделялось охране их труда и здоровья, организации культурного отдыха, воспитательной работе. Впоследствии все это имело большое значение, когда японские военнопленные были репатриированы на родину. Напомню, что Советское государство проявляло заботу о военнопленных в труднейший для него период, когда только что закончилась разорительная, кровопролитная война и наш народ сам испытывал колоссальные лишения.

Единственное, что не удалось сделать сразу, – это составить и передать соответствующим японским властям точные списки, содержавшие сведения о каждом живом, раненом, убитом или. пропавшем без вести японском военнослужащем. Это было очень сложное дело, требовавшее месяцев кропотливой работы органов учета, тем более что было немало случаев умышленной смены фамилий, предоставления военнопленными ложных сведений о себе. Трудности со списками и были использованы для нагнетания в Японии антисоветской атмосферы.

Подстрекаемые местной реакцией и злостной пропагандой из-за рубежа, родственники погибших и военнопленных в одиночку и толпами стали осаждать советское представительство,

требуя сведений о своих близких и отправки личных писем. В дополнение ко всему откуда-то вдруг объявились «бежавшие из советского плена», распространявшие ложные слухи, провоцировавшие смуту. В нашем представительстве пришлось открыть специальное справочное бюро, дававшее всевозможные разъяснения и ответы на запросы. Американские оккупационные власти, видя все это, потирали от удовольствия руки. Однако злопыхателям не суждено было долго торжествовать.

Первые же партии репатриантов из СССР начисто развеяли туман лжи и клеветы. Гуманное обращение советских властей с японскими военнопленными в лагерях, трудовое и демократическое воспитание, достойный подражания пример стойкости советских людей, с энтузиазмом занимавшихся восстановлением народного хозяйства, привели к тому, что вчерашние солдаты и офицеры императорской армии, воспитанные на ультранационалистических идеях и кодексе самурайской чести, сразу после возвращения на родину большими группами вливались в демократическое движение, многие вступали в КПЯ и СПЯ. И если сегодня, через 30 с лишним лет после войны, мы встретим пожилого японца, говорящего по-русски с характерным сибирским акцентом, или услышим в Японии русскую «Катюшу», увидим какие-то русские обычаи в японской семье, не будем этому удивляться. Это прежде всего добрые воспоминания о стране, где к пленному японскому солдату отнеслись с великодушием, которое оставило в его душе след на всю жизнь.

И не случайно, что реакция срочно забила тревогу. На территории Японии во всех местах въезда репатриантов из Советского Союза японская и американская службы безопасности устроили так называемые карантинные лагеря, в которых выявляли тех, кто «поддался красной пропаганде», перестал исповедовать идеи шовинизма и милитаризма, выступал за демократическое обновление Японии. Прежде чем вернуться в родной дом и встретиться с близкими и друзьями, бывшие военнопленные попадали за колючую проволоку, проводили немало дней в нетопленых бараках, пока шла проверка их лояльности, а заодно и сбор разведывательных сведений о Советском Союзе. Но запугать людей, увидевших свет новой жизни, помешать их демократическому пробуждению уже не могли ни лагеря, ни колючая проволока.

Было бы в высшей степени несправедливо видеть в проводимой союзниками оккупационной политике только теневые стороны и отрицать объективный процесс демократизации всей политической и общественной жизни

Японии после военного поражения. И дело тут объясняется прежде всего настроениями самих японских трудящихся, уставших от долгих лет войны, прозревших в результате военных неудач и поражения. Вышедшие из тюрем и лагерей руководители КПЯ и СПЯ безотлагательно взялись за дело организации масс, за переустройство японского общества на новых началах.

Представители Советского Союза в Союзном совете и в ДВК использовали все свое влияние для ликвидации последствий милитаристского воспитания трудящихся, для создания прочных основ демократизации страны. К сожалению, начальный, наиболее прогрессивный период в деятельности Союзного совета оказался весьма кратким, не более одного года. Вся последующая деятельность Союзного совета, не по вине советских представителей, все больше сводилась к одностороннему процессу «американизации» государственного и общественного уклада Японии. В 1951 г. после конференции в Сан-Франциско необходимость в существовании Союзного совета для Японии отпала, и он был распущен.

В БОРЬБЕ ЗА НОВУЮ ЯПОНИЮ

Поражение Японии в войне и вытекающие из безоговорочной капитуляции обязательства страны легли тяжелым бременем на плечи японских трудящихся. Правящие классы и на этот раз пострадали меньше всего, хотя на их совести лежала главная вина за развязывание войны и пережитые народом бедствия.

Наши симпатии неизменно были на стороне простых людей Японии. Прожив несколько лет в стране, мы не переставали поражаться энергии, трудолюбию, предприимчивости и стойкости перед трудностями рядовой массы японцев. Кончилась война, отгремели раскаты бомбежек, потухли зарева пожаров. И у людей появилось неистребимое желание забыть войну с ее кошмарами атомных бомб и штабелями обугливших трупов. Жизнь на глазах преображалась, каждый с жадностью брался за свое дело. Еще вчера горожане толпами бежали из пылающих городов, брошенные их правителями на произвол судьбы, а сегодня они возвращались к своим развалинам, чтобы жить, строить, растить детей.

Конец 1945 г. был характерен сменой политического климата в самой Японии. Оккупационные власти ежедневно выпускали десятки меморандумов, громогласно объявляли о демилитаризации, демократизации, чистке государственного аппарата и наказании военных преступников. Заявлений и шума было много, но в целом дело двигалось крайне медленно. Бумажная канонада вначале вызвала панику в японском правительстве. Но японские государственные деятели очень скоро поняли, что не надо бояться «грозных» меморандумов штаба оккупационных войск, их следует почтительно принимать и аккуратно подшивать по разным папкам и досье. Выполнять же нужно только те приказы и меморандумы, которые прямо затрагивают интересы США и самого Макартура.

Одним из важных мероприятий штаба Макартура в первые дни оккупации была директива о проведении в апреле 1946 г. выборов в новый японский парламент. Для подготовки к ним специально выделяли полгода, чтобы, как тогда говорили, «научить японцев демократии». В выборах могли участвовать только те партии, которые зарегистрировались в министерстве внутренних дел за шесть месяцев до выборов. Это ускорило процесс активизации политической жизни в Японии, стимулировало образование политических партий.

Уже в первые месяцы оккупации партии и политические организации стали появляться в Японии точно грибы после

дождя. Имелись партии, насчитывавшие ко дню регистрации тысячу членов, но было множество таких, в которых значился всего десяток членов. Каких только не было партий: «социалистические», «социал-демократические», «трудовые», «рабочие» и пр. Возникло большое количество партий и групп, созданных по профессиональному принципу, на монархической и религиозной основе, вроде партии «Почитателей 246 императора и социализма», «Партии буддийского социализма» и т. п. В газетах замелькали сотни названий партий и общественных организаций, в существе которых разобраться было невозможно.

Мне, как сотруднику советской части Союзного совета, ведавшему социальными и политическими проблемами, пришлось достаточно много заниматься делами политических партий и организаций. В аппарате политсоветника образовалась специальная группа, члены которой готовили необходимые документы, посещая для этого парламент, канцелярии министерств, штабы партий, редакции газет, школы и университеты, комитеты профсоюзов. Повсюду нас ожидали множество встреч, масса новых людей, подчас с самыми невообразимыми идеями. Японцы, избавившиеся от многолетнего милитаристского гнета, сбросившие с себя оковы военно-полицейского режима, стремительно ринулись в хлынувшее на них половодье свободы.

В министерстве внутренних дел нам показали книги учета и регистрации новых партий. В восьми объемистых томах были собраны данные о нескольких тысячах новых партий и организаций, собиравшихся принять участие в предстоящих выборах. Чиновники министерства не без иронии утверждали, что, если в Японии где-то собрались три человека, из них можно создать четыре партии с разными политическими платформами. В этой шутке тогда крылась известная доля правды.

Выписав десятка два-три новых названий, мы отправлялись по указанным в учетных книгах адресам, чтобы ознакомиться с ними на месте. Пусть читатель будет снисходителен к словам «партия», «руководство», «штаб партии» и не воспринимает их слишком всерьез. В Японии 1945 г. их содержание было намного проще и примитивнее, чем мы привыкли в них вкладывать.

Мы посетили штаб новой Социалистической партии на Симбаси. Это только по названию «штаб партии», на самом же деле – грязный неотапливаемый закуток. На полу замызганные циновки, посередине глиняный горшок с золой и окурками – «хибати». В облаках густого табачного дыма невозможно разглядеть, сколько людей в помещении. Бумажная перегородка беспрерывно в движении, то и дело кто-то входит или выходит.

Еще подходя к «штабу партии», мы услышали громкую перебранку на втором этаже. Оказалось, это ветераны социалистического движения Японии, только что вышедшие на свободу, чуть ли не с помощью кулаков обсуждают вопрос о том, какой быть Социалистической партии Японии, по какому пути вести рабочее движение, как решать аграрную проблему и т. д.

Там, на Симбаси, мы встретили ветеранов рабочего и социалистического движения – Кандзю Като и его супругу, Тэцу Катаяма, Рикидзо Хирано, позднее познакомились с подлинными вожаками социалистического движения Асанума, Курода и др. Аресты и преследования раньше времени состарили этих людей, но не убили в них живой искры, интереса к политической борьбе. Однако единства в среде социалистов не было. С первых дней правые социалисты во главе с Нисио повели атаки на левое крыло партии, возглавляемое видными деятелями социалистического движения – Асанума, Курода, Като, угрожая в случае непринятия их ультимативных требований создать новую партию.

Коммунисты оказались в самом тяжелом положении. Ведущие деятели Коммунистической партии продолжали отбывать тюремное заключение, несмотря на неоднократные настойчивые требования Советского правительства об освобождении всех политических заключенных. Часть руководителей партии находилась в эмиграции в Китае и в Америке.

Лишь в первой половине октября 1945 г. появились признаки возрождения Коммунистической партии – подлинного вождя японских трудящихся. Штаб Макартура вынужден был освободить из японских тюрем оставшихся в живых руководителей КПЯ товарищей Кюити Токуда и Есио Сига. Вышли на свободу некоторые другие деятели коммунистического движения Японии. Возвратился из эмиграции в Китае Носака.

За несколько Дней до освобождения Токуда и Сига мне довелось вместе с корреспондентом ТАСС А. В. Варшавским посетить токийскую тюрьму Футю, гдё, как стало известно, содержались в последние месяцы коммунисты. Мы подъехали к воротам тюрьмы на машине со знаками Союзного совета. Мой коллега к тому же в форме, с удостоверением военного корреспондента. Все это в сочетании с английской речью убедило охрану в том, что мы из штаба, и она без колебаний пропустила нас. Мы потребовали показать нам камеры, где содержались самые важные заключенные. Нас провели в изолированный барак, в котором находились Кюити Токуда и Есио Сига. Каждый из них провел в заключении в общей сложности не менее 18 лет.

Перед нами сидели на циновках изможденные долгими

годами каторжных работ и заключения два старика. На них много раз латанные тюремные костюмы и колпаки. Оба страшно худые, болезненного вида. Мы представились и попросили сопровождающих оставить нас наедине с арестованными. Охрана удалилась, и с ней вышли два других японских товарища, которые, как мы узнали потом, по поручению партии несли охрану и оказывали необходимую личную помощь больным руководителям.

Вначале разговор явно не клеился. Но как только мы сообщили, что являемся членами советской части Союзного совета и прибыли по указанию генерала Деревянко, разговор оживился и приобрел доверительный характер. Мы информировали японских товарищей о шагах Советского правительства, направленных на освобождение политзаключенных, расспрашивали о состоянии здоровья, условиях содержания, настроениях коммунистов, их осведомленности о событиях в мире. С их стороны также было много вопросов. Товарищ Токуда интересовался, чем закончилась война с фашистской Германией, какова обстановка в Европе и Азии, велики ли жертвы советского народа, что стало с Москвой, уцелел ли мавзолей В. И. Ленина. Токуда при этом вспомнил о встрече с В. И. Лениным в 1922 г., когда создавалась Коммунистическая партия Японии.

Беседа длилась более часа. Ветераны рассказывали о годах, проведенных в тюрьмах. Условия в них были чрезвычайно тяжелыми, особенно в последние военные годы, обращение тюремной администрации – бесчеловечным. Многие коммунисты погибли от пыток, болезней и голода. Несмотря на каторжные условия, коммунисты сохранили верность марксистско-ленинским идеям, всегда верили в победу Советского Союза. Среди заключенных коммунистов постоянно поддерживалась строгая партийная дисциплина. Но связь их с внешним миром была крайне ограниченной. «После выхода из тюрьмы, – говорил товарищ Токуда, – предстоит собрать силы и приступить к восстановлению партии».

Руководители КПЯ сообщили нам, что некоторое время тому назад тюрьму посетил представитель штаба Макартура и говорил о предстоящем освобождении коммунистов. Он изо всех сил убеждал заключенных провести в знак благодарности манифестацию освобожденных коммунистов перед штабом Макартура. После его посещения в тюрьме несколько улучшилось обращение, вместо одного раза пищу стали давать два раза в день. Товарищ Токуда предложил попробовать их обед. Мы заглянули в глиняную миску и увидели какое-то месиво из

рубленой ботвы и размоченных зерен чечевицы. Можно представить себе, чем раньше кормили здесь заключенных.

Когда мы уходили из тюремного барака, все его обитатели нас провожали. Это было зрелище, трогавшее до слез. Большинство заключенных из-за слабости не могли стоять, у многих не было зубов, тело в язвах и лишаях, кожа землистого цвета. В ответ на наши слова: «До свидания, товарищи. До встречи на свободе!» – они кричали по-японски и по-русски: «Товарищ!», «Москва!», «Ленин!», «Спасибо!»

Через несколько дней состоялось освобождение из японских тюрем политических заключенных. Вышедшие из тюрем коммунисты пошли не к штабу Макартура, а медленной колонной, опираясь на плечи друзей и родных, направились в парк Хибия, где состоялся многотысячный митинг бывших заключенных. Это была незабываемая манифестация. Искалеченные и больные борцы-антифашисты, стойкие коммунисты демонстрировали свое единство в борьбе против милитаризма и реакции. Провокаторы пытались сорвать митинг: они перекрыли подходы к парку, выключили свет, распространяли среди прохожих панические слухи. Однако участники митинга не поддались на провокации, наиболее боеспособные из них взяли в свои руки охрану порядка.

Председательствовал на митинге товарищ Токуда. Выступавшие не произносили длинных и утомительных речей. Все они клеймили позором тех, кто вовлек японский народ в войну, клялись бороться до конца за полное освобождение страны от капиталистического рабства. Помню, как на помост, заменявший трибуну, поднялась сгорбленная страданиями и нуждой старушка и сказала: «Мой сын Ходзуми был хороший человек, я думаю, он самый хороший сын. Его казнили палачи за связь с коммунистами. Если мой сын помогал коммунистам и его за это казнили, значит, коммунисты тоже хорошие и правильные люди. Запишите меня в коммунисты!»

После митинга был устроен сбор средств, необходимых на воссоздание компартии Японии. Люди подходили к столу и все, что у них было сколько-нибудь ценного, клали на разостланный платок – «фуросики». Никто не спрашивал фамилий, никаких списков не вели.

Через непродолжительное время в Токио состоялся IV съезд КПЯ – первый съезд после возрождения партии. Собравшиеся на съезд делегаты представляли Коммунистическую партию Японии, уже насчитывавшую в своих рядах 40 тыс. членов.

Совсем по-другому вели себя после капитуляции реакционные силы Японии. Опасаясь арестов и чистки,

реакционные деятели не спешили раскрывать себя. Они покинули столицу и терпеливо выжидали, куда склонится стрелка политического барометра, как поведут себя союзники и их контрольный орган – Союзный совет. Активисты теперь уже бывшей монархо-фашистской Политической ассоциации помощи трону, депутаты парламента военного времени, руководители ультранационалистических организаций и ассоциаций без единого возражения согласились с роспуском штабом оккупационных войск их детищ и через подставных лиц стали зондировать почву о возможности создания своих партий, прогрессивных по названию и реакционных по существу. Так вскоре были зарегистрированы в министерстве внутренних дел новые буржуазные партии – Либеральная и Демократическая. Вчерашние идеологи милитаризма, на протяжении многих лет представлявшие социальную опору японской военщины, злейшие враги трудящихся и социализма и представителя крупного Капитала теперь собирались бороться за «свободу и демократию» японских трудящихся.

Очень скоро на поверхность политической жизни Японии всплыли фигуры матерых политиканов, которые, по их утверждению, якобы боролись с японским милитаризмом и стремились к миру с союзниками еще в годы войны: это Сигэру Есида, барон Сидэхара, бывший министр торговли и промышленности Киси и ряд других. Вскоре барон Сидэхара стал премьером Японии, а его преемники Есида, Киси, Икэда ждали своей очереди на этот пост.

ПРОЩАЙ, ЯПОНИЯ!

В конце 1945 г. я обратился к главе советской части Союзного совета с ходатайством об окончании моей командировки и разрешении вернуться на Родину. Генерал Деревянко обещал удовлетворить мою просьбу, как только прибудут в Токио новые работники, знающие страну и язык. Время шло, а решение моего вопроса все откладывалось. Я, естественно, продолжал работать и старался не надоедать руководству. Наконец пришел и мой черед отправиться в Советский Союз, правда, не совсем так, как я ожидал.

Утром 16 августа 1946 г. моя машина попала в аварию. В бессознательном состоянии меня доставили в международный госпиталь. После того как меня выписали из госпиталя, было принято решение об эвакуации меня и моей семьи.

Не скрою, что расставание с Японией было нелегким. Кончалась интереснейшая полоса моей жизни, полная тревог и напряженного труда. Жаль было расставаться со страной, ее замечательным народом.

В последующие годы мне довелось работать в ряде стран Азии. Несколько раз приезжал я и в Японию, встречался там со многими людьми разных профессий и разного общественного положения. Но первая командировка, которой посвящена книга, осталась самым волнующим воспоминанием. Взревели моторы, «Дуглас» оторвался от земли и взял курс на СССР.

Прощай, Япония

notes

Примечания

1

Брежнев Л. И. Отчетный доклад ЦК КПСС XXV съезду КПСС. М„ 1976, с. 24.

2

Там же, с. 21.

3

«Сюкан Иомиури», 15.VIII.1975, с. 78-79.

4

Татами – циновка из рисовой соломы. Служит также мерой жилой площади, равной примерно 2 кв. м.

5

Сакура – декоративная вишня. Любование цветением сакуры – старинный народный обычай.

6

Сан – форма уважительного обращения, равнозначно – господин (госпожа) Судзуки.

7

Ф. Коноэ. Усиварэси сэйдзи (Проигранная политика). Токио. 1946, с. 37.

М. Колесников. Рихард Зорге. М., 1971, с. 245.

9

М. Ю. Рагинский, С. Я. Розенблнт. Международный процесс главных японских военных преступников. М., 1950, с. 171-173.

10

Т. Хаттори. Япония в войне 1941-1945 гг. М., 1973, с. 44

11

Сильвина, японка по национальности, имела советское гражданство и получала за мужа от Советского правительства пенсию.

12

См.: История второй мировой войни 1939-1945 гг. Т. 3. М., 1974, с. 191-165.

13

Цит. по: Японский милитаризм. М., 1972, с. 138.

14

Скияки – мясо, жаренное в сое с сахаром и приправами.

15

«Бери-бери» – заболевание, характеризующееся поражением нервов конечностей, расстройством сердечно-сосудистой системы и отеками.

16

См.: А. С. Савин. Освободительная миссия на Востоке. М., 1976, с. 231-244.

«Правда», 15.VIII.1945.